

www.sattor.com

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЯ

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЯ

САФАР-НАМЭ

Носири Хусрав - Nosiri Khusrav

НАСИРИ ХУСРАУ (1004 – 1088)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЪЕЗД. СЕВЕРНЫЙ ПЕРАИЗ И МАЛАЯ АЗИЯ	3
СИРИЯ. ТРИПОЛИС И БЕЙРУТ	10
БЕЙТ-АЛ-МУКАДДАС И ЕГО МЕЧЕТЬ	18
ОГРАДЫ И КАМНЯ САХРА ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМА	28
ОПИСАНИЕ ГРОБНИЦЫ ДРУГА БОЖЬЕГО	30
ПЕРЕЕЗД В ЕГИПЕТ	33
ОПИСАНИЕ ГОРОДА МИСРА И ЕГО ОБЛАСТИ	35
ОПИСАНИЕ ГОРОДА КАИРА	38
БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЕГИПТА	42
ОПИСАНИЕ ГОРОДА МИСРА	45
ОПИСАНИЕ ПИРОВ СУЛТАНА	50
ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГИПЕТСКОГО СУЛТАНА	51
ПРИБЫТИЕ В МЕККУ	52
ОПИСАНИЕ ОБРАТНОГО ПУТИ В ПЕРСИЮ ЧЕРЕЗ МЕККУ	55
ОПИСАНИЕ МЕККИ. АРАВИЯ И ЙЕМЕН. КА'БА. ЗЕМЗЕМ.	60
ОПИСАНИЕ ОТКРЫТИЯ ДВЕРИ КА'БЫ	68
УМРЭ, СОВЕРШАЕМОЕ В ДЖИ'РАНЭ	69
ОТЪЕЗД ИЗ МЕККИ. ЙЕМЕН. ЛАХСА. БАСРА	71
ОПИСАНИЕ ЛАХСЫ	74
ОПИСАНИЕ ОБЛАСТЕЙ БАСРЫ	80
ОПИСАНИЕ ХАШАБА	81
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. ИСФАХАН. ТАБАС И ТУН. СНОВА В БАЛХЕ	83

ОТЪЕЗД. СЕВЕРНЫЙ ПЕРАИЗ И МАЛАЯ АЗИЯ

Во имя господя всеблагого, всемилостивого!

Так говорит Абу Муни-ад-Дин Насир-и Хусрау ал-Кубадиани ⁴ ал-Марвези, ⁵ да простит ему господь прегрешения его!

Я занимался канцелярскими работами, принадлежал к числу заведующих государственными имуществами и делами и выполнял работу в диванах. ⁶ Долгое время я занимался этим делом и приобрел некоторую известность среди моих сослуживцев.

В Реби-ал-ахир ⁷ четыреста тридцать седьмого года, когда Абу Сулейман Джагрыбек Дауд ⁸-ибн-Микаил-ибн-Сельджук [30] был эмиром Хорасана, я выехал из Мерва по служебным делам и остановился в Пендждихе в области Мерв-ар-Руд. В этот день Меркурий поднялся в зенит. Говорят, что в этот день что бы человек ни пожелал, господь, велик и славен да будет он, все выполнит. Я отошел в угол и совершил два раката ⁹ намаза, дабы господь всевышний, благословенный дал мне богатство.

Когда я вернулся к приятелям и спутникам своим, один из них начал читать по-персидски стихотворение. Мне тоже пришло в голову стихотворение, я захотел, чтобы он прочитал его, написал эти стихи на листке бумаги и хотел дать ему прочесть. Но не успел я еще вручить ему бумагу, как он уже начал читать это самое стихотворение, слово в слово. Я счел это обстоятельство за доброе предзнаменование и молвил про себя:—господь всевышний, благословенный услышал мою просьбу. Оттуда я направился в Джузджанан. ¹⁰ Там я пробыл около месяца и постоянно пил вино. Посланник — да помилует и да сохранит господь его и семью его — говорит: — Говорите правду, хотя бы она и порочила вас.

Как-то ночью приснилось мне, что кто-то мне говорит:—Долго ли ты будешь пить это вино, которое отнимает у человека рассудок? Было бы лучше, если б ты образумился. —Я ответил: — Мудрецы не смогли придумать ничего другого, [31] что отгоняло бы мирские заботы. — Голос сказал: — Бесчувствие и беспамятство не есть покой. Нельзя назвать мудрецом того, кто указывает человеку путь к бесчувствию. Напротив, надо искать что-нибудь, что могло бы увеличить силы разума и рассудка. — Откуда же мне взять это? — спросил я. — Ищущий находит, — ответил он и указал в сторону Кыблы. ¹¹ Больше он уже ничего не говорил. Проснувшись, я вспомнил обо всем этом. Сон произвел на меня впечатление, и я молвил про себя: — Я проснулся после вчерашнего сна, надо мне проснуться и от моего сорокалетнего сна. Я подумал, что не добьюсь счастья, пока не изменю всех своих дел и привычек.

В четверг шестого Джумада-л-Ухра ¹² четыреста тридцать седьмого года, что соответствует пятнадцатому числу месяца Дея четыреста десятого года эры Иездегирда, ¹³ я отправился в соборную мечеть, сотворил намаз и попросил господ всевышнего, благословенного, чтобы он помог мне совершить обязательное для меня дело и отстраниться от всего запретного и непохвального, как это повелевает господь, велик и славен да будет он. Оттуда я направился в Шапурган, ¹⁴ ночь провел в поселении Фарьяб ¹⁵ и через Сенглан и Талькан проехал в Мерв-ар-Руд. Оттуда я поехал в Мерв, попросил освобождения от исполнения **[32]** лежавших на мне служебных обязанностей и сказал: — Намереваюсь я поехать посетить Кыблу.— Затем я сдал все свои дела, отказался от всего имущества, кроме небольшого количества самого необходимого, и двадцать третьего Шабана ¹⁶ выехал в Нишапур. Из Мерва я поехал в Серахс, что составляет тридцать фарсахов, а оттуда до Нишапура еще сорок фарсахов. ¹⁷ В субботу одиннадцатого Шаввала ¹⁸ я прибыл в Нишапур, а в среду, последний день ¹⁹ этого месяца, было солнечное затмение.

Правителем в это время был Тогруль-бек Мухаммед, брат Джагры-бека, он приказал выстроить медресе ²⁰ неподалеку от базара седельных мастеров и его как раз строили. Сам же он в это время направился в первый раз походом на Исфакан. Второго Зу-ль-Ка'дэ ²¹ я выехал из Нишапура вместе с ходжей Муваффаком, состоявшим при особе султана. Через Кевван я доехал до Кумиса, ²² где посетил гробницу Шейха Баязида Бистами, ²³ да освятит господь дух его.

В пятницу восьмого Зу-ль-Ка'дэ я прибыл оттуда в Дамган, ²⁴ а первого Зу-ль-Хидже ²⁵ четыреста тридцать седьмого года через Абхурн и Чаштхаран проехал в Семнан. ²⁶ **[33]**

Там я пробыл некоторое время и начал искать ученых людей. Мне указали на одного человека, называвшегося Устад ²⁷ Али Несаи. Я пошел к нему. Это оказался молодой человек, говоривший по-персидски, как говорят жители области Дейлем, носившей длинные распущенные волосы. Перед ним сидело значительное число учеников, из которых часть читала Эвклида, часть медицинские и часть математические книги. Посреди речей он иногда говорил: — Я то-то читал перед Устадом-Абу-Али-Синой, да помилует его господь, и то-то слышал от него... — По-видимому, он хотел, чтобы я знал, что он ученик Абу-Али-Сины. ²⁸

Когда я вступил с ним в диспут, он сказал: — Я ничего не знаю о сийаке ²⁹ и хотел бы научиться этому способу вычислений. — Я удивился, ушел оттуда и молвил про себя: — Если он сам ничего не знает, чему же он может учить других?

От Балха до Рея я насчитал триста пятьдесят фарсахов, а говорят, что от Рея до Савэ тридцать фарсахов, от Савэ до Хамадана тоже тридцать, от Рея до Исфакана пятьдесят фарсахов, а до Амуля тридцать. Между Реем и Амулем лежит гора Демавенд, она похожа на купол и ее называют также и Ливасан. Говорят, что на вершине этой горы есть колодец, где добывают аммонияк; некоторые утверждают,

что там есть и сера. Люди берут бычьи шкуры, наполняют их [34] аммониаком и катят вниз с горы, потому что по дороге их доставить вниз невозможно.

Пятого Мухаррама четыреста тридцать седьмого года, ³⁰ что соответствует десятому числу месяца Мурдада четыреста двадцать пятого года по персидскому летосчислению, я направился в Казвин и доехал до деревни Кухэ. ³¹ Там был недород и один мен ³² ячменного хлеба продавали за два дирхема. ³³ Я уехал оттуда и девятого Мухаррама прибыл в Казвин.

Там было много садов, не защищенных ни заборами, ни колючими изгородями, ни чем таким, что могло бы воспрепятствовать войти. Я нашел, что Казвин красивый город с укреплениями и поставленными на них вышками и прекрасными базарами. Только воды там было мало и текла она по трубам, проложенным под землей. Управителем этого города был какой-то Алид и из всех ремесел в этом городе было больше всего сапожников.

Двенадцатого Мухаррама четыреста тридцать восьмого года ³⁴ я выехал из Казвина через Биль и Кабан, его пригороды, и прибыл в поселок, который называют Харзевиль. У нас, то есть у меня, моего брата и сопровождавшего нас слуги — мальчика индуса, было мало дорожных припасов. Брат мой пошел в поселок, чтобы купить что-нибудь у бакалейщика. Кто-то спросил его: — Ты чего хочешь? Я — бакалейщик. — Нам годится все, что бы у тебя ни нашлось, — ответил брат: — [35] ибо мы чужестранцы и здесь только проездом. — Тот ответил: — У меня ничего нет. — После этого, когда кто-нибудь говорил такие слова, я всегда восклицал: — Это Харзевильский бакалейщик.

Когда мы выехали оттуда, дорога пошла круто под гору. Проехав три фарсаха, мы прибыли в деревню, принадлежащую к области Тарим ³⁵ и называемую Берз-аль-Хейр.

Она лежит в жаркой полосе и там много деревьев, гранаты и инжир, которые по большей части росли дико. Выехав оттуда, мы приехали к реке, называемой Шах-руд; на берегу ее лежит деревня Хандан, где с нас взяли пошлину и пользу эмира эмиров, принадлежащего к роду владетелей Дейлема.

Выйдя из этой деревни, река сливается с другой рекой, называемой Сенид-руд. Слившись вместе, эти реки текут вниз, в долину, на восток от Гиланских гор, протекают через Гилан и впадают в Абискунское море. ³⁶ Говорят, что в Абискунское море впадает тысяча четыреста рек, что море это тянется на тысячу двести Фарсахов и что посреди его много густозаселенных островов. Рассказ этот я слышал от многих людей. Теперь же я оставлю этот рассказ и перейду к своему делу.

От Хандана до Шемирана три фарсаха; между этими местами лежит небольшая каменистая пустыня. Шемиран — главный город области Тарим. [36] На краю города высокий замок, построенный на твердой скале. Вокруг него возведены три

стены, а посреди замка проходит подземный канал, который доходит до самой реки и доставляет в замок воду. В этом замке живет тысяча человек сыновей вельмож области; они следят за тем, чтобы никто не грабил на дорогах и не вызывал смут.

Мне говорили, что у этого эмира в Дейлеме много укреплений. Его желание дать народу правосудие и безопасность столь велико, что в области его никто не может отнять что-нибудь у другого; жители его области, когда по пятницам отправляются в мечеть, оставляют свои башмаки снаружи и никто не уносит этих башмаков. Эмир пишет свой титул на бумаге так: “Мерзбан Дейлема, Гиль Гиланский, Абу Салих, клиент повелителя правоверных”. Зовут его Джестан-и-Ибрагим. ³⁷

В Шемиране я встретился с хорошим человеком, родом из Дербенда, по имени Абу-аль-Фазль Халифэ ибн-Али Философ. Это был почтенный человек, отнесшийся к нам чрезвычайно внимательно и оказавший нам много милостей. Мы диспутировали с ним и между нами завязалась дружба.

— Куда ты направляешься? — спросил он меня.

— Я собираюсь посетить Кыблу, — ответил я. — Прошу тебя, — сказал он: — когда будешь возвращаться, заверни сюда, чтобы я снова мог повидаться с тобой. **[37]**

Двадцать шестого Мухаррама ³⁸ я выехал из Шемирана, четырнадцатого Сафара ³⁹ прибыл в Сераб, ⁴⁰ а шестнадцатого Сафара выехал из Сераба и проехал через Саид-абад. Двадцатого Сафара четыреста тридцать восьмого года я приехал в Тавриз. По старому летосчислению это пятое число месяца Шахривера. Это столица Азербейджана, город чрезвычайно населенный; я вымерил длину и ширину его шагами: оказалось тысячу четыреста шагов в каждом направлении. Падишаха области Азербейджан на хутбе ⁴¹ поминают так: — Преславный эмир, меч государства и честь общины верующих, Абу-Мансур Вехсудан ибн-Мухаммед, клиент повелителя правоверных. — Мне рассказывали, что в этом городе в ночь на четверг семнадцатого Раби-ал-Авваль четыреста тридцать четвертого года ⁴² в период дополнительных дней ⁴³ после пятой молитвы ⁴⁴ произошло землетрясение. Часть города была разрушена, другая же часть не пострадала. Мне говорили, что при этом погибло сорок тысяч человек. В Тавризе я встретил поэта по имени Катран. Он писал прекрасные стихи, но персидского языка хорошенько не знал. Он пришел ко мне, принес с собой диваны ⁴⁵ Менджика ⁴⁶ и Дакики, ⁴⁷ **[38]** прочел их и попросил разъяснить трудные места. Я разъяснил ему, и он записал эти объяснения.

Потом он прочел мне свои собственные стихи.

Четырнадцатого Раби-ал-Аввал ⁴⁸ мы выехали из Тавриза через Меренд в сопровождении солдата из войск эмира Вехсудана и доехали до Хоя. Оттуда с каким-то послом мы проехали в Беркери. От Хоя до Беркери тридцать фарсахов. Мы прибыли туда одиннадцатого Джумада-л-Ула, ⁴⁹ а оттуда проехали в Ван ⁵⁰ и Вастан. Там на базаре свиное мясо продавали так же, как и баранину, и женщины и

мужчины сидели перед лавками и пили вино безо всякого стеснения. Оттуда восемнадцатого Джумада-л-Ула я приехал в город Ахлат.

Город этот на границе между мусульманами и армянами и от него до Беркери девятнадцать фарсахов. Там был эмир, которого звали Наср-уд-Доулэ, ему было больше ста лет и у него было много сыновей, из которых он каждому дал в управление по провинции. В городе Ахлате говорят на трех языках: по-арабски, персидски и армянски. Я полагаю, что по этой причине город и назван Ахлат. ⁵¹ Торговля там ведется на медные деньги и их ратль составляет триста дирхемов. ⁵²

Двадцатого Джумада-ль-Ула ⁵³ мы выехали оттуда и остановились в рабате. ⁵⁴ Шел снег и [39] было чрезвычайно холодно. В степи перед городом вдоль дороги были вбиты колья, чтобы люди в снежные и туманные дни могли держаться направления этих кольев.

Оттуда мы проехали в Битлис. Город этот лежит в долине. Мы купили там меду, и оказалось, что по расчету, по которому нам продали его, сто мен стоили один динар. ⁵⁵ Мне сказали, что в этом городе есть человек, который в один год добывает от четырехсот до шестисот бурдюков меду.

Выехав оттуда, мы увидели замок, называемый “Кыф Унзур”, т. е. “остановись и погляди”. ⁵⁶ Мы выехали оттуда и прибыли в место, где находилась мечеть. Говорили, что ее выстроил Увейс Карани, ⁵⁷ да освятит господь душу его.

В этой местности мы видели людей, ходивших по горам и рубивших деревья вроде кипариса. Мы спросили, что они из них делают. — Мы один конец этого дерева кладем в огонь, — ответили они: — а с другого конца выходит смола. Мы сливаем ее в колодец, а потом разливаем по кувшинам и развозим по окрестностям.

Все эти местности, начиная с Ахлата, упомянутые мною вкратце, находятся в области Мейяфарикин.

Оттуда мы приехали в Арзен. Это населенный красивый город, с проточной водой, деревьями, садами и прекрасными базарами. Там в месяце Азаре ⁵⁸ по старому персидскому календарю двести [40] мен винограда продают за один динар. Виноград этот называют Рез-арма-нуш.

Оттуда мы проехали в Мейяфарикин. От Ахлата до Мейяфарикина двадцать восемь фарсахов, а от Балха той дорогой, которой ехали мы, пятьсот пятьдесят два.

Мы въехали в Мейяфарикин в пятницу двадцать шестого Джумада-л-Ула ⁵⁹ четырехста тридцать восьмого года. В это время листья на деревьях были еще зелеными. Вокруг города идет большая стена из белых камней, каждый камень весом в пятьсот мен. На расстоянии пятидесяти гезов ⁶⁰ друг от друга выстроены большие башни из такого же белого камня. Повсюду на стене зубцы и она выглядит так, как будто мастер только что закончил свою работу. У этого города

одни ворота с западной стороны с большим каменным сводом. Дверь вся сделана из железа без единого куска дерева. Есть там соборная мечеть, но если описать ее, это слишком удлинит рассказ, хотя автор книги и дает подробное описание всего, что видел. Скажу только, что места для омовений в этой мечети представляют собой сорок отдельных комнаток, через которые проходят два больших ручья воды, один открытый — для омовения, а другой под землей, скрытый, он уносит нечистоты и очищает колодцы. Вокруг кремля лежат пригороды, с караван-сараями, базарами и банями. Там находится другая соборная мечеть, где тоже по пятницам совершают намаз. [41]

К северу от этого города лежит другое укрепление, называемое Мухаддасэ. Это тоже город с базарами, соборной мечетью и прекрасно устроенными банями. Султана этой области во время хутбы поминают так:—Величайший эмир, слава ислама, счастье религии, защита государства и честь мусульманских общин, Абу-Наср Ахмед. — Это человек, которому сто лет, и говорили, что он еще жив. Говорят, что ратль там весит четыреста восемьдесят драхм. Этот эмир построил город в четырех фарсах от Мейяфарикина, названный Насрийе.

От Амида до Мейяфарикина девять фарсахов. В шестой день месяца Дей ⁶¹ по старому календарю мы прибыли в город Амид. Основание этого города покоится на цельной скале, длина его по измерению две тысячи шагов и такова же и ширина. Вокруг него возведены стены из черного камня. Кубы, из которых сложены эти стены, весят от ста мен до тысячи мен и больше и камни так соединены друг с другом, что между ними нет ни глины ни извести. В высоту Эта стена двадцать араш, ⁶² а в ширину десять. На расстоянии каждых ста гезов ⁶³ возвышается башня, половина окружности которой составляет восемьдесят гезов. Зубцы на стенах сделаны из такого же камня. С внутренней стороны города [42] во многих местах устроены каменные лестницы, по которым можно подыматься на стену. На вершине каждой башни есть площадки для боя. У этого кремля четверо ворот, все из железа, без единого куска дерева. Каждые ворота обращены по направлению к другой стране света. Восточные называются Баб-ад-Диджле, ⁶⁴ западные — Баб-ар-Рум, ⁶⁵ северные — Баб-ал-Армен ⁶⁶ и южные — Баб-ат-Телль. ⁶⁷ За этой стеной снаружи идет другая стена из такого же камня, высотой в десять гезов. Вся стена покрыта зубцами и в каждом зубце устроен проход настолько большой, что человек в полном вооружении может пройти, стоять и с легкостью сражаться. В этой наружной стене тоже устроены железные ворота, но расположены не против внутренних ворот, так что, когда войдешь в ворота первой стены, нужно пройти еще порядочный кусок между стенами, пока дойдешь до ворот второй степы. Расстояние между стенами пятнадцать гезов.

Посреди города из скалы бьет источник; он дает столько прекрасной воды, сколько нужно, чтобы двигать пять жерновов, и никто не знает, откуда он берется. В городе этом много деревьев и садов, орошаемых этой водой. Эмир его — сын того самого Наср-ад-Доулэ, о котором мы упоминали. Я видел много городов и замков в разных частях света и в странах арабских и персидских и индийских и турецких, но не

видал на лице земли ни одного места, похожего на [43] город Амид, и не слыхивал, чтобы кто-нибудь говорил, что видел другой такой город.

Соборная мечеть его построена из того же черного камня, и правильнее и крепче ее здания построить невозможно. В мечети двести с лишком колонн из камня, каждая колонна из одного цельного куска, на колоннах покоятся каменные своды и на них снова возвышаются колонны, покороче первых. На втором ряду тоже покоятся своды, возвышаясь над первыми большими сводами. Крыши этой мечети возведены в форме ослиной спины, ⁶⁸ а все разные части, из дерева и камня, раскрашены и отлакированы.

На дворе мечети лежит большой камень, а на камне этом устроен большой, глубокий, круглый каменный водоем. Глубина его в рост человека, а окружность два геза. Посреди водоема стоит бронзовая трубка, из которой Фонтаном бьет чистая вода; при этом ни притока, ни стока воды не видно. Есть там также огромные места для омовений, и все устроено так хорошо, что лучше устроить невозможно, если только не считать того, что все постройки в амиде выстроены из черного камня, а в Мейяфарикине — из белого.

Неподалеку от мечети стоит церковь, тоже чрезвычайно роскошно выстроенная из камня. Пол церкви покрыт разрисованными мраморными плитами. В этой церкви, в алтаре, месте, где молятся христиане, я видел вырезную железную дверь, подобных которой я нигде не видал. [44]

Из города Амида в Харран ⁶⁹ ведут два пути. На одном из них не встречается ни одного населенного места, этот путь длиной в сорок фарсахов. На другом встречается много поселений и деревень, населенных большей частью христианами. Путь этот составляет шестьдесят фарсахов. Мы с караваном отправились по заселенному пути. Путь идет по чрезвычайно ровной долине, но столь каменистой, что верблюды не могут ступить шагу, не наступая на камень.

В пятницу двадцать пятого Джумада-л-Ухра ⁷⁰ четыреста тридцать восьмого года мы прибыли в Харран. По старому календарю это равняется второму числу месяца Азара. Температура там была в это время такая же, какая бывает в Хорасане в день Нового Года. Уехав оттуда, мы прибыли в город, называемый Каруль. Какой-то благородный человек пригласил нас к себе в гости. Когда мы пришли, вошел араб-бедуин и подошел ко мне. Ему было лет шестьдесят. — Научи меня Корану, — сказал он. Я начал читать ему слова: — Скажи: я прибегаю к господину людей, ⁷¹ — а он повторял за мной. Когда я дошел до слов: — против джинов и людей, — он сказал: — Я хочу также выучить суру. Видал ли ты людей ... — Эта сура по длиннее, чем та, что ты выучил, — ответил я. — А какая это сура “Несущая дрова”? ⁷² — спросил он. Он не знал, что [45] в суре: “Пусть отсохнут” (руки Абу-Лахаба) говорится: “хаммалет-алхатаб”, а не “наккалет-ал-хатаб”. — Но сколько я ему не повторял в ту ночь суру: “Скажи: я прибегаю к господину людей”, — он так и не смог заучить ее, этот шестидесятилетний араб. [46]

СИРИЯ. ТРИПОЛИС И БЕЙРУТ

В субботу второго Раджаба четыреста тридцать восьмого года ⁷³ мы приехали в Серудж, через два дня после того переправились через Евфрат и прибыли в Менбидж; это первый город из городов Сирии. По старому календарю это соответствовало первому числу месяца Бахмана, и температура была чрезвычайно приятна. За городом не было ни одной постройки.

Оттуда мы проехали в город Алеппо. От Мейяфарикина до Алеппо сто фарсахов. Я нашел, что Алеппо — прекрасный город. Он окружен стеной, высоту которой я определил приблизительно в двадцать пять араш, и есть там и замок, выстроенный на скале. Мне кажется, что Алеппо не меньше Балха, он густо заселен и все строения соприкасаются. В этом городе взимают пошлину с товаров, идущих через Сирию, Рум, Диарбекр, Египет и Ирак, и из всех этих стран туда наезжают купцы и торговцы. [47] В Алеппо четверо ворот: Баб-ал-яхуд, ⁷⁴ Баб-Алла, ⁷⁵ Баб-ал-Джинан ⁷⁶ и Баб-Антакиэ. ⁷⁷ Базарным весом там служит ратль Захири, составляющий четыреста восемьдесят дирхемов. ⁷⁸

Когда оттуда едут на юг, то, проехав двадцать фарсахов, попадают в Хама, далее лежит Химе, до Дамаска от Алеппо пятьдесят фарсахов, до Антиохии двенадцать и столько же (т. е. еще пятьдесят) до Триполиса. Говорят, что оттуда до Константинополя двести фарсахов.

Одиннадцатого Раджаба мы выехали из Алеппо, в трех фарсахах была деревня, называемая Джунд Киннесрин. На другой день, проехав шесть фарсахов, мы прибыли в Сармин, город, где стен не было.

Мы проехали еще шесть фарсахов до города Мааррат-ан-Ну'ман, там была каменная стена. Это населенный город, у ворот его я увидел каменный столб, на нем было что-то написано другим, не арабским, шрифтом. Я спросил у кого-то, что это такое. — Это талисман против скорпионов, — ответил он: — в этом городе никогда не бывает скорпионов и они не заходят сюда; если же их привезут откуда-нибудь и пустят, они тотчас же убегают и не входят в город. — Высоту этого столба я определил приблизительно в десять араш. На базарах этого города я видел очень много товара. Соборная мечеть его построена на возвышении посреди города, так что с какой бы стороны в нее ни пожелали [48] войти, при этом надо подняться на шестнадцать ступенек.

На полях они сеют исключительно пшеницу, и родится ее много. В большом обилии деревья: фиговые, оливки, фисташки, миндаль и виноградная лоза. Вода в городе дождевая и колодезная. Был там некий человек по имени Абу-Ала ал-Маарри, он был слепым и правил этим городом. Он был чрезвычайно богат и у него было много рабов и слуг, даже все жители города повиновались ему, как рабы! Сам же он вел образ жизни отшельника, носил грубую шерстяную одежду и не выходил

из дому. В пропитание он назначил себе ежедневно пол мена ячменного хлеба и помимо этого не ел ничего. Я слышал, что двери его дворца всегда открыты и что городскими делами ведают его наместники и заместители; к нему самому обращаются только по самым сложным делам. В богатстве своем он никому не отказывает, а сам постоянно постится, ночи проводит в бдении и не занимается никакими мирскими делами. В стихотворстве и разных науках он достиг такой степени, что по признанию писателей Сирии, Магриба и Ирака в этом веке никто не мог и не может равняться с ним. Он написал книгу, названную им “Разделы и пределы”, в ней он говорит загадочные речи и приводит красноречивые и странные метафоры, постигнуть которые могут лишь немногие люди, и то только те, кто изучал эту книгу вместе с ним. Его даже заподозрили в том, что в этой книге он хочет критиковать Коран. Из окрестных городов к нему постоянно съезжается более двухсот человек, которые занимаются с ним [49] науками и поэзией, и я слышал, что он написал более ста тысяч двустий. Кто-то спросил его:— Господь великий, благословенный даровал тебе все это богатство, почему же ты все отдаешь другим, а сам не пользуешься? — Мне принадлежит только то, чем я пользуюсь, — дал он ответ. Когда я приехал туда этот человек был еще жив. ⁷⁹

Пятнадцатого Раджаба ⁸⁰ четырехста тридцать восьмого года мы выехали оттуда в Куэймат, а потом в Хама, хорошенький, населенный город на берегу реки Асы. ⁸¹ Реку эту потому называли Асы, что она течет в сторону Рума, то есть, так как она идет из стран ислама в страны неверующих, она является “мятежником”. На ее берегах установлено много гидравлических колес.

Оттуда идут две дороги: одна к берегу моря, на запад Сирии, другая ведет в Дамаск. Мы поехали в сторону моря и видели на горе источник, про который говорят, что каждый год, когда пройдет половина Шабана, оттуда начинает течь вода, течет три дня, а после трех дней оттуда уже не вытекает ни единой капли вплоть до следующего года. Туда ездит на поклон много людей и ищет приближения к господу, велик и славен да будет он. Там выстроены богоугодные заведения и сделаны водоемы.

Выехав оттуда, мы приехали в степь, покрытую распутившимися нарциссами так густо, что вся степь казалась белой от обилия цветов. [50] Мы поехали дальше и прибыли в город, называемый Иркэ. Проехав два фарсаха от Иркэ, мы добрались до берега моря и, проехав по берегу в южную сторону пять фарсахов, прибыли в город Триполис. От Алеппо до Триполиса тем путем, которым мы ехали, сорок фарсахов.

Мы прибыли туда в субботу пятого Шабана. ⁸² В окрестностях было много полей, садов и деревьев. Было очень много сахарного тростника, апельсинов сладких и кислых, бананов, лимонов и фиников. В это время как раз собирали сок сахарного тростника.

Город Триполис выстроен так, что три стороны его омываются морем. Когда море волнуется, волны плещут через стены. С той стороны, которая выходит на сушу,

устроено укрепление с большим рвом и крепкими железными воротами. С восточной стороны возвышается каменная стена с такими же зубцами и бойницами. На верху стены установлены метательные машины. Обитатели города боятся румийцев, которые нападают на город с кораблями. Пространство города тысяча араш в квадрате. Высота зданий четыре и пять этажей, есть даже и шесть. Улицы и базары там красивые и чистые, можно было бы подумать, что каждый из них разукрашенный замок. Пища, плоды и съестные припасы всех родов, какие мне только приходилось видеть в Персии, были и там, только их было во сто раз больше.

Посреди города стоит огромная, чистая, хорошо украшенная и прочно выстроенная соборная [51] мечеть. Во дворе ее большой купол, а под куполом мраморный бассейн с бронзовым фонтаном. На базаре тоже устроен фонтан, где вода в обилии бьет из пяти труб. Люди пользуются ею, а большая часть течет по земле и впадает в море. Говорили, что в этом городе двадцать тысяч жителей, а вокруг него много поселков и селений. Там вырабатывают хорошую бумагу, вроде самаркандской, но только лучше. Город этот относится к числу владений египетского султана. Причиной этому, говорят, то, что однажды, когда нечестивые румийцы напали на этот город, египетские мусульмане сразились с их войском и разбили его наголову. Египетский султан взял с этого города подать и постоянно держит там свои войска под начальством своих полководцев для охраны города от врага.

В этом городе имеется таможня, так как корабли, прибывающие из Рума, Ференгистана, Андалусии и Магриба, платят там десятину султану. На эти деньги содержатся войска. У султана там есть суда, которые ходят в Рум, на Сицилию и в Магриб и ведут торговлю. Население этого города сплошь шииты и шииты же выстроили во всех городах этой страны прекрасные мечети. Кроме того, они построили там дома вроде рабатов, ⁸³ но только там никто не останавливается. Называют их мешхедами. ⁸⁴ За стенами города Триполиса нет ни одного дома, кроме двух или трех таких мешхедов. [52]

Выехав из этого города, мы снова поехали на юг по берегу моря. На расстоянии одного фарсаха я видел крепость, называемую Каламун. В крепости этой есть источник. Выехав оттуда, мы приехали в город Тарабузан, от Триполиса до этого города пять фарсахов.

Оттуда мы проехали в Джубейль. Этот город имеет форму треугольника, один угол которого упирается в море. Вокруг города возведена очень высокая и прочная стена и растет много финиковых пальм и других южных деревьев. Я видел ребенка, державшего в одной руке красную, а в другой свежую белую розу, а это было пятого числа месяца Исфендармада, ⁸⁵ по старинному календарю в четыреста пятнадцатый год персидской эры.

Оттуда мы проехали в город Бейрут. Я видел камедную арку, под которой проходила проезжая дорога и высоту ее определил в пятьдесят гезов. По бокам она была крыта плитами белого камня, каждая весом больше тысячи мен. Эта

постройка возведена из кирпича на высоту двадцати гезов и наверху ее воздвигнуты мраморные колонны, каждая высотой в восемь гезов и такой толщины, что ее не охватить двум человекам. На этих колоннах покоится арка, выстроенная с таким расчетом, что камни ее с двух сторон соприкасаются и не соединены ни глиной, ни известью. Над этими арками сверху другая большая арка на самой середине, высотой в пятьдесят араш. Высоту каждого камня, пошедшего на постройку этой арки, я определил [53] приблизительно в восемь араш в длину и четыре араша в ширину, а весом каждый около семи тысяч мен. Все эти камни покрыты скульптурной и резной работой столь красивой, что и на дереве скульптуру такой красоты видеть доводится редко. Кроме этой арки, в этой местности других строений не осталось. Я спросил, что это за место, и мне ответили: — Мы слышали, что это были ворота в сад фараона и что они очень древни.

Все степи этой местности покрыты мраморными колоннами, отдельными капителями и колоннами без капителей, все они из разукрашенного мрамора, закругленные, четырехугольные, шестигранные и восьмигранные. Камень этот настолько тверд, что железо не оставляет на нем никакого следа. Но в окрестностях нигде нет горы, где могли бы быть каменоломни. Другой камень напоминает искусственное соединение и его так же, как и другие камни, не берет железо.

По всей Сирии мне попадалось около пятисот тысяч колонн, или капителей, и ни одна живая душа не знает, что это было такое или откуда привезено.

Оттуда мы проехали в город Сайда, тоже на берегу моря. Там много плантаций сахарного тростника, а город окружен прочной каменной стеной с тремя воротами. Соборная мечеть красива и чрезвычайно закончена. Пол в ней покрыт пестрыми циновками. Базар тоже очень хорошо убран, так что, увидев его, я подумал, что город украсили для приезда султана или по случаю какой-нибудь радостной вести. На мой вопрос мне ответили, что такой в этом городе [54] обычай. Сады и деревья в этом городе были так прекрасны, что, казалось, какой-нибудь царь развел там сады по своему желанию и устроил в них киоски. Большая часть деревьев была полна плодов.

Оттуда, проехав пять фарсахов, мы прибыли в город Сур. Этот город устроен так. На берегу моря была большая скала: на ней и выстроили этот город и притом так, что стена кремля идет по суше не больше ста гезов, вся остальная часть ее омывается морем. Стены сложены из обтесанных камней, а щели замазаны смолой, чтобы вода не могла туда проникнуть. Пространство города я определил приблизительно в тысячу шагов в квадрате, здания пяти- и шестизэтажные, один этаж над другим, устроено много фонтанов, красивые базары и большое богатство. Город Сур славится богатством и обилием среди прибрежных городов Сирии. Жители там большей частью шииты. Был там кадий суннитского толка, по имени сын Абу-Укейля, человек красивый и богатый. У ворот города выстроен мешхед, там много ковров и циновок, серебряных и золотых ламп и светильников. Город лежит на возвышении, а воду он получает с горы. За городом построен акведук, и

вода по этому акведуку идет в город. В горе против города есть ущелье, если проехать через него, направляясь к востоку, то в восемнадцати фарсах будет город Дамаск.

Проехав семь фарсахов, мы прибыли к кремлю Акке; когда о нем пишут в бумагах, его называют Мединет Акка. Город построен на возвышении, часть которого идет под уклон, а остальная часть ровная. На всем Сирийском побережье [55] не строят городов, если нет возвышения, опасаясь прилива со стороны моря и страшась волн, ударяющих в берега. Соборная мечеть стоит посреди города, выше всех остальных зданий. Все ее колонны из мрамора, с правой стороны Кыблы, снаружи гробница пророка Салиха, мир да будет с ним. Часть двора покрыта каменными плитами, а другая часть засеяна травой. Говорят, что Адам, мир да будет с ним, там обрабатывал землю. Я смерил город: длина его две тысячи араш, а ширина пятьсот. Город окружен прочной каменной стеной, с южной и западной стороны омывается морем. На южной стороне лежит и гавань. Большая часть прибрежных городов имеет гавань, которая устраивается для охраны судов. Это нечто вроде конюшни, задняя стена которой прилегает к кремлю, а две другие вдаются в море. Вход в нее шириной около пятидесяти гезов и стены там нет, протянуты только цепи от одной стены к другой. Когда хотят впустить в гавань корабль, цепи ослабляют, так что они опускаются под воду, и корабль проходит по воде над ними. Затем цепи опять поднимают, чтобы никто чужой не мог напасть на корабли.

С левой стороны у восточных ворот есть источник, к которому надо спуститься на двадцать шесть ступеней, чтобы достать воды. Называется он Айн-ал-Бакар и говорят, что открыл его Адам, мир да будет с ним, и поил его водой свою корову. По этой причине источник и назван Айн-ал-Бакар. ⁸⁶ [56]

Если направиться от кремля Акки к востоку, то по дороге встретится гора, где находятся гробницы пророков, мир да будет с ними. Это место лежит на краю дороги, идущей в Рамлэ. Я решил посмотреть эти благодатные гробницы и попросить у господина, велик и славен да будет он, связанной с ними благодати, но жители Акки сказали, что по дороге туда живут недобрые люди, которые, увидев чужестранца, нападают на него и отнимают все, что у него есть с собой.

Я положил свое имущество в мечеть в Акке и покинул город через восточные ворота. В субботу двадцать третьего Шабана ⁸⁷ четыреста тридцать восьмого года, я поклонился могиле Акка, основателя города; он был одним из праведных и великих людей. Так как со мной не было человека, знающего дорогу, я сбился с пути, но внезапно, по милости господина, велик и славен будет он, ко мне в тот же день присоединился некий перс из Азербейджана, который уже раз посетил эти благодатные гробницы и теперь вторично направлялся туда с тем же намерением. За эту милость я в благодарность творцу, велик и славен да будет он, сотворил два раката намаза и благодарственный земной поклон за то, что он дал мне свое споспешествование и я мог осуществить свое намерение.

Я прибыл в деревню Бервэ, где поклонился могилам Иша и Шим'уна, ⁸⁸ мир да будет над ними.

Оттуда я прошел в маленькую пещеру, называемую Дамун. Там я тоже поклонился могиле, **[57]** про которую говорили, что это могила Зу-л-Кифля. ⁸⁹

Затем я направился в другую деревню, называемую Абилин, там была могила Худа, мир да будет с ним. Я удостоился поклониться и ей; в ограде ее растет фиговое дерево. Там находится гробница пророка Узейра, ⁹⁰ мир да будет с ним, я поклонился и ей; направился к югу и пришел в другую деревню, называемую Хазире. На западной окраине этой деревни была долина, а в долине этой чистый источник, бывший из скалы. Против источника на скале выстроена мечеть, в мечети этой два каменных дома с каменной крышей и дверкой, столь маленькой, что человек может войти туда лишь с трудом. Там, рядом друг с другом, находятся две могилы: одна — Шуэйба, ⁹¹ мир да будет с ним, а другая — дочери его, которая была женой Моисея, мир да будет с ним. Жители этой деревни заботятся о мечети и могилах, держат их в чистоте и зажигают светильники.

Оттуда я направился в деревню, называемую Арбиль. По направлению к Кыбле от этой деревни лежит гора, посреди нее ограда, а в ней четыре могилы сыновей Иакова, мир да будет с ним, братьев Иосифа, мир да будет с ним. Отправившись дальше, я увидел холм, а под холмом этим пещеру, где находилась гробница матери Моисея, мир да будет с ним. Я удостоился поклониться ей и пошел дальше. Передо мной **[58]** появилась долина, в конце которой лежит небольшое озеро; на берегу этого озера лежит город Табарийэ. ⁹² Длина этого озера около шести фарсахов, а ширина около трех, вода в нем сладкая и вкусная, а город лежит к западу от него. Вся вода из бань города и излишек воды в самом городе стекают в это озеро. Жители этого города и всех поселений, лежащих на берегах, пьют воду из этого озера.

Я слышал, что однажды в этот город прибыл некий эмир и приказал преградить сток в озеро нечистот и грязной воды. Но тогда вода в озере стала столь зловонной, что ее нельзя было пить. Эмир снова приказал открыть все стоки, которые были ранее, и вода в озере снова стала сладкой.

Вокруг города от самого берега озера возведена прочная стена, только со стороны озера стены нет. Много зданий построено среди воды: строили вышки, покоящиеся на колоннах, которые стоят в воде. В озере этом много рыбы.

Посреди города есть соборная мечеть, возле нее бьет источник, а над источником этим выстроена баня. Вода его настолько горяча, что до тех пор, пока не смешают ее с холодной, ее нельзя лить на тело. Говорят, что баню эту построил Соломон, сын Давидов, мир да будет с ним. Я зашел в эту баню.

В городе Табарийэ, в западной его части, есть еще мечеть, называемая “мечетью Жасминов”. Это красивое здание. Посреди мечети устроена большая площадка, на

которой воздвигнуты [59] михрабы, а вокруг насажены жасминовые деревья, от которых мечеть и получила свое название. На восточной окраине мечети есть галерея, где находится могила Юшу-ибн-Нуна, ²³ мир да будет с ним, а под площадкой могила семидесяти пророков, убитых израильтянами.

К югу от города лежит озеро Лота. Вода там горькая, то есть в озере Лота, которое лежит к югу от Табарийэ. Река, вытекающая из озера Табарийэ, впадает туда. Замок Лота находился на берегу этого озера Лота, но от него не осталось и следа. Один человек говорил мне, что в горьком озере Лота есть что-то такое вроде коровы. Оно выделяется из воды, черного цвета и принимает Форму коровы. Оно похоже на камень, но только не твердое. Жители собирают это вещество, разбивают на части и развозят по городам и областям. Если положить кусок этого вещества под дерево, то червь никогда не сможет попортить дерево, вместе с тем и корням от этого не будет никакого вреда и сад не пострадает ни от червей, ни от подземных вредителей. Ответственность за это сообщение лежит на рассказчике. Он говорил также, что москательщики покупают это вещество. Говорят, что в их зельях заводится червь, называемый накрэ, и что это вещество предохраняет и от такого червя. В городе Табарийэ плетут циновки, в частности молитвенные коврики, их продают там за пять магрибинских динаров.

В этой местности с западной стороны есть гора, на горе этой стена из твердого камня, [60] на ней еврейскими буквами написано, что, когда изготовлялась эта надпись, Плеяды стояли в знаке Овна.

Там же, за городом, по направлению Кыблы, находится гробница Абу Хурейры, ²⁴ но только никто не может посетить ее, потому что обитатели этих мест шииты и, когда кто-нибудь идет поклониться гробнице, дети начинают издеваться над ним, кричать, приставать к нему и бросать в него камнями. Поэтому я не мог пойти туда на поклон. Возвращаясь назад после поклонения всем этим местам, я пришел в деревню, называемую Кафар Каннэ. К югу от этой деревни выстроен красный монастырь с прочной дверью. Там гробница пророка Ионы, мир да будет с ним; у дверей монастыря есть колодец со сладкой водой.

Поклонившись этому месту, я направился оттуда в Акку, до Акки оттуда четыре фарсаха. Один день мы провели в Акке, а затем отправились дальше.

Мы прибыли в деревню, называемую Хайфа. По дороге в эту деревню нам попало много того песка, которым в Персии пользуются золотых дел мастера и который они называют “Меккским песком”. Деревня Хайфа лежит на берегу моря, там много пальмовых рощ и деревьев. Там были корабельные мастера, строившие большие корабли. Эти морские корабли там называются “джуди”.

Оттуда мы проехали в другую деревню, фарсахом дальше, называемую Кунейсэ. Оттуда [61] начиная, дорога отходит от моря и входит в горы по направлению к востоку. По дороге попала каменистая равнина, называемая Вади Темасих. ²⁵ Двумя фарсахами дальше дорога снова выходит к берегу моря. Там мы видели

много костей морских животных, смешавшихся с землей и глиной и от постоянных ударов волн ставших похожими на камни.

Оттуда мы проехали к городу, который называют Кайсарийэ. От Акки до него семь фарсахов. Это красивый город с проточной водой, пальмовой рощей, сладкими и кислыми апельсинами, прочной стеной и железными воротами. По городу протекают ручьи ключевой воды. Там красивая соборная мечеть; сидя на ее дворе, можно наслаждаться видом на море. Там была мраморная ваза, сработанная так красиво, как китайский фарфор, вместимостью около ста мен воды.

В субботу двадцать девятого Шабана ⁹⁶ мы выехали оттуда. Целый фарсах нам пришлось ехать по Меккскому песку и затем мы снова увидели много фиговых и масличных деревьев. Дорога все время шла то по горам, то по долине. Проехав несколько фарсахов, мы прибыли в город, называемый Кафар Саба и Кафар Саллам. От этого города до Рамлэ три фарсаха, и вся дорога, как было упомянуто, усажена деревьями.

В воскресенье первого Рамазана мы прибыли в Рамлэ. Оттуда до Кайсарийэ восемь фарсахов. Это большой кремль с прочной стеной из камней, скрепленных известью и железными воротами. От города до берега моря три фарсаха. [62] Жители города пользуются дождевой водой. В каждом доме есть цистерны, куда собирают дождевую воду, и вода всегда есть в запасе.

Посреди соборной мечети есть тоже большие цистерны. Когда они наполняются водой, всякий может пользоваться ею. Поверхность тамошней мечети — триста шагов на двести. Над скамьей в ней есть надпись, что пятнадцатого Мухаррема четыреста двадцать пятого года ⁹⁷ там было сильное землетрясение, было разрушено много зданий, но из жителей не пострадал никто.

В этом городе много мрамора и большая часть дворцов и домов его жителей изящно выложена мрамором и покрыта рисунками. Мрамор режут пилой без зубцов, применяя при этом Меккский песок. Колонны пилят в длину, не в ширину, как пилят деревья, и делают из камня доски. Я видел много различных цветов мрамора: пестрый, зеленый, красный, черный, белый, всех цветов.

Там есть разновидность фиги, лучше которой фиг не бывает нигде; ее вывозят во все окрестные города. Город Рамлэ в провинции Сирии и в Магрибе известен под названием Филистын.

Третьего Рамазана мы выехали из Рамлэ и приехали в деревню, называемую Хатун, а оттуда проехали в другую деревню, называемую Карьет-ал-Анаб. ⁹⁸ По пути мы видели много теребинтов, которые дико росли на горах и в долине.

В этой деревне мы видели прекрасный сладкий источник, бивший из скалы. Около него устроены конюшни и убежища для путников. Оттуда мы [63] начали подниматься вверх; казалось, что мы поднимаемся на гору и что, когда мы

перевалим на другую сторону горы, покажется город. Но когда мы поднялись на некоторую высоту, перед нами раскрылась огромная равнина, частью песчаная, частью каменистая. На вершине горы лежит город Бейт-ал-Мукаддас.⁹⁹ От Триполиса, лежащего на побережье, до Бейт-ал-Мукаддас пятьдесят шесть фарсахов, а оттуда до Балха— восемьсот семьдесят шесть. [64]

3

БЕЙТ-АЛ-МУКАДДАС И ЕГО МЕЧЕТЬ. КАМЕНЬ САХРА И КУПОЛ ПОД НИМ

Пятого Рамазана четыреста тридцать восьмого года¹⁰⁰ мы вошли в Бейт-ал-Мукаддас. Со дня нашего отъезда прошел целый солнечный год, и мы все это время были в пути и нигде не отдыхали как следует.

Жители Сирии и окрестностей называют Бейт-ал-Мукаддас — Кудс. Если кто-нибудь из жителей этой местности не может отправиться в хадж, он в положенное для этого время направляется в Кудс, проводит там столько дней, сколько нужно провести в Мекке, и по обычаю празднует праздник Жертвоприношения.¹⁰¹ Иногда бывает, что в начале месяца Зу-л-Хидджэ туда собирается на поклон более двадцати тысяч человек. Туда возят и детей и совершают там обрезание. [65]

Из областей Рума и других местностей туда ездят тоже в большом числе христиане и евреи, чтобы поклониться церкви и синагоге. Большая церковь будет описана далее, на своем месте.

Окрестности и пригороды Бейт-ал-Мукаддас гористы, но вся земля там возделана и много масличных, фиговых и других деревьев. Воды там нет совершенно, но тем не менее там много богатств и жизнь дешева. Там есть хозяева, у каждого из которых колодцы и цистерны наполнены более чем пятьюдесятью менами оливкового масла; они развозят его оттуда во все страны света.

Говорят, что в Сирийской земле никогда не бывало недорода, а от верных людей я слышал, что некий великий муж увидел во сне пророка, мир и благословение да будет над ними, и сказал ему:—О пророк божий. Облегчи нам жизнь.— Пророк, мир да будет с ним, ответил: — Я ручаюсь за хлеб и за масло Сирии.

Теперь я опишу город Бейт-ал-Мукаддас. Это город, расположенный на вершине горы. Воды там, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть ручьи, но в самом городе нет. Вокруг города возведена прочная стена из камней, скрепленных известью, с железными воротами. Около города нет ни одного дерева, так как город стоит на камне.

Это большой город. В то время, когда я посетил его, там было двадцать тысяч человек жителей. Там есть красивые базары, высокие здания; вся земля его

вымощена каменными плитами. Где была гора или возвышение, их срезали [66] и сравнивали, так что, когда идет дождь вся земля в городе вымывается начисто.

В городе много ремесленников и каждый цех занимает на базаре отдельный ряд. Мечеть в восточной части города и восточная стена города, вместе с тем, и стена мечети. Если пройдешь за мечеть, раскрывается большая бесконечная ровная долина, называемая Сахирэ.

Говорят, что эта равнина и будет местом Воскресения мертвых и что там произойдет страшный суд. По этой причине туда собирается много народу со всех концов мира и селятся там, чтобы умереть в этом городе и, когда придет назначенный господом великим и преславным срок, явиться на место свидания.

О боже мой, в этот день защити рабов твоих и помилуй! Аминь, о господи миров!

На краю этой равнины — большое кладбище, где похоронено много святых людей; люди молятся там, простирают с мольбою руки, и господь всевышний внимает их мольбам.

О боже мой, услышь мольбы наши, прости нам прегрешения наши и скверну нашу и помилуй нас по милости твоей, о милосерднейший из милосердных!

Между мечетью и этой равниной Сахирэ лежит большая, глубокая долина. В долине этой, похожей на ров, есть большие строения, выстроенные так, как строили раньше. Я видел там каменный купол, высеченный из камня и поставленный на дом. Трудно себе представить что-нибудь более удивительное, нельзя даже догадаться, как его могли поднять с места. Молва гласит, что это дом фараона, а долина — долина Геенны. [67]

Я спросил, почему ее так прозвали. Мне ответили: — Во время своего халифата Омар сын Хаттаба, ¹⁰² да помилует его господь, разбил на равнине Сахирэ свой лагерь. Увидев эту долину, он молвил: — Это долина Геенны. Простой люд говорит, что всякий, кто дойдет до конца этой долины, услышит голоса грешников в аду и что оттуда доносятся крики. Я ходил туда, но ничего не слышал.

Если пройти от города на юг полфарсаха и спуститься вниз, придешь к источнику, бьющему из скалы и называемому Ай-Сельван. Около него много строений, вода его течет в деревню, где тоже выстроено много зданий и разведены сады. Говорят, что тот, кто вымоет голову и тело этой водой, исцеляется от хронических страданий и болезней. На поддержание этого источника делается много жертвований.

В Бейт-ал-Мукаддас есть прекрасная больница, на нее жертвуется много денег и многим больным там дают снадобья и лекарства; при ней состоят врачи, получающие содержание из пожертвованных сумм.

Мечеть находится на краю города, с восточной стороны, одна из стен ее прилегает к долине Геенны. Если поглядеть на эту стену снаружи мечети, то видно, что на протяжении ста арат она возведена из огромных камней, без применения глины и извести. С внутренней стороны мечети оконечность стены идет прямо.

Мечеть эту построили на том месте, потому что там находится камень Сахра, а камень этот — [68] тот самый, который господь, велик и славен да будет он, повелел Моисею, мир да будет с ним, сделать Кыблой. Когда последовало это приказание и Моисей сделал Кыблу, он после этого долго не прожил и в скором времени скончался. Затем Соломон, мир да будет над ним, в эпоху своего правления повелел выстроить вокруг этого камня, являвшегося Кыблой, мечеть, так что Сахра оказался посредине мечети, и там же были михрабы. ¹⁰³ До эпохи пророка нашего Мухаммеда, избранного, да помилует его господь и да сохранит, эту скалу считали Кыблой и совершали намаз, обращаясь в ее сторону до тех пор, пока господь благословенный, всевышний не приказал сделать Кыблой дом Ка'бы; описание скалы будет дано на своем месте.

Я хотел смерить площадь этой мечети, но решил сначала хорошенько изучить и разглядеть внешний вид и расположение ее, а потом уже смерить. Долгое время я ходил по этой мечети и рассматривал ее, пока не увидел на северной стороне возле купола Иакова, мир да будет с ним, вырезанную на камне надпись на арке; — длина этой мечети семьсот четыре арата, а ширина четыреста пятьдесят пять. За меру взят “царский гез”. А “царский гез” — это то, что в Хорасане называется “гез-и шайеган” и составляет немного менее полутора араш.

Пол мечети крыт каменными плитами и промежутки между ними заполнены свинцом. Мечеть [69] лежит в восточной части города, так что, чтобы пройти от базара к мечети, надо идти на восток.

Сначала возвышается прекрасный портик, тридцати гезов вышины и двадцати гезов ширины, состоящий из арки и двух крыльев. И крылья и аркада портика разукрашены эмалированным стеклом, укрепленным в извести, с самыми разнообразными рисунками, столь яркими, что, когда взглянешь на них, темнеет в глазах. Таким же способом на портике выведена надпись и написан титул Египетского султана. Когда на нее светит солнце, лучи так блестят, что разум теряется. Над портиком возведен купол из симметричных камней. Там же имеются две изящные двери, изукрашенные Дамасской бронзой, похожей на чистое золото, и различными рисунками. Высота каждой из них пятнадцать гезов, ширина— восемь. Эту дверь называют “Дверью Давида”, мир да будет с ним.

Когда войдешь в эту дверь, по правую руку находятся две большие галереи, в каждой из них двадцать девять мраморных колони. Капители и базы их сделаны из разноцветного мрамора, а промежутки между камнями заполнены свинцом. На колоннах этих покоятся каменные арки, выстроенные без применения глины и извести, так что каждая арка состоит из четырех-пяти камней, не больше. Эти галереи идут почти что до самой Максурэ. ¹⁰⁴ [70]

По левую руку от дверей, то есть на север, тянется другая длинная галерея из шестидесяти четырех арок, покоящихся на мраморных колоннах. Там, в той же самой стене, имеется дверь, называемая Баб-эс-Сахр.

Мечеть тянется с севера на юг, причем, если отрезать от нее Максурэ, останется квадрат, в южной части которого находится Кыбла. С северной стороны — две другие двери, одна рядом с другой, ширина каждой из них семь гезов при высоте в двенадцать. Эти двери называются Баб-ал-Асбат.

Когда войдешь в эти двери, снова встречаешь большой портик, идущий поперек мечети, то есть по направлению к востоку. Все эти двери такой же величины, как Баб-ал-Асбат, и изукрашены железом и бронзой так, что трудно найти что-нибудь более красивое. Эти двери называют Баб-ал-Абваб, ¹⁰⁵ потому что в остальных местах двери стоят попарно и только в этом месте их три.

Между этими двумя портиками, находящимися с северной стороны, в галерее, арки которой покоятся на колоннах, возвышается купол, лежащий на высоких колоннах и украшенный лампадами и светильниками и называемый куполом Иакова, мир да будет с ним. Здесь Иаков совершал намаз.

Поперек мечети проходит еще галерея, в стене ее — дверь и за этой дверью — два суфийских монастыря, там устроены прекрасные места для намаза и михрабы. **[71]**

Люди, принадлежащие к числу суфиев, постоянно проживают там, там же совершают и намаз, ¹⁰⁶ а в большую мечеть ходят только по пятницам, когда до них долетает звук “текбира”. ¹⁰⁷

На северном углу мечети есть прекрасная галерея и большой красивый купол. На нем написано: “Это михраб Захарни, пророка”, мир да будет с ним. Говорят, что он постоянно совершал намаз в этом месте.

На восточной стороне мечети, в самой середине, возвышается огромный, чрезвычайно красивый портик, выстроенный из симметрических камней так, что он кажется сделанным из одного камня. Высота его — пятьдесят гезов, ширина — тридцать; он весь разукрашен рисунками и резьбой. В нем десять дверей, устроенных так, что расстояние между отдельными дверями не больше длины ступни. Двери чрезвычайно пышно разукрашены железом и Дамасской бронзой; к ним приделаны кольца и вбиты гвозди. Говорят, что эти двери построил Соломон, сын Давида, мир да будет с ним, для своего отца.

Когда пройдешь через этот портик, снова на восток от него находишь две двери: правая называется Б'аб-ар-Рахмет, ¹⁰⁸ а другая — Баб-ат-Таубет. ¹⁰⁹ Говорят, что около этой двери господь, велик и славен да будет он, принял покаяние Давида, мир да будет с ним. **[72]**

Около этого портика — изящная небольшая мечеть. Когда-то она была открытым проходом, а потом из прохода сделали мечеть и разукрасили ее разнообразными циновками. К ней приставлены отдельные служители. Туда ходит много людей, творят намаз и стараются приблизиться к господу, благословенному и всевышнему, ибо там было принято покаяние Давида, мир да будет с ним, и все люди надеются отвратиться от непокорности. Говорят, что Давид, мир да будет с ним, переступил через порог этой двери, когда в откровении ему была сообщена благая весть, что господь, велик и славен да будет он, принял его покаяние. Он остался в этом месте и стал предаваться молитве.

И я, Насир, сотворил намаз в этом месте и просил у господя, велик и славен да будет он, споспешествования в послушании и освобождения от непокорности.

Пусть господь, велик и славен да будет он, поможет всем рабам его в том, что он считает похвальным, и подаст им молитвами Мухаммеда и чистого рода его покаяться в непокорности.

По восточной стене, там, где она упирается в южный угол (а Кыбла тоже с южной стороны), против северной стены, находится подземная мечеть, куда надо спуститься на много ступенек. Площадь ее — двадцать гезов на пятнадцать, крыша каменная, колонны мраморные. Там стоит колыбель Иисуса. Она из камня, и так велика, что люди совершают в ней намаз. Я тоже совершил там намаз. Ее укрепили в земле, так что она не качается, и это — та самая колыбель, в которой Иисус лежал в детстве и разговаривал с людьми. [73] Колыбель эта в мечети поставлена вместо михраба.

В этой мечети есть еще и михраб Марии, мир да будет с ней, с восточной стороны, и там же еще и михраб Захарии, мир да будет с ним. Стихи Корана, в которых говорится о Марии и Захарии, написаны на этих михрабах. Говорят, что местом рождения Иисуса, мир да будет с ним, и была эта мечеть.

На камне одной из колонн есть след двух пальцев, как будто бы кто-то схватился за эту колонну двумя пальцами. Говорят, что Мария схватилась за эту колонну, когда разрешалась от бремени. Мечеть эта известна под названием “Колыбели Иисуса”, мир да будет с ним. Там подвешено много бронзовых и серебряных лампад, которые горят каждую ночь.

Когда выйдешь из двери этой мечети и пойдешь по той же восточной стене, в углу большой ограды будет другая мечеть, большая и красивая, в два раза больше мечети “Колыбели Иисуса”. Ее называют “Дальней мечетью” ¹¹⁰ и это — та самая мечеть, куда господь, велик и славен да будет он, в ночь Мираджа ¹¹¹ восхитил избранника своего, да помилует его господь и да сохранит, из Мекки и откуда вознес его на небо, как он упоминает об этом в Коране: “Да будет благословен тот, кто перенес ночью раба своего из священного храма в дальний храм”. ¹¹² Там [74] выстроено изящное здание, положены красивые циновки и приставлены особые служители, которые постоянно поддерживают в ней порядок.

Если ты оттуда повернешь назад к южной стене, встретится пространство около двухсот гезов, где нет крыши. Крыша большей мечети — четыреста восемь араш в длину, имеет максурэ по правую руку и прилегает к южной стене. Западная сторона крыши в ширину — четыреста пятьдесят арашей. Там двести восемьдесят мраморных колонн, а на колоннах покоятся каменные арки. Капители и колонны покрыты скульптурной работой, а пространства между отдельными камнями заполнены свинцом, так что прочнее ничего быть не может. Расстояние между двумя колоннами — шесть гезов. Пол крыт разноцветными мраморными плитами, промежутки между ними залиты свинцом. Максурэ находится посредине, она настолько велика, что там помещается шестнадцать колонн. Она покрыта очень большим куполом, изукрашенным мозаикой, как уже говорилось ранее.

Пол ее прикрыт Магрибинскими циновками, повсюду висят, каждая на отдельной цепи, лампы и светильники. В ней устроен большой михраб, украшенный мозаикой, а с двух сторон его — два мраморных столба цвета красного агата. Вся Максурэ крыта внутри разноцветными мраморными плитами. По правую руку — михраб Муавии, ¹¹³ по левую — михраб Омара, да помилует его господь. [75]

Крыша максурэ — деревянная, расписная и покрыта резьбой, а в стене ее, которая выходит во двор, устроено пятнадцать арок и изящные двери, каждая пятнадцать гезов в высоту и шесть в ширину. Из них десять на той стене, которая четыреста двадцати гезов длины, и пять — с той, которая ста пятидесяти гезов. Из этих дверей одна — бронзовая, чрезвычайно изящной и красивой работы, так что даже кажется, что она золотая: украшения на ней сделаны из черного серебра. На ней написано имя халифа Мамуна; ¹¹⁴ говорят, что Мамун прислал ее из Багдада. Когда открывают все двери, внутри мечети становится так светло, словно это двор, не покрытый крышей. Но, когда ветер или дождь, — дверей не открывают, и свет падает через окна.

Со всех четырех сторон этой крыши находятся сундуки, из которых каждый принадлежит какому-нибудь городу Сирии и Ирака. Возле них пребывают муджавиры, ¹¹⁵ как это делается в священной мечети в Мекке, да почтит ее господь всевышний.

За крытой частью мечети вдоль длинной стены, уже упомянутой ранее, идет галерея из сорока двух арок, все колонны ее — из разноцветного мрамора. Эта галерея соединяется с галереей западной.

Внутри крытой части устроен водоем, в который стекает дождевая вода, когда идет дождь. Когда он закрыт, он на одном уровне с землей. [76]

В южной стене — дверь, и там — места для омовений и вода; если кто-нибудь нуждается в омовении, он может пойти туда и возобновить свое омовение, потому что, если он выйдет из мечети, он не успеет к намазу и пропустит его по причине величины мечети.

Крыши мечети сделаны все из листового свинца, а в полу ее устроены водоемы и цистерны. Мечеть стоит на скале и, таким образом, сколько бы ни лило дождя, вода не уходит наружу, не теряется, но вся стекает в цистерны, и люди могут пользоваться ею. Устроены также и свинцовые стоки, по которым стекает вода, каменные цистерны расположены под стоками, а в стоках устроено отверстие, через которое вода вытекает и попадает в цистерну, не загрязняясь и не портясь.

В трех фарсах от города я видел большой водоем, куда собирается вода, текущая с гор. От водоема устроен канал, по которому вода течет в мечеть.

Вообще из всего города в мечети воды больше всего.

Однако во всех домах тоже устроены водоемы для дождевой воды, ибо, помимо дождевой воды, другой там нет. Каждый собирает воду у себя на крыше, и бани и все остальные учреждения питаются дождевой водой. Водоемы, устроенные в мечети, никогда не нуждаются в починке, потому что это твердый камень. Если даже в скале были трещины или отверстия, их заделали так прочно, что водоем испортиться никогда не может. Говорят, что все это устроил Соломон, мир да будет с ним. [77]

Верхний край водоемов сделан наподобие печи, и сверху они покрываются каменной крышкой, чтобы туда ничего не упало. Вода в этом городе слаще и чище, чем где бы то ни было, и если идет небольшой дождь, по стокам вода бежит два или три дня, так что небо уже совсем ясное, туч нет и следа, а капли дождя все еще капают.

Я уже говорил, что город Бейт-ал-Мукаддас выстроен на скале и что почва его очень неровная. Однако в мечети пол ровный и гладкий, а снаружи мечети, в соответствии с местностью, где есть уклоны, там стена мечети выше, потому что стена опускается в более низкое место; где идет подъем, там стена ниже. Поэтому из тех мест и тех кварталов города, которые лежат и низине, ведут в мечеть подземные ходы, выходящие на двор мечети и закрытые дверями. Одна из этих дверей называется Баб-ан-Неби, ¹¹⁶ да помилует и да сохранит господь пророка. Она находится на стороне Кыблы, то есть на стороне южной, и ширина ее десять гезов, а высота, то есть высота свода этого прохода, в зависимости от числа ступенек,— от пяти до двадцати гезов.

Над этим сводом стоит крытая часть мечети и он настолько прочен, что на нем можно было выстроить даже такое большее здание и это не оказывает на него никакого действия. При постройке его применяли такие камни, что разум не и состоянии постигнуть, как человеческая сила могла перенести и установить такие тяжести. Говорят, что сооружение это выстроил [78] Соломон, сын Давидов, мир да будет с ним: пророк наш, да сохранит его господь и да помилует, в ночь Мираджа прошел в мечеть через этот ход, ибо дверь его обращена в сторону Мекки.

Около двери на стене, на камне, отпечаток вроде большого щита. Говорят, что Хамза-ибн-Абд-ал-Мутталиб, дядя посланника, мир да будет с ним, сидел там и, закинув щит за спину, прислонился к стене; это и есть отпечаток его щита.

У входа в мечеть, где выходит этот подземный проход, навешена дверь из двух половинок; в этом месте внешняя стена ограды — около пятидесяти гезов высоты. Устроен этот проход для того, чтобы жителям квартала, лежащего у подножия мечети, не надо было проходить через другие кварталы, когда они пожелают пойти в мечеть.

Около двери мечети, по правую руку, в стену вделан большой камень высотой в пятнадцать арашей и шириной в четыре; в этой мечети нет камня больше этого, но во внешней стене, на высоте тридцати четырех гезов, много камней в четыре и пять гезов.

В поперечной части ограды, с восточной стороны есть дверь, называемая Баб-ал-Айн. ¹¹⁷ Выйдя из этих дверей и спустившись вниз, попадаешь к источнику Сельван.

Там есть еще вторая дверь, тоже закрывающая подземный ход, она называется Баб-ал-Хиттэ. ¹¹⁸ Говорят, что это — та самая дверь, через которую господь, велик и славен да будет он, повелел [79] пойти в мечеть израильтянам, как говорит всевышний в Коране: “Войдите в дверь, совершая коленопреклонение, и скажите: — Отпусти нам грехи наши и мы простим вам ваши прегрешения. Поистине, мы осыпем справедливых щедротами”. ¹¹⁹

Кроме того еще есть дверь, называемая Баб-ас-Секинэ; ¹²⁰ в проходе, который ведет к ней, устроена мечеть, где много михрабов, но первые ее двери всегда закрыты, чтобы туда никто не мог войти. Говорят, что там поставлен Ковчег Завета, о котором господь благословенный, всевышний упоминает в Коране, говоря, что его несли ангелы.

Всего дверей в ограде Бейт ал-Мукаддас, подземных и надземных, — девять. Я описал их все.

ОПИСАНИЕ ПЛОЩАДКИ ПОСРЕДИ ДВОРА, ОГРАДЫ И КАМНЯ САХРА, КОТОРЫЙ БЫЛ КЫБЛОЙ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМА

Посредине двора устроена площадка: она сделана потому, что камень Сахра слишком высок и его не могли перенести в крытую часть мечети. Основание ее — триста тридцать араш на триста, высота — двенадцать гезов. Поверхность у нее ровная и так же, как и стены, выложена мрамором, причем промежутки залиты свинцом. С четырех сторон ее из мраморных досок устроено нечто вроде ограды. Площадка эта устроена так, что подняться на нее можно только по [80] специально для этого устроенным проходам. Поднявшись на площадку, находишься над крышей мечети. Посреди этой площадки устроена подземная цистерна, и, когда

только идут дожди, вся вода по стокам стекает в эту цистерну. Вода в ней еще чище и слаще, чем во всей остальной мечети. На этой площадке четыре купола, причем самый большой из них над камнем Сахра, служившим ранее Кыблой.

ОПИСАНИЕ КУПОЛА САХРА

Ограда расположена так, что площадка приходится по самой середине ее, купол над Сахра стоит по самой середине площадки, а сам Сахра посередине купола. Это — правильное восьмиугольное здание, каждая сторона которого составляет тридцать три араша. С четырех сторон, то есть со стороны восточной, западной, северной и южной, имеется по двери, а между каждыми двумя дверями — глухая сторона восьмиугольника. Все стены сделаны из обтесанных камней, высотой в двадцать арашей.

Сам камень сто гезов в окружности и форму имеет неправильную, то есть не квадратный и не круглый, а просто несоразмерный в своих частях, как бывают скалы в горах. С четырех сторон Сахра стоят четыре квадратных пилястра, такой же высоты, как и ступы помянутого здания, а между каждыми двумя из этих четырех пилястров поставлено по две мраморных колонны, такой же высоты, как и пилястры. На этих двенадцати опорах и покоится купол, над которым стоит Сахра, окружность его — сто двадцать **[81]** арашей. Между стеной здания и этими пилястрами и колоннами, — а под пилястрами я разумею то, что квадратной формы и сложено из камней, под колоннами же — то, что высечено из одного целого куска и круглой формы, — следовательно, между этими пилястрами и стеной здания выстроено шесть других пилястров из симметричных камней. Между каждыми двумя пилястрами стоит по три колонны из разноцветного мрамора, на равном расстоянии друг от друга, так что в первом ряду между двумя пилястрами стоит по две колонны, здесь между двумя пилястрами по три колонны. У капителей пилястров по четыре волюты и каждая служит основанием для арки, у капителей колонн две волюты, так что на капители колонны покоятся только две арки; тогда как на капители пилястров их четыре. На этих двенадцати пилястрах, стоящих вокруг Сахра, лежит огромный купол. Он настолько велик, что, если посмотреть в ту сторону на расстоянии фарсаха, купол этот кажется вершиной горы, ибо высота его от основания до вершины — тридцать арашей, стоит он, в свою очередь, на стенах и пилястрах высотой в двадцать гезов, стены эти составляют часть здания, выстроенного на площадке, а высота площадки, в свою очередь, двенадцать гезов. Таким образом от земли двора до вершины купола шестьдесят два геза. ¹²¹ Потолок этого здания покрыт резьбой, а капители пилястров, колонн и стены — скульптурной работой, подобных которой найти не легко. **[82]**

Сахра возвышается над землей на высоту человеческого роста; вокруг возведена мраморная ограда, так что рукой до него не достать. Это камень темно-синего цвета, и человеческая нога на него никогда не ступала. Со стороны Кыблы он несколько ниже и с этого бока имеется след, словно кто-то прошелся по нему,

причем ноги его погружались в этот камень, так что на нем, как на мягкой глине, сохранились отпечатки пальцев ноги. Таких следов на нем — семь.

Я слышал, что Авраам, мир да будет с ним, был там и Исаак, мир да будет с ним, который был тогда еще ребенком, вскочил на камень, и Это следы его ног.

В здании Сахра постоянно есть люди, муджавиры и молящиеся, пол покрыт красивыми циновками из шелка и других материалов, а посередине здания, над самым Сахра, на серебряной цепи подвешена серебряная лампада. В этом здании много серебряных лампад и на каждой из них написано сколько она весит. Лампады эти — дар Египетского султана. По моему подсчету, там было тысяча мен серебра в изделиях.

Я видел там свечу огромных размеров — длина ее была семь арашей, а окружность три ладони, по цвету она напоминала камфару и состояла из воска, смешанного с амброй. Говорят что Египетский султан каждый год присылает много свечей; среди них одна всегда такая большая и на ней золотыми буквами написано имя султана.

Это место — третий дом господя, велик и славен да будет он. Всем богословам известно, что всякий намаз, который совершают в Бейт-ал-Мукаддас, равняется двадцати пяти тысячам **[83]** простых намазов. Намаз, совершенный в Граде посланника, ¹²² да сохранит его господь и да помилует, равняется пятидесяти, а намаз, сотворенный в великой Мекке, да прославит ее господь преславный, равняется ста тысячам намазов.

Пусть господь, велик и славен да будет он, дарует в удел всем рабам своим удостоиться этого.

Я уже сказал, что все крыши и купола снаружи покрыты свинцом. Со всех четырех сторон здания — по большой двери, с двумя половинками, из дерева садж; двери эти постоянно закрыты.

Вслед за этим зданием, на площадке, идет купол, называемый Куббет-ас-Сильсилэ. ¹²³ Эта цепь — та самая, которую повесил Давид, мир да будет с ним. К ней может прикоснуться только тот, на чьей стороне право, насильник же и несправедливый коснуться ее не может. Это известно всем ученым.

Купол этот покоится на восьми мраморных колоннах и шести пилястрах; здание открыто со всех сторон, кроме стороны Кыблы; эта сторона закрыта и там поставлен красивый михраб.

На этой площадке есть еще другой купол, на четырех мраморных колоннах. Там тоже сторона Кыблы закрыта и поставлен красивый михраб. Называют его куполом Гавриила, мир да будет с ним. Циновок в этом здании нет и пол его состоит из выровненного камня. Говорят, что в ночь Мираджа в это здание был приведен

Бурак, ¹²⁴ чтобы пророк, да сохранит его господь и да помилует, мог сесть на него. **[84]**

За этим куполом идет другой, называемый Куполом посланника, да сохранит его господь и да помилует; говорят, что между этим куполом и куполом Гавриила расстояние в двадцать ара-шей. Этот купол тоже поставлен на четыре мраморные колонны. Говорят, что в ночь Ми-раджа посланник, да сохранит его господь и да помилует, сначала помолился в куполе Сахра. Он прикоснулся к камню рукой, и, когда он выходил оттуда, Сахра по причине величия его, поднялся с места. Посланник, да сохранит его господь и да помилует, прикоснулся к нему рукой, чтобы он снова вернулся на место, и камень тотчас же опустился. Однако он и посейчас еще наполовину приподнят. Посланник, да сохранит его господь и да помилует, оттуда прошел в купол, названный по нему, и сел там на Бурака: потому это здание пользуется таким почетом.

Под Сахра большая пещера и там постоянно горят свечи. Говорят, что когда Сахра двинулся, чтобы приподняться, под ним образовалось это отверстие, а когда он снова лег, отверстие так и осталось.

ОПИСАНИЕ ЛЕСТНИЦ, ВЕДУЩИХ НА ПЛОЩАДКУ ПОСРЕДИ ОГРАДЫ

На площадку можно подняться по шести лестницам, из которых каждая имеет особое название. Две лестницы ведут со стороны Кыблы, по ступенькам которых туда поднимаются. Если стать посередине фундамента площадки, одна из этих лестниц будет по правую руку, а другая — **[85]** по левую. Правая называется Макам-ан-Неби, ¹²⁵ мир да будет с пророком, а девая — Макам-ал-Гури. Правая лестница названа Макам-ан-Неби, потому что, по преданию, в ночь Мираджа пророк, да сохранит его господь и да помилует, по ее ступенькам поднялся на площадку и оттуда прошел в купол Сахра. Действительно, Хиджасская дорога примыкает как раз с этой стороны. Теперь ширина ее ступенек — двадцать арашей, и все ступеньки сделаны из обтесанных симметричных камней. Каждая ступенька состоит из одного или двух четырехугольных камней, расположенных так, что туда, если угодно, можно подняться и на верблюде.

На верху у этой лестницы четыре колонны из зеленого мрамора, чрезвычайно похожего на изумруд, но покрытого множеством разноцветных крапинок. Вышина каждой из этих колонн — десять арашей, объем таков, что два человека могут обхватить ее. На этих четырех колоннах поставлено три арки: одна — против входа, две другие — по бокам. Верхняя часть арок, горизонтальная, украшена возвышениями и шпилями и кажется четырехугольником. Колонны и арки разукрашены золотом и мозаикой и красивее их трудно что-нибудь найти.

Вся ограда площадки сделана из зеленого крапчатого мрамора и, когда не нее смотришь, кажется, что это луг, покрытый распутившимися розами.

Макам-ал-Гури устроено так, что там три лестницы: одна — прямо против площадки и две [86] другие — по бокам, так что люди поднимаются на нее с трех сторон. Наверху у этих трех лестниц тоже поставлены колонны, над ними устроены арки и галерея. Ступеньки устроены так, как я говорил раньше: из двух или трех продолговатых обтесанных камней. На портике спереди красивым шрифтом золотом написано: “Выстроено по приказу эмира Лейс-ад-Доулэ, Нуштегина Гури”. Говорят, что этот Лейс-ад-Доулэ был рабом египетского султана и что входы и лестницы выстроены им.

На западной стороне площадки тоже устроены две лестницы в двух местах и сделан такой же красивый вход, как и те, которые мною уже были описаны. На восточной стороне тоже есть вход, очень красивый, с колоннами, арками и галереями; называется он “Макам-и-шарки”. ¹²⁶ С северной стороны есть вход выше и больше всех остальных; там тоже поставлены колонны с арками; он называется “Макам-и-Шаами”. ¹²⁷

Говорят, да и по моим расчетам выходило то же самое, что на постройку этих шести лестниц было израсходовано сто тысяч динаров.

В ограде двора, но не на площадке, с северной стороны есть место, вроде маленькой мечети. Там устроено некоторое подобие ограды, стена которой немного выше человеческого роста. Называется оно “Михрабом Давида”. Около этой ограды есть камень в рост человека; это — неровная скала и на вершину ее едва сможет поместиться самый маленький коврик. Говорят, [87] что этот камень служил стулом для Соломона и что на нем Соломон, мир да будет с ним, сидел, когда строили мечеть.

Такие вещи я видел в ограде храма Бейт-ул-Мукаддас; я зарисовал их в своем дневнике, который вел в это время.

Кроме того, из дивных вещей мечети Бейт-ал-Мукаддас я видел еще дерево гурий. ¹²⁸

После Бейт-ал-Мукаддас я решил поклониться гробнице Авраама, друга господи всемилостивого, да сохранит его господь и да помилует.

В среду первого Зу-ль-Ка'дэ четыреста тридцать восьмого года ¹²⁹ я отправился туда. От Бейт-ал-Мукаддас до того места, где находится эта гробница, шесть фарсахов и дорога все время идет к югу. По дороге много деревень, обработанных полей и садов. Дикорастущих растений, не нуждающихся в поливке, как виноград, фи́га, маслина и сума́к, там бесконечно много.

В двух фарсах лежит город Чахардих; там есть ручей, много садов и огородов и за расоту это место называют Ферадис.

В одном фарсах от города Бейт-ал-Мукаддас находится место, чрезвычайно чтимое христианами. Там есть и муджавиры и много людей постоянно пригзжает на поклон. Называется оно Бейт-ал-Лахм. ¹³⁰ Христиане отправляют там свою службу и в большом числе приезжают туда из Рума. В этот день, когда я покинул Бейт-ал-Мукаддас, я заночевал там. [88]

ОПИСАНИЕ ГРОБНИЦЫ ДРУГА БОЖЬЕГО, ДА ПОМИЛУЕТ ЕГО ГОСПОДЬ

Жители Сирии и города Бейт-ал-Мукаддас называют это место Халиль, ¹³¹ а самого названия деревни не говорят. Называется она Матлун и вместе со многими другими деревнями является церковной землей, принадлежащей этой гробнице. В деревне этой есть источник, вытекающий из скалы. Он течет тоненькой струйкой, и по длинному каналу его вывели за пределы деревни. За деревней устроен крытый водоем, куда и собирают эту воду, чтобы она не пропадала и жители деревни и паломники могли пользоваться ею.

Гробница находится на краю деревни с южной стороны, а деревня эта лежит к юго-востоку от Бейт-ал-Мукаддас.

Гробница состоит из четырех стен, сложенных из обтесанных камней: длина ее — восемьдесят арашей, ширина — сорок, высота стены — двадцать арашей, а толщина степы наверху—два араша. Поперек здания поставлен михраб и максурэ. В максурэ тоже есть красивые михрабы и там же находятся две могилы, обращенные головами к Кыбле. Обе могилы сложены из обтесанных камней в высоту человеческого роста. По правую руку—могила Исаака, сына Авраамова, по левую— его жены, мир да будет с ними. Расстояние между могилами — десять арашей.

В этой гробнице пол и стены покрыты драгоценными коврами и Магрибинскими циновками, которые красивее шелка. Я видел там плетеный [89] молитвенный коврик, присланный туда, как говорили, полководцем, слугой египетского султана.

Говорят, что этот коврик был куплен в Египте за много золотых магрибинских динаров и что такое же количество румийского шелка не стоило бы таких денег. Я нигде не видал таких.

При выходе из максуры во дворе гробницы — два здания, поставленных по направлению к Кыбле. В здании по правую руку находится могила Авраама Халиля, да помилует его господь. Это большое здание, а в нем внутри другой домик, вокруг которого обойти нельзя. В стене проделано четыре дверцы, через которые посетители могут обозреть внутренность домика; могилу видно из всех четырех. Пол и стены здания покрыты шелковыми коврами. Могила возведена из камня на высоту трех гезов и над ней висит много серебряных лампад и светильников.

В другом здании, по левую руку от Кыблы, — могила Сарры, жены Авраама, мир да будет с ним. Между двумя зданиями проход вроде коридора, и двери обоих зданий выходят в этот коридор. Там же повешено много лампад и светильников.

За этими двумя зданиями лежат две другие гробницы, тоже близко одна от другой: по правую руку — могила пророка Иакова, мир да будет с ним, по левую — гробница жены его. За ними стоят здания, где Авраам, да помилует его господь, принимал своих гостей. Таким образом в этом месте шесть могил.

За этими четырьмя степами идет склон, где гробница Иосифа, сына Иакова, мир да будет над ними обоими. Над нею устроен красивый [90] купол, а могила сама сложена из обтесанных камней. С той стороны, где степь, по направлению между куполом Иосифа и описанной усыпальницей, устроено большое кладбище; туда привозят покойников с самых различных сторон и хоронят их там. На крыше максурэ в усыпальнице устроены маленькие комнатки для прибывающих туда посетителей. Усыпальница эта обладает многочисленными вакфами, ¹³² деревьями и недвижимостями в городе Бейт-ал-Мукаддас.

Больше всего там сеют ячменя, пшеницы мало, много растет и маслины. Приезжим, путешественникам и паломникам дают хлеб и оливковое масло. Там много мельниц, которые приводят в движение мулы и быки, где каждый день мелется много муки. Там есть особые служанки, которые каждый день пекут хлеб; хлебы их весят каждый по одному мену. Всякому приезжему каждый день дают но круглому хлебу и чашке чечевицы, вареной в масле, дают также и изюма. Этот обычай удержался со времен друга божьего, ¹³³ мир да будет с ним, вплоть до наших дней.

Бывают дни, когда туда приезжает более пятисот человек, и для всех готовится это угощение.

Говорят что в этой усыпальнице сначала не было сделано двери и войти туда никто не мог, так что поклонялись гробницам в портике за [91] оградой. Когда же Махди ¹³⁴ сел на трон в Египте, он приказал сделать там дверь, поставить много всякой утвари, положить ковры и выстроить богоугодные заведения.

Вход в усыпальницу — посередине северной стены, на высоте около четырех гезов от земли, и к нему с обеих сторон ведут каменные ступеньки, с одной стороны поднимаясь, а с другой — опускаясь. Закрывается он небольшой железной дверью. Затем я возвратился в Бейт-ал-Мукаддас, а оттуда направился далее пешком с несколькими людьми, направлявшимися в Хиджаз. Проводником нашим был решительный и красивый человек, хороший ходок по имени Абу-Бекр Хамадани. Пятнадцатого Зу-ль-Ка'дэ четыреста тридцать восьмого года ¹³⁵ мы вышли из Бейт-ал-Мукаддас и через три дня пришли в местность, называемую Ар'ар. Там тоже была проточная вода и много деревьев. Затем мы пришли на другую стоянку, Вадил-Кура, а оттуда, с еще одной остановкой, через десять дней добрались и до Мекки. В этот год туда ниоткуда не прибыло ни одного каравана и было очень трудно

найти пищи. Я остановился на улице Москательщиков, против Ворот пророка, мир да будет с ним, и в понедельник отправился на Арафат. Все жители в это время опасались набега бедуинов. Пробыв два дня в Мекке, я по Сирийской дороге снова повернул назад к Бейт-ал-Мукаддас. Пятого Мухаррема четыреста тридцать девятого лунного года ¹³⁶ [92] я снова прибыл в Кудс. О Мекке и моем хадже я пока не буду говорить, ибо расскажу об этом при описании моего последнего хаджа. У христиан в Бейт-ал-Мукаддас есть церковь, называемая Би'ату-ал-Кумамэ. ¹³⁷ Они относятся к ней с величайшим почтением.

Каждый год туда из Рума приезжает на поклон множество народа; даже сам румийский царь тайно приезжал туда, так что об этом никто не знал. В то время, когда правителем Египта был ал-Хаким би-амр-Алла, ¹³⁸ туда приехал румийский кесарь. Хаким узнал об этом, прислал к нему одного из своих стремянных и дал ему указание: — Человек, одетый так-то и такого-то вида, сидит в святилище Бейт-ал-Мукаддас. Подойди к нему и скажи: — Хаким послал меня к тебе и говорит: — не думай, что мне ничего не известно о твоём прибытии. Однако будь покоен я ничего тебе не сделаю.

Тот же Хаким приказал разграбить, разрушить и срыть эту церковь. Долгое время она была в развалинах, но потом кесарь прислал послов с большим количеством подарков и приношений и попросил мира и милостивого разрешения вновь отстроить церковь. Тогда ее снова отстроили.

Это — просторное здание, в котором может поместиться восемь тысяч человек. Она выстроена чрезвычайно роскошно, из разноцветного мрамора, с украшениями и росписью. Внутри она украшена [93] румийскими шелками и покрыта различными изображениями. Повсюду виднеется чистое золото и во многих местах имеется изображение Иисуса, мир да будет с ним, верхом на ослице. Есть там также и изображения других пророков, как например: Авраама, Исмаила, Исаака, Иакова и сыновей его, мир да будет с ними. Картины эти покрыты лаком из сандалового масла и защищены большим стеклом, чрезвычайно прозрачным, так что не нужно никакого покрова. Сделано это для того, чтобы на картины не садилась пыль и грязь. Слуги каждый день прочищают эти стекла. Есть там много еще других картин, но если описать их все, это слишком удлинит мой рассказ. Одна картина в этой церкви разделена пополам и изображает рай и ад: одна половина изображает райских праведников и рай, а другая — грешников в аду, самый ад и все, что к нему относится. Эта церковь — такое место, что подобного ему в мире нет.

В этой церкви много священников и монахов, которые читают Евангелие, творят молитву и день и ночь преклоняются перед богом. [94]

ПЕРЕЕЗД В ЕГИПЕТ. ТИННИС МИСР. НИЛ И ЕГО РАЗЛИВЫ. КАИР.

Из Бейт-ал-Мукаддас я вознамерился сесть на корабль, поехать в Египет, а оттуда вновь направиться в Мекку. Но дул противный ветер и по морю пуститься в путь было невозможно. Тогда я отправился сухим путем, проехал через Рамлэ и прибыл в город, который называется Аскалон.

Там я видел базар, красивую мечеть и арку, про которую говорили, что она в древности служила церковью. Это — огромная каменная арка, и, если бы кто-нибудь пожелал снести ее, это обошлось бы весьма дорого.

Выехав оттуда, я видел по дороге много деревень и городов, описание которых удлинило бы книгу и о которых я посему умалчиваю. Наконец я приехал в место, называемое Тынэ. Это местечко служило гаванью для судов, направлявшихся в Тиннис. Я сел на один из кораблей и отправился туда.

Тиннис этот — красивый город, он лежит на острове, так далеко от суши, что даже с крыш [95] города не видно берегов. В городе много жителей, есть красивые базары и две мечети. Я полагаю, что там около десяти тысяч лавок. Сто лавок имеют москательщики.

Летом на базарах продают кешкаб, ¹³⁹ потому что город лежит в теплом климате и там много болезней.

Там ткут цветные материи, называемые касаб, для тюрбанов, женских платьев и панталон. Такого цветного касаб не ткут нигде. Белый касаб ткут в Дамиэтте, а тех материй, которые ткутся в султанских мастерских, никому не продают и никому не дарят.

Я слышал, что правитель Фарса послал в Тиннис двадцать тысяч динаров, чтобы ему купили одежду из султанских материй. Его посланцы провели там несколько лет и так и не смогли купить ничего.

Есть там известные ткачи, и одному из них, соткавшему тюрбан для египетского султана, султан приказал дать пятьсот магрибинских динаров. Я видал этот тюрбан и мне говорили, что он стоит четыре тысячи магрибинских динаров.

В городе Тиннисе ткут “бу-каламун”, ¹⁴⁰ равного которому нет во всем мире. Это — золотая ткань, которая во всякое время дня отликает другим цветом. Эту ткань из Тинниса вывозят и на запад и на восток. [96]

Я слышал, что румийский султан послал кого-то к египетскому султану и просил его взять сто городов из румийских владений и отдать ему Тинпис, но египетский

султан не согласился. Румийский султан сделал это предложение, потому, что хотел завладеть городом, где ткуют касаб и бу-каламун.

Когда вода в Ниле начинает прибывать, она оттесняет соленую морскую воду от Тинниса, так что почти на десять фарсахов вокруг города морская вода становится пресной. Для этого времени на острове и в городе устроены огромные очень прочные подземные водоемы, куда стекает вода. Жители называют их “месани”. Когда вода в Ниле прибывает и вытесняет соленую и горькую воду, водоемы эти наполняют. Это делают так: открывают сток, и морская вода прямо течет в водоемы и месани. Вся вода в городе — из этих водоемов, наполняемых во время прибывания; ею пользуются вплоть до следующего года, а у кого есть избыток, тот продает воду другим. Много месани являются церковным имуществом и предоставляют воду для пользования чужестранцам.

В городе Тиннисе около пятидесяти тысяч жителей и более тысячи кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит купцам, но много также и султанских, потому что все что может понадобиться в деле, туда надо привозить, а в самом городе ничего нет. Так как это остров, то сношения с ним возможны только при помощи кораблей.

Там постоянно стоит сильный вооруженный гарнизон, из предосторожности на случай, если [97] бы франкам или румийцам вздумалось напасть на остров.

Я слышал от верных людей, что оттуда ежедневно поступает тысяча магрибинских динаров в казну египетского султана и сумма эта сдается сразу в один назначенный день. Собирает подать один человек, которому жители города передают их в один установленный день, а он уже доставляет эти деньги в казначейство. При этом никто не отказывается платить и ни у кого ничего не отбирают силой.

За касаб и бу-каламун, которые ткуются для султана, казна платит полную стоимость, так что люди охотно работают на султана; это не так, как в других странах, где диван ¹⁴¹ и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе.

Из бу-каламуну делают также ткани для носилок, укрепленных на верблюдах, и подседельники, предназначенные для султанских приближенных.

Фрукты и все продовольствие в город привозят из деревень Египта.

Там выделывают также железные инструменты, как, например, ножницы, ножи и тому подобное. Я видал ножницы, привезенные оттуда в Египет, за которые спрашивали пять магрибинских динаров. Они были устроены так, что, когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали.

Их женщины в известное время страдают особой болезнью: они вроде припадочных издают два-три вопля, а потом снова приходят в себя. [98] В

Хорасане я слышал, что есть остров, где женщины мяукают, как кошки. Это очевидно и имеет отношение к тому, что я рассказал.

Из Тенниса в Константинию ¹⁴² судно идет двадцать дней, мы же направились в сторону Египта. Когда мы подошли к берегу возле места впадения Нила, судно наше начало подниматься вверх по реке.

Когда Нил подходит к морю, он разделяется на отдельные русла. То русло, по которому ехали мы, называлось Румийским. Судно продолжало подниматься, пока не прибыли в город, называемый Салихийэ. Это — селение, полное товаров и запасов продовольствия. Там строят много кораблей, каждый вместимостью в двести харваров. ¹⁴³ Товары везут в Миср ¹⁴⁴ и доставляют к самым дверям бакалейных лавок по воде, ибо на спинах вьючных животных и нельзя было бы доставлять в этот город провизию, такая там давка на улицах. Мы сошли в этой Салихийэ с корабля на берег и в ту же ночь пришли к городу. Мы вошли в Каир в воскресенье седьмого Сафара ¹⁴⁵ четыреста тридцать девятого года, по старому календарю в день Ормузда месяца Шахривера.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА МИСРА И ЕГО ОБЛАСТИ

Река Нил идет с юго-запада, проходит мимо Мисра и впадает в Румийское море.
[99]

Когда вода в Ниле прибывает, ее становится вдвое больше, чем в Джейхуне около Термеза. Река эта идет из Нубии и проходит в Египет; Нубия — местность гористая, а там, где начинается равнина, там уже Египет.

Из орошаемых Нилом городов на границе первым лежит Ассуан; отсюда до Мисра шестьсот фарсахов. Все города и заселенные области лежат на берегах реки, область Ассуана называют Сандаль-Ала. Когда корабль доходит до города Ассуана, он выше подняться не может, потому что вода вырывается из тесного русла и течет слишком стремительно.

Выше к югу лежит Нубия, там правит другой царь, люди там чернокожие и религия у них христианская. Купцы ездят туда и возят стеклянные гребни и коралл, а отсюда привозят рабов. Все рабы в Мисре либо нубийцы, либо румийцы. Видел я также привезенную из Нубии пшеницу и просо, и то и другое было черного цвета.

Говорят, что истоков Нила с точностью установить не могли. Я слышал, что египетский султан посылал кого-то туда, посланец целый год странствовал вдоль Нила и производил расследование, но так ничего и не узнал, кроме того, что по словам, Нил вытекает на юге из горы, называемой Джеббель-ал-Камар. ¹⁴⁶

Когда солнце входит в знак Рака, вода в Ниле начинает прибывать и достигает уровня на двадцать араш выше своего обычного зимнего уровня. Она прибывает

постепенно, изо дня в день, и **[100]** в городе Мисре для определения прилива установлены особые нилометры и значки.

Существует особый чиновник, получающий тысячу динаров жалованья, он следит за тем, на сколько прибывает вода. Когда вода начинает прибывать, он посылает в город глашатаев, и те возвещают:—Сегодня господь, велик и славен да будет он, прибавил воды в Ниле на столько-то. — Каждый день она поднимается на несколько пальцев, когда же, наконец, она достигает высоты целого геза, в городе ликуют и веселятся, пока она не достигает восемнадцати арашей. Восемнадцать арашей — это высота нормальная, то есть, если воды меньше этого, прилив считают недостаточным, раздают милостыню, дают обеты, печалются и горюют; если же воды больше этого, веселятся и радуются. Если вода не поднимается на восемнадцать арашей, подданных не облагают податью.

От Нила прорыто множество каналов и проведено во все стороны; от них, то есть от этих каналов, в свою очередь, проведены маленькие ручьи, орошающие деревни и селения. На них установлено множество гидравлических колес, количества которых даже и не вычислить.

Все деревни области Миср выстроены на возвышениях и холмах. Когда вода прибывает, она затопляет всю область, и деревни потому и выстроены на возвышениях, чтобы их не затопляло водой. В это время из деревни в деревню ездят на лодках.

От одного края области Мисра до другого устроен земляной мол вдоль Нила, по которому люди и ездят во время разлива. **[101]**

Каждый год из султанского казначейства доверенному чиновнику посылают десять тысяч магрибинских динаров на поддержание этого сооружения.

Население этой области запасается всем необходимым на те четыре месяца, во время которых их земля стоит под водой. В деревнях и селениях каждый печет столько хлеба, чтобы хватило на четыре месяца, а чтобы хлеб не портился, его сушат.

Повышение уровня воды происходит так, что с первого дня в течение сорока дней вода прибывает, пока не достигнет восемнадцати арашей, потом в течение вторых сорока дней она остается на одном уровне, не поднимаясь и не спадая, затем вновь постепенно начинает убывать и в течение третьих сорока дней достигает опять того уровня, на котором стояла зимой.

Когда вода начинает спадать, люди идут следом за ней и, где только просохнет, сеют все, что пожелают. И зимний и летний посев совершаются одинаково и поливки более уже не нужно.

Город Миср лежит между Нилом и морем, Нил приходит с юга, идет на север и впадает в море.

От Мисра до Александрии считают тридцать фарсахов; Александрия лежит и на берегу моря и на берегу Нила. Оттуда в Миср привозят на судах много плодов. В Александрии я видел маяк в полной исправности. На нем было установлено зажигательное зеркало, и если судно румийцев, шедшее из Стамбула, попадало в круг действия этого зеркала, на него тотчас же падал огонь, и судно сгорало. [102]

Румийцы старались из всех сил предотвратить это, изобретали разные хитрости и, наконец, послали кого-то, кто разбил это зеркало.

Когда Хаким ¹⁴⁷ был султаном Египта, какой-то человек пришел к нему и взялся исправить это зеркало и привести его в прежний вид. Хаким ответил: — Теперь в этом нужды нет. Нынче румийцы каждый год присылают нам золото и товары, согласны, чтобы наше войско вступало на их земли, и все обстоит превосходно.

Для питья в Александрии употребляется только дождевая вода. По всей пустыне около Александрии валяются такие каменные колонны, какие мною были описаны раньше.

Александрийское море идет до Кайрувана, а от Кайрувана до Мисра сто пятьдесят фарсахов. Кайруван — это область, в которой самый большой город Сиджилмасэ, лежащий в четырех фарсахх от моря. Это большой город, выстроенный в долине и окруженный прочной стеной.

Рядом с ней лежит Махдийэ, город, основанный Махди, одним из потомков эмира правоверных Хусейна ибн-Али, ¹⁴⁸ да помилует господь их обоих, после того, как им был завоеван Магриб и [103] Андалусия. В то время, когда я был там, Кайруван находился в руках египетского султана. Там выпадает снег, но обыкновенно не держится. Морской берег от Андалусии поворачивает вправо и к северу. От Египта до Андалусии тысяча фарсахов, и все области по дороге между ними принадлежат мусульманам.

Андалусия — большая страна, очень гористая, там выпадает снег и вода там замерзает. У населения ее белая кожа и рыжие волосы. Глаза у них большей частью, так же как у славян, такого цвета, как у кошек. Она лежит на краю румийского моря, так что море это для них является восточным. Если из Андалусии направиться вправо и к северу, то, идя все время по берегу моря, придешь в Рум. Из Андалусии часто производят на Рум набеги.

Кто желает, может поехать оттуда на корабле по морю в Константинополь, но только по дороге много больших заливов, от двухсот до шестисот фарсахов ширины, и проехать можно только на большом судне. Я слышал от верных людей, что окружность этого моря — четыре тысячи фарсахов. Залив этого моря

находится во тьме и, говорят, что край этого залива постоянно покрыт льдом, так как туда никогда не светит солнце.

Один из островов этого моря — Сицилия, куда из Египта судно доходит в двадцать дней. Кроме того, там есть еще много и других островов. Говорят, что площадь Сицилии — восемьдесят Фарсахов в квадрате и что она тоже под властью египетского султана. Каждый год туда отправляется судно и привозит тамошние товары в Египет. Привозят оттуда тонкое полотно и [104] полосатый шелк, которые стоят в Египте по десять магрибинских динаров.

Если из Египта направиться на восток, то придешь к морю Кулзум. Кулзум — это город на берегу моря и оттуда до Мисра тридцать фарсахов. Это море — залив океана, который отделяется у Адена и идет к северу. Достигнув Кулзума, он делится на рукава; говорят, что ширина его — двести фарсахов.

Между этим заливом и Мисром — горы и пустыня, где нет ни воды, ни растений. Всякий, кто из Мисра желает идти в Мекку, должен идти на восток. Когда он достигнет Кулзума, перед ним будет два пути: один — по суше, другой — по воде. По суше можно доехать в Мекку в пятнадцать дней, дорога все время идет пустыней и длиною она около шестисот фарсахов. Караваны из Египта ходят большей частью этим путем.

Если же поехать морем, то в двадцать дней можно доехать до Джара, а Джар — это маленький городок в Хиджазе, на берегу моря, в трех днях пути от града пророка, ¹⁴⁹ да сохранит его господь и да помилует! От Медины же до Мекки — сто фарсахов.

Если же кто-нибудь проедет мимо Джара и поедет дальше по морю, он придет к Йеменским берегам, а оттуда к берегам Адена. Если же он поедет еще дальше, он придет в Индию и так же и в Китай. Если от Адена поехать на юг, с уклоном в сторону запада, придешь в Занзибар и Абиссинию, о чем будет сказано подробнее в своем месте. [105]

Если же из Египта поехать к югу и проехать через Нубию, придешь в страну Масмуди. Это очень плодородная обильная скотом земля, у обитателей ее черная кожа, крепкая кость и сильное телосложение. В Египте много солдат этого племени; они некрасивы и высокого роста; называют их Масмуди. Они сражаются пешими; мечом и копьем и другим оружием пользоваться не умеют.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА КАИРА

Когда приезжают в Египет из Сирии, первым делом попадают в город Каир, ибо Миср лежит к югу от Каира. Называют Каир-ал-Кахирэ ал-Муыззийз, Фустатом же называют военный лагерь. Рассказывают, что одни из потомков повелителя правоверных Хусейна ибн-Али, да помилует всех их вместе господь, которого звали ал-Муызз ли-Дпн-Алла, ¹⁵⁰ завладел Магрибским царством, вплоть до

Андалусии, и начал посылать из Магриба в Египет войска. Притом приходилось переправляться через реку Нил, а через Нил переправиться невозможно, во-первых, потому, что это очень большая река, а во-вторых, потому, что там много крокодилов, которые утаскивают любое животное, упавшее в воду. Говорят, что в окрестностях города Мисра на дороге установлен талисман, который мешает крокодилам причинять вред людям и вьючному скоту, но на расстоянии полета стрелы от города ни в одном другом месте человек не решается войти в воду. [106]

Говорят, что ал-Муызз ли-Дин-Алла послал туда свое войско. Оно пришло к тому месту, где сейчас стоит город Каир, и тогда эмир приказал: — Когда вы приедете к реке, перед вами в воду войдет черная собака и поплывет, идите следом за этой собакой и переправляйтесь без страха.

Говорят, что войска там было тридцать тысяч всадников, прибывших туда, все они были рабами эмира. Черная собака действительно вошла перед ними в воду, они бросились следом за ней, все переправились и ни одна тварь не пострадала. Между тем никто никогда не сообщал, чтобы кто-нибудь до того мог переправиться через Нил на коне.

Случилось это в триста шестьдесят третьем году. ¹⁵¹ Султан сам поехал морем на корабле. Когда корабли, на которых ехал султан, подошли к Каиру, их выгрузили, вытащили из воды и бросили на суше, как ненужную вещь.

Автор этой книги видел те суда: их было семь штук, длиною в пятьдесят арашей, шириной в семьдесят. С тех пор, как их положили там, прошло восемьдесят лет, ибо автор этого рассказа прибыл в Египет в четыреста сорок первом году. ¹⁵²

Когда ал-Муызз ли-Дин-Алла прибыл в Египет, там был военачальник багдадского халифа. Он покорно явился к Муыззу, а тот с войском своим остановился в том месте, где сейчас лежит Каир. Лагерь этот был назван Кахирэ, ¹⁵³ потому что [107] войско это взяло то место силой. Муызз дал приказ, чтобы никто из солдат не смел входить в город Миср и останавливаться в домах. Он приказал выстроить на равнине около Мисра город и каждому из приближенных повелел выстроить дворец и жилище. Так получился город, равных которому мало.

Я подсчитал, что в этом городе Каире должно быть не меньше двадцати тысяч лавок которые все принадлежат султану. Много лавок сдаются, каждая за десять магрибинских динаров в месяц и нет ни одной дешевле двух динаров.

Караван-сараев, бань и прочих общественных зданий столько, что их пересчитать нет возможности, и все они — собственность султана, ибо ни один человек там не может обладать зданиями и недвижимостью, кроме того, что он выстроит сам.

Я слышал, что в Каире и Мисре у султана восемь тысяч домов: все они сдаются в наем и каждый месяц за них получают плату. Их отдают в пользование и берут назад по желанию нанимателя без какого бы то ни было принуждения.

Замок султана стоит посреди Каира. Он открыт со всех сторон, так как ни одно здание не прилегает к нему.

Архитекторы вымерили его и нашли, что площадь его равна площади кремля в Мейяфарикине. Он открыт со всех сторон и каждую ночь его сторожит тысяча человек, из них — пятьсот конных и пятьсот пеших. Начиная с вечернего намаза, они играют на трубах, бьют в барабаны и тарелки и до рассвета ходят вокруг замка. **[108]**

Если смотреть на султанский замок из загородных мест, он кажется похожим на гору — так много там построек и так они велики. Однако из самого города ничего не видно, потому что у замка высокие стены.

Говорят, что в этом замке двенадцать тысяч наемных слуг. Женщин же и рабынь, не знаю даже, кто мог бы сказать, сколько их там... Говорят только, что всего в этом замке живет тридцать тысяч человек.

Он состоит из двенадцати павильонов, а в гарем ведут десять ворот. Те ворота, которые над землею (помимо подземных), называются так: Баб-аз-Захаб, ¹⁵⁴ Баб-аль-Бахр, ¹⁵⁵ Баб-ас-Сер-бех, ¹⁵⁶ Баб-аз-Захв, ¹⁵⁷ Баб-ас-Селам, ¹⁵⁸ Баб-аз-Зеберд-жед, ¹⁵⁹ Баб-ан-ыд, ¹⁶⁰ Баб-ал-Футух, ¹⁶¹ Баб-аз-Зал-лакэ, ¹⁶² Баб-ас-Сурьэ. ¹⁶³

Под землею устроен выход, по которому султан на коне может выехать из замка. За городом выстроен замок, и этот подземный выход в него и ведет. Проход этот покрыт прочными сводами от гарема и до самого павильона. Стены этого павильона сложены из обтесанных камней так хорошо, что они кажутся вытесанными из одного куска.

В замке этом возведены вышки и высокие портики, а внутри открытых галерей устроены ряды скамей, где сидят столпы державы, свита, воины и приезжие румийцы. **[109]**

Везир — человек, выдающийся своим суровым образом жизни, смирением, верностью, честностью, знаниями и разумом. Там никогда не было принято пить вино, то есть во времена правления Хакима. При нем ни одна женщина не выходила из дому и никто не сушил винограда и не делал изюма, чтобы из него не приготовили водки. Никто тогда не решался пить вино, и пиво тоже не пили: про него говорилось, что оно опьяняет, и поэтому оно тоже было запрещено.

В городе пять ворот: Баб-ан-Наср, ¹⁶⁴ Баб-ал-Футух, ¹⁶⁵ Баб-аль-Кантарэ, ¹⁶⁶ Баб-аз-Зуэйлэ, Баб-ал-Халидж. ¹⁶⁷

Стены вокруг города нет, но здания так высоки, что они выше и прочнее стены. Каждый дворец и каждый павильон представляет собой крепость. Большая часть зданий в пять и в шесть этажей.

Для питья служит нильская вода, которую привозят на вьючных животных водовозы. В колодцах вода тем лучше, чем ближе они к Нилу; чем дальше они, тем вода солонее. Говорят, что в Мисре и Каире пятьдесят тысяч вьючных животных, на которых водовозы в бурдюках возят воду. Водоносы, которые носят воду на своей спине в бронзовых кувшинах и маленьких мехах, ходят по узким переулкам, куда вьючное животное не может войти.

В городе между дворцами есть сады и деревья, поливают их колодезной водой. В султанском гареме есть особый гаремный сад, прекраснее [110] которого не найти ничего. Там установлены гидравлические колеса и при помощи их эти сады поливаются.

На крышах тоже насажены деревья и устроены беседки. В то время, когда я там был, дом площадью в двадцать гезов на двенадцать сдавался за пятнадцать магрибинских динаров в месяц. В том доме, где я жил, было четыре этажа, три из них отдавались за эту цену, а за верхний хозяину дома предлагали пять магрибинских динаров в месяц, но он не соглашался и говорил: — Быть может, мне понадобится временами наезжать туда. — Однако за тот год, что я там прожил, он не приехал и двух раз.

Дома эти так чисты и изящны, что можно было бы принять их за домики, сложенные из драгоценных камней, не из извести, черепицы и камня. Все дома в Каире стоят отдельно, так что ни у кого деревья и здания не прилегают к чужой стене. Поэтому всякий, когда пожелает, может сносить и вновь отстраивать свой дом, и никому от этого не будет вреда.

Если выйдешь из города Каира, направляясь к западу, встретишь большой проток, называемый Халидж. ¹⁶⁸ Этот канал устроил отец султана, и у него на берегах канала было шестьсот деревень, находившихся в его личной собственности. Канал берет свое начало в Мисре, идет в Каир, там заворачивает и подходит к султанскому замку.

У начала его — два павильона, из которых один называется Лу'лу, ¹⁶⁹ а другой — Джаухерэ. ¹⁷⁰ [111]

В Каире — четыре мечети, и во всех по пятницам совершается молитва. Называются они: Джамии'и Азхар, ¹⁷¹ джами'и Нур, ¹⁷² джами'и Ха-ким ¹⁷³ и джами'и Муызз. ¹⁷⁴ Эта последняя находится за городом, на берегу Нила. Если от Мисра хотят повернуться к Кыбле, то надо стать лицом к восходу Овна.

От Мисра до Каира — меньше мили. Миср лежит к югу, а Каир — к северу. Нил идет из Мисра и приходит к Каиру. Между двумя этими городами сплошь лежат здания и сады, которые между собой соприкасаются. Летом вся равнина и пустыня представляют собой море. Кроме султанского сада, который лежит на возвышении и под водой не скрывается, все остальные сады исчезают под водой. [112]

ПРАЗДНЕСТВО ОТКРЫТИЯ НИЛЬСКОГО КАНАЛА. МИСР. БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЕГИПТА. СУЛТАНСКИЕ ПИРЫ. ОПИСАНИЕ ОТКРЫТИЯ КАНАЛА

Когда вода в Ниле достигает предельной высоты, то есть с десятого Шахривера по двадцатое Абана старого календаря, и доходит до уровня на восемнадцать гезов более высокого, чем в зимнее время, тогда плотины на всех ручьях и реках по всему протяжению страны еще закрыты. Тогда султан садится на коня и едет смотреть на открытие плотины канала Халидж, начало которого около Мисра и который доходит до Каира. Канал этот — личная собственность султана.

В то же время по всей стране открывают и остальные плотины на каналах, реках и ручьях. Эти дни считаются величайшими праздниками и называют их “Выездом на открытие Халиджа”.

Когда приближается это время, около канала раскидывают для султана огромную прекрасную палатку из румийского шелка, шитого золотом [113] и украшенного драгоценными камнями, снабженную всеми необходимыми принадлежностями. Она столь велика, что в тени ее могут стоять сто всадников. Перед ней устраивается Загородка из бу-каламуна и другая большая палатка.

За три дня до выезда в султанских конюшнях начинают бить в барабаны и тарелки и играть на трубах, чтобы лошади привыкли к этим звукам.

Когда султан садится на коня, его сопровождает десять тысяч коней с золотыми цепями и луками у седел, изукрашенными драгоценными камнями. Все подседельники — из румийского шелка и бу-каламуна, который выткан специально для этой цели и потому не резан и не шит. По краям подседельников вышито имя египетского султана.

На каждой лошади надета кольчуга или панцирь. На луке седла укреплен шлем и много другого оружия.

Ведут также много верблюдов с украшенными паланкинами и мулов с красивыми носилками, покрытыми золотыми дощечками и драгоценными камнями; все ткани расшиты жемчугом. Вообще, если бы описать всю ту роскошь, которую можно видеть в дни открытия канала, мой рассказ слишком удлинился бы.

В этот день все войско султана выстраивается по отрядам и полкам. Каждый отряд носит особое имя и прозвище.

Одних называют Кетамийцами. Они пришли на службу к ал-Муыззу ли-Дин-Алла из Кайрувана; говорят, что их — двадцать тысяч всадников. [114] Другой полк называется Батыли; это — магрибинцы, которые пришли в Египет еще до

прибытия султана. Их, как говорят, пятнадцать тысяч всадников. Третий — Масмуди, негры из страны Масмуди, их — тоже двадцать тысяч человек. Четвертый — Машарикэ, ¹⁷⁵ Это турки или персы, которых называют так, потому что они по происхождению не арабы; и, хотя большинство из них родилось там же в Египте, все же прозвание их произвели от страны их происхождения. Утверждают, что их — десять тысяч, вид они имеют очень внушительный. Другой отряд называют Абид-аш-Шера, это — рабы, купленные за деньги; их, как говорят, тридцать тысяч человек. Еще один отряд называют бедуинами, их — пятьдесят тысяч всадников. Другой отряд называют Устадами, это — рабы, белые и черные, купленные для разного рода услуг, их — тридцать тысяч всадников.

Еще один отряд называется Серайи; ¹⁷⁶ это пехотинцы, собранные из разных стран. У них есть особый военачальник, который и заботится о них. Каждая народность, из составляющих этот отряд, сражается присущим ей оружием; их — десять тысяч человек. Другой полк называется Зиндж, ¹⁷⁷ сражается исключительно мечами; их, как утверждали, тридцать тысяч человек.

Все эти воины состоят на жаловании у султана и каждый из них получает по чину порцион и месячное вознаграждение. Казна никогда не выписывает требований для солдат, хотя бы **[115]** даже на один динар, ни на чиновников, ни на подданных; все доходы с областей наместники из года в год передают в казну, а из казны в установленное время выплачивают содержание этим воинам, так что ни чиновникам, ни подданным не приходится страдать от требований солдат.

Кроме того, был еще отряд, состоявший из царских сыновей и сыновей пашей различных стран, собравшихся в Египте; их не считают принадлежащими к составу войск. Там были князья из Магриба, Йемена, Рума, Славянских земель, Нубии, Абиссинии, сыновья Хосрова Дехлевийского, прибывшие туда вместе с матерью, сыновья грузинских царей, дейлемские царицы и сыновья Туркестанского хакана.

Было там еще и много людей других профессий, как например: ораторы, литераторы, поэты, правоведы, и все они состояли на жаловании у султана.

При этом никто из вельмож не получал меньше пятисот динаров жалованья, а были и такие, которые получали две тысячи магрибинских динаров. Дела у них не было никакого, только, когда везир открывал собрание, они должны были пойти поклониться ему, а затем снова могли идти по домам.

Теперь перейдем снова к рассказу об открытии канала.

Рано утром в тот день, когда султан намеревается выехать на открытие канала, нанимают десять тысяч человек вести тех лошадей, о которых мы упоминали раньше. Они ведут их по сотням, впереди музыканты играют на трубах, **[116]** бьют в барабаны и литавры, сзади идет полк солдат.

Так идут от дверей султанского гарема до самой плотины на канале и так же возвращаются назад. Каждому наемному человеку, ведущему лошадь, дают по три дирхема. За лошадьми ведут верблюдов с люльками и паланкинами, за ними — мулов с носилками.

В это время поодаль от всего войска и лошадей выехал сам султан. Это был молодой человек, стройный и красивый. ¹⁷⁸ Он принадлежит к числу потомков повелителя правоверных Хусейна ибн-Али ибн-Абу-Талиба, да помилует господь их обоих! Волосы на голове у него были обриты. Он сидел на муле, седло и удила которого были без всяких украшений, без золота и серебра. На нем была белая рубашка, а сверху длинный и широкий плащ, какие обыкновенно носят в арабских странах. Такие плащи в Персии называют “дураа”, а рубашку, как мне сообщали, называют “дибаки”. На голове у него был тюрбан того же цвета, ¹⁷⁹ в руках — ценная плеть.

Перед ним шло шестьсот человек пеших Дейлемитов, в румийских одеждах, тканых золотом; они были подпоясаны, а рукава у них, по египетскому обычаю, были широкие. Все они несли дротики и топоры и были обуты в ременные сандалии. [117]

Носитель зонтика едет вместе с султаном. Он сидит на коне, на голове у него парчевый, разукрашенный драгоценными камнями, тюрбан, на нем одет кафтан, который стоит десять тысяч магрибинских динаров. В руках у него зонтик, необычайно роскошной работы, расшитый драгоценными камнями и жемчугом. Других всадников рядом с султаном не было, и перед ними шли Дейлемиты, о которых я уже упоминал.

По правую и по левую руку от него шло несколько евнухов с курильницами и жгло амбру и алоэ. По обычаю народ, если султан приближался к нему, тотчас же падал на колени и молился за него. Сзади него шел везир, старший кадий и многочисленная толпа ученых и вельмож.

Таким образом султан ехал до того места, где для него была устроена палатка, до самой плотины на канале, то есть до устья его. Не слезая с коня, он останавливался там. Через час султану вручали кирку для того, чтобы он бросил ею в плотину. Народ тотчас же устремлялся к ней, кирками, заступами и лопатами разрывал плотину. Тогда вздувшаяся вода своей собственной силой прорывает плотину и устремляется в канал.

В этот день все жители Мисра и Каира идут смотреть на открытие канала и предаются самым удивительным забавам и развлечениям. Первое судно, которое входит в канал, наполнено глухонемыми, по-персидски называемыми “гунг у лал”, — это считают за доброе предзнаменование и в этот день султан раздает им милостыню. [118]

У султана было двадцать одно судно, для которых возле замка устроен водоем, площадью в два-три мейдана. ¹⁸⁰ Длина каждого из этих судов около пятидесяти гезов, ширина — двадцать гезов. Они чрезвычайно пышно разукрашены золотом, серебром, драгоценными камнями и шелками; если бы я захотел описать их, мне пришлось бы исписать много листов бумаги.

Большей частью эти суда стоят на привязи в этом водоеме, словно мулы на конюшне. В двух фарсах от города у султана был сад, называвшийся Айн-Эш-Шемс; ¹⁸¹ там имеется родник прекрасной воды. и по роднику сад и получил свое название. Говорят, что этот сад когда-то принадлежал фараону. Около этого сада я видел старинное сооружение: четыре огромных камня, стоявших как минареты, высотой в тридцать гезов; ¹⁸² из вершук их выступали капли воды и никто не знал, что это такое.

В саду этом было бальзамное дерево; говорят, что предки султана привезли семена его с Запада и посадили там. Ни в одной другой стране такого дерева нет, да и на Западе его уже более нет и следа. Семена его хотя и есть, но когда их посадят, дерево не вырастает, а если вырастет, не дает бальзама. Дерево это похоже на мирту; когда оно достигает должной величины, ветви его надрезают и под каждым надрезом привешивают склянку. Из надрезов выступает клейкое вещество, и когда оно выйдет все целиком, **[119]** дерево засыхает. Самый ствол садовники привозят в город и продают. У него толстая кора; если содрать ее и попробовать на вкус, она похожа на миндаль. Из корней этого дерева на следующий год снова вырастают ветви и с ними проделывают то же самое.

В городе Каире десять кварталов, которые там называют “харэ”. Вот их перечисление: харат Берджуван, харат Зувайле, харат-ал-Джу-дерийэ, харат-ал-Умара, харат-ад-Дайалимэ, харат-ар-Рум, харат-ал-Батылийэ, Каср-аш Шаук, Абид-аш-Шера, харат-ал-Месамидэ.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА МИСРА

Он расположен на возвышении, с восточной стороны его есть гора, но не высокая, это скорее скалы и скалистые холмы. На краю города на возвышенности стоит мечеть Тулуна. У нее две очень прочных стены; кроме стен Амида и Мейяфарикина, я нигде не видал стены лучше. Ее выстроил один Аббасидский эмир, правивший Египтом.

В дни правления Хакима би-амри-Лла, деда нынешнего султана, сыновья эмира Тулуна ¹⁸³ явились к султану и продали ему эту мечеть за тридцать тысяч магрибинских динаров, но через некоторое время начали срывать минарет при этой мечети, который не продали. Хаким послал сказать им: — Вы же продали ее мне, как вы смеете срывать ее? — Мы минарета не продавали,— ответили они. **[120]** Тогда он дал им еще пять тысяч динаров и купил минарет. В этой мечети султан совершал намаз в месяц Рамазан и по пятницам.

Город Миср из страха перед наводнениями выстроили на возвышенности. Раньше там были высокие скалы, но их все раскололи и сравняли, теперь эти места, где были скалы, называют Акабэ. [184](#)

Если поглядеть издали на город Миср, то кажется, что это — гора. Там есть дома в четырнадцать этажей друг над другом, есть здания и в семь этажей. Я слышал от верного человека, что кто-то из жителей устроил на крыше семиэтажного дома сад, доставил туда теленка и вскармливал его, пока он не вырос. Тогда он устроил там гидравлическое колесо, которое этот бык приводил в движение и таким образом поднимал воду. На этой крыше он посадил сладкие и кислые апельсины, бананы и другие деревья, которые все приносили плоды. Он посадил там также цветы и разные растения.

От одного почтенного купца я слышал, что в Мисре много домов, где есть наемные комнаты, то есть комнаты, отдающиеся в наем. Площадь таких домов — тридцать арашей в квадрате и в них помещается шестьсот пятьдесят человек.

Там есть базары и переулки, где постоянно горят светильники, потому что свет туда никогда не попадает: они служат только для прохода.

Помимо каирских мечетей, в Мисре семь мечетей, так что в обоих городах вместе пятнадцать [\[121\]](#) мечетей, где по пятницам читают хутбу и собираются на молитву.

Посреди базара есть мечеть, называемая Баб-аль-Джевами, ее построил Амр-ибн-Ас, в то время, когда он был посажен Муавией наместником Египта. В этой мечети четыреста мраморных колонн, а та стена, где находится михраб, целиком покрыта белыми мраморными плитами, на которых красивым почерком вырезан текст всего Корана. За оградой мечети — базары, и двери мечети выходят на них. В мечети постоянно сидят учителя и ученики, и она является местом собрания для этого большого города. Никогда не бывает, чтобы там находилось меньше пяти тысяч человек учащихся, приезжих, писцов, которые пишут свидетельства и договоры, и других людей.

Эту мечеть Хаким купил у сыновей Амра-ибн-Аса, которые пришли к нему и сказали: — Мы живем в нужде и нищете, а мечеть эту построил наш отец. Если султан даст дозволение, мы сроем ее и продадим кирпич и камни. — Тогда Хаким дал им сто тысяч динаров и купил у них эту мечеть, а все население Мисра заставил быть свидетелями этой сделки.

После этого он велел сделать в этой мечети много удивительных сооружений. Среди них есть, например, шестнадцатигранный серебряный под-свечник, каждая грань которого — полтора араша, так что вся окружность его — двадцать четыре араша. В святые ночи в нем зажигают более семисот свечей. Говорят, что вес его — двадцать пять кантаров серебра; каждый кантар равняется ста ратлям, а каждый ратль — ста сорока четырем [\[122\]](#) драхамм серебра. Говорят, что когда подсвечник

был готов, его не могли внести ни в одну дверь мечети, так он был велик. Тогда разломали одну из дверей, внесли его и снова заделали дверь.

В этой мечети постоянно лежит десять красивых пестрых циновок, одна на другой. Каждую ночь там горит более ста лампад. В этой мечети разбирает судебные дела кадий кадиев.

С северной стороны мечети лежит базар, называемый Сук-ал-Канадиль. ¹⁸⁵ Подобных базаров нет ни в одной стране: там можно найти все диковины, какие только бывают в мире. Я видел там изделия из черепахи, как например: ларчики, гребенки, ручки для ножей и тому подобное, видел также чрезвычайно красивый хрусталь, который обрабатывают искусные мастера; его привозят из Магриба, но говорят, что поблизости, в море Кулзум, нашли хрусталь, лучше и прекраснее Магрибинского. Видел я также слоновую кость, привезенную с Занзибара; там было много кусков, весивших больше двухсот мен. Была там также бычья шкура, привезенная из Абиссинии, напоминавшая шкуру леопарда; из нее делают обувь. Из Абиссинии же была привезена домашняя птица, довольно большого роста, с белыми крапинками и хохолком на голове, как у павлина.

В Мисре производят много меда, а также и сахара.

Третьего числа месяца Дея старого календаря, четыреста шестнадцатого года ¹⁸⁶ по персидскому счислению, я в один и тот же день видел вместе [123] следующие плоды и растения: красные розы, неньюфары, нарциссы, сладкие и кислые апельсины, лимоны, яблоки, жасмин, дыню, айву, гранаты, груши, арбузы, дыни “дестенбуй” ¹⁸⁷ бананы, маслины, свежую мироболану, свежие финики, виноград, сахарный тростник, баклажаны, свежие тыквы, редьку, репу, свеклу, свежие бобы, огурцы, свежий лук, свежий гранат, морковь и каратель. Всякий, кто подумает, как можно собрать вместе эти плоды и овощи, из которых одни — осенние, другие — весенние, третьи — летние, четвертые — зимние, мне, вероятно, не поверят; однако я не имею никаких поводов обманывать и пишу только про то, что видел. Если же я пишу про что-нибудь, что я слышал, то за это я отвечать не могу, ибо Египет — страна очень обширная, климаты там самые разнообразные, и холодные и жаркие, а со всех концов страны товар везут в город и часть его продают на базарах.

В Мисре вырабатывают самые различные сорта фаянса, столь изящного и прочного, что когда снаружи к нему прикоснуться рукой, ее видно насквозь. Делают из него бокалы, чаши, блюда и тому подобные вещи; затем их раскрашивают цветами букаламауна, так что с какой стороны ни посмотреть, каждый раз цвет будет другой.

Там выделывают также стекло, чистое и ясное, похожее на хризолит; продают его на вес.

Я слышал от одного почтенного торговца галантереей, что за одну драхму веревки в Мисре [124] дают три магрибинских динара, что равняется трем с половиной

динарам нишапурским. Когда же я спросил в Нишапуре, сколько стоит самая лучшая веревка, мне сказали, что веревка, подобной которой не найти, продается по пять дирхемов за драхму веса.

Город Миср лежит вдоль берега Нила, и много павильонов и вышек поставлено так, что обитатели их, если захотят, могут поднимать к себе воду из Нила на веревке. Однако всю воду в город привозят из Нила водовозы, одни — на верблюдах, другие — на спине. Я видел кувшин из дамасской бронзы, вмещавший три мена воды; он так блестел, что его можно было принять за золотой.

Один человек мне рассказывал, что там есть женщина, у которой пять тысяч таких кувшинов. Она отдает их на прокат и за каждый кувшин берет дирхем в месяц; когда кувшин возвращают назад, нужно, чтобы он был в целости и сохранности.

Перед Мисром, посреди Нила, есть остров, где когда-то был выстроен город. Остров этот лежит к западу от Мисра. Там есть соборная мечеть и сады. Это — скала посреди Нила, а оба русла реки по бокам ее, по моему определению, такой же ширины, как Джейхун, только течет она очень вяло и медленно. От города на остров ведет мост, состоящий из тридцати шести судов.

Часть города лежит на другой стороне Нила и называют ее Джизэ. Там тоже есть мечеть, но моста туда нет, и переправляются на ладьях или на пароме. **[125]**

В Мисре столько лодок и судов, сколько не найдется в Багдаде и Басре, взятых вместе.

Торговцы на базарах в Мисре, когда продают что-нибудь, говорят правду, а если кто-нибудь солжет покупателю, его сажают на верблюда, дают ему в руку колокольчик и водят по городу, при этом он должен звонить в колокольчик и кричать: —Я сказал неправду и теперь несую наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!

На базаре в Мисре все бакалейщики, москательщики и торговцы мелким товаром, когда продают что-нибудь, сами дают упаковку, — стекло, или фаянсовый горшок, или бумагу, так что покупателю не нужно брать с собой ничего для упаковки.

Масло для горения там выжимают из семян репы и свеклы и называют его “зейт харр”. ¹⁸⁸ Сезама там мало и масло из него дорого, а оливковое масло дешево. Фисташки там дороже миндаля, а десять мен очищенного миндаля никогда не бывают дороже одного динара.

Базарные торговцы и лавочники садятся на оседланных ослов, когда едут на базар или возвращаются назад. На всех углах улиц держат много красиво оседланных ослов; если кто-нибудь желает, может сесть на них, плату за это берут совсем небольшую. Говорят, что там пятьдесят тысяч верховых животных, которых каждый день оседлывают и отдают в наем. На лошадях, кроме воинов и солдат,

никто не ездит, то есть не ездят базарные торговцы, крестьяне, [126] ремесленники и чиновники. Я видел много ослов пегих, как лошади, но только гораздо красивее. Население города было чрезвычайно богато в то время, когда я был там.

В четыреста тридцать девятом году ¹⁸⁹ у султана родился сын; султан приказал всему населению веселиться, и город и базары разукрасили так, что если б я описал все это, мне бы, вероятно, не поверили и не сочли бы возможным, что в галантерейных лавках, у менял и тому подобных торговцев все было так переполнено золотом, драгоценными камнями, деньгами, товарами, золототканной парчей и касабом, что негде было сесть.

Никто из них не опасается султана, не страшится шпионов и доносчиков и вполне уверен, что султан никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро.

У жителей я видел там такое богатство, что если я расскажу про это или попытаюсь описать, жители Персии мне не поверят. Богатства их я не мог ни сосчитать, ни исчислить, и такой спокойной жизни, как люди ведут там, нигде не видал.

Я видел там одного христианина, одного из самых богатых людей в Египте. Говорили, что количества его кораблей, его движимости и недвижимости невозможно сосчитать. Как-то раз вода в Ниле не поднялась до настоящего уровня, и зерно вздорожало. Тогда везир султана призвал этого христианина и сказал:— Нынче недобрый год, сердце султана гнетут заботы о народе. [127] Дай столько зерна, сколько можешь, хочешь за деньги, хочешь в долг. — По счастью султана и везира его, — ответил христианин: — у меня заготовлено столько зерна, что шесть лет я могу снабжать Миср хлебом. — А в это время в Мисре несомненно жителей было в пять раз больше, чем в Нишапуре. Тот, кто знаком с арифметикой, сможет вычислить, каковы должны быть богатства человека, обладающего таким количеством зерна. Какова же была безопасность населения и справедливость султана, если в его правление бывали такие случаи, создавались такие богатства и султан никого не притеснял и не обижал, а народ ничего не прятал и не скрывал.

Я видел там караван-сарай, называвшийся Дар-ал-Везир, где жили торговцы касабом, в нижнем этаже жили портные, а в верхнем — штопальщики. Я спросил заведующего, какой доход приносит этот караван-сарай. Он ответил: — Каждый год — двадцать тысяч магрибинских динаров; однако в данный момент один угол здания обрушился и его вновь отстраивают; тем не менее и сейчас мы имеем дохода тысячу динаров в месяц, то есть двенадцать тысяч в год. — Мне говорили, что в городе больше этого караван-сарая нет, но таких же ханов около двухсот.

ОПИСАНИЕ ПИРОВ СУЛТАНА

В Египте обычай, что султан два раза в году в дни двух праздников устраивает пиры и дает аудиенцию знати и простому люду. Знать пирует в его присутствии, простая люд — в других дворцах и местах. Я хотя и много слышал об этом, [128] но все же мне хотелось посмотреть на такой пир самому.

Поэтому я сказал одному из султанских секретарей, с которым мне случилось познакомиться и подружиться: — Я видел приемы таких царей и султанов Персии, как султан Махмуд Газне-вид ¹⁹⁰ и его сын Масуд: это были великие цари и у них было много богатств и роскоши. Теперь мне хотелось бы посмотреть и на пиршество повелителя правоверных... — Он сейчас же сказал это привратнику, которого там называют “сахиб-ас-ситр”.

В последний день месяца Рамазана четыреста сорокового года ¹⁹¹ приготовили залу, куда на другой день, в праздник, должен был прибыть султан после намаза и сесть за стол. Привратник свел меня туда. Когда я вошел в дверь дворца, я увидел здания, террасы и портики; если бы я захотел описать все это, рассказ мой чрезмерно удлинился бы.

Там было двенадцать четырехугольных замков, соединенных вместе; переходя из одного в другой, я каждый раз находил, что следующий еще красивее, чем предыдущий. Площадь каждого из них была сто арашей в квадрате, за исключением одного, шестидесяти арашей в квадрате. В нем стоял трон, занимавший всю ширину здания, [129] четырех гезов высоты. С трех сторон этот трон был сделан из золота и на нем была изображена охота, ристалище и разные другие вещи; на нем была надпись красивым почерком.

Ковры и обивка этой залы состояли из румийского шелка и бу-каламунa, вытканного по мерке для каждого места, где они находились. Трон окружала золотая решетка, описать которую невозможно. Позади трона у стены были устроены серебряные ступеньки. Сам же трон этот был так роскошен, что, если бы вся эта книга с начала и до конца была посвящена описанию его, все же нельзя было бы найти подходящих выражений. Говорят, что на тот день, когда султан дает пир, отпускается пятьдесят тысяч мен сахару для украшения столов. Я видел дерево, вроде апельсина, все ветви, листья и плоды которого были сделаны из сахара; на нем были сделаны тысячи фигурок и изображений из сахара.

Кухня султана лежит вне замка и там постоянно работает тысяча рабов. Из павильона в кухню ведет подземный ход. Там было заведено каждый день привозить на четырнадцати верблюдах снегу для султанских погребов. Оттуда и большая часть эмиров и сановников тоже получала свою часть, а если кто-нибудь из горожан просил об этом для больных, давали и им. Точно так же за всяким лекарством и микстурой, которая могла понадобиться горожанам, они обращались в гарем и получали ее оттуда. Точно так же дело обстояло и с мазями, например, с

бальзамом и тому подобным, если кто-нибудь просит о чем-нибудь из таких вещей, никогда нет ни отказов, ни отговорок. [130]

ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГИПЕТСКОГО СУЛТАНА

Безопасность и спокойствие жителей Египта доходят до того, что торговцы галантерейным товаром, менялы и ювелиры даже не закрывают дверей: они натягивают только перед ними сетку, и никто не решается украсть что-нибудь.

Был один ювелир, еврей, пользовавшийся доступом к султану, которому все доверяли при покупке драгоценных камней. Однажды солдаты набросились на него и убили его. Сделав такое дело, они устремились к султанской каре. Двадцать тысяч всадников сели на коней, выехали на площадь, а солдаты выступили в поле. Население города чрезвычайно испугалось этого; всадники же простояли на площади до полудня. Из дворца вышел евнух, стал у дверей и крикнул: — Султан повелевает, чтобы вы покорились ему, согласны? — Всадники в голос ответили: — Мы рабы его и покорны ему, но только мы совершили преступление. — Султан повелевает, чтобы вы возвратились назад, — сказал евнух, и все они сразу повернули назад. У убитого еврея был сын, по имени Абу Саид, и брат. Говорят, что богатствам его знает счет только один господь всевышний. Говорят, что на крыше дома у него стояло шестьсот серебряных ваз и в каждой из этих ваз было посажено по дереву, так что все это напоминало сад; все эти деревья приносили много плодов.

Брат еврея написал султану письмо, в котором писал, что готов немедленно передать в казну двести тысяч магрибинских динаров; это он сделал [131] из страха, но султан выслал это письмо в приемную залу, чтобы его разорвали на глазах у всех, и сказал: — Будьте покойны и ступайте домой; никто вам ничего не посмеет сделать, а я ни в чьих деньгах не нуждаюсь. — Так он завоевал себе их расположение.

От Сирий и до Кайрувана всюду, где я проезжал, во всех городах и поселениях поверенные султана оплачивают все расходы мечетей на лампадное масло, циновки, ковры, молитвенные коврики и жалованье и содержание настоятелей, фаррашей, муэдзинов и других церковнослужителей.

Как-то раз наместник Сирии написал: — Нынче масла мало, если последует приказ, мы выдадим мечетям “зейт харр” (так называют масло из семян репы и свеклы). — Тогда ему послали такой ответ: — Ты слуга, а не везир. Если что-нибудь нужно для дома божьего, то никакие перемены и изменения в этом недопустимы.

Какий кадиев получает две тысячи магрибинских динаров жалованья, и все прочие кадии соответственно своему посту, дабы никто не зарился на чужое добро и не причинял зла людям. Там был обычай пятнадцатого Раджаба ¹⁹² читать в мечетях послание султана такого содержания: “О правоверный люд, подходит время хаджа. Караван султана по обычаю будет снабжен солдатами, лошадьми, верблюдами и

припасами”. В Рамазане то же выкрикивают глашатаи, а с первого Зу-ль-Ка'дэ начинают выходить из города и [132] собираться в установленном месте. В середине месяца Зу-ль-Ка'дэ пускаются в путь. Расход на прокормление солдат этих составляет тысячу магрибинских динаров в месяц, помимо двадцати динаров жалованья, выплачиваемого каждому человеку. Двадцать пять дней идут до Мекки, десять дней остаются там и двадцать пять дней возвращаются назад. Таким образом в эти два месяца на прокормление их тратят шестьдесят тысяч магрибинских динаров, помимо других расходов, подарков, жалованья и павших по пути верблюдов.

В четыреста тридцать девятом году ¹⁹³ населению прочитали послание султана, где говорилось: “Повелитель правоверных говорит, что в этом году лучше не совершать хаджа, ибо нынче в Хиджазе недород и голод и там умирает много народу. Это я говорю из сострадания к правоверным”. Паломники отложили свое паломничество, а султан послал покров на Ка'бу, как это обычно делал два раза в год. На этот раз покров отправили через Кулзум и я пошел вместе с посланными. [133]

6

ПРИБЫТИЕ В МЕККУ. ВТОРОЙ ХАДЖ. ВВЕРХ ПО НИЛУ. ДЖУДДЭ

В начале месяца Зу-ль-Ка'дэ мы вышли из Мисра, восьмого числа ¹⁹⁴ прибыли в Кулзум, там сели на корабль и в пятнадцать дней доехали до города, называемого Джар. Это было двадцать второго числа. Оттуда мы в четыре дня добрались до Града пророка, ¹⁹⁵ да сохранил его господь и да помилует.

Град пророка, мир да будет с ним, это город, лежащий на краю пустыни; земля там влажная и покрыта солончаками. Проточная вода есть, но ее мало. Там есть плантации финиковых пальм. Кыбла от Медины лежит к югу.

Мечеть посланника божьего, да хранит его господь и да помилует, такой же величины, как Масджид-ал-Харам. ¹⁹⁶ Ограда с могилой пророка, мир да будет с ним, рядом с мимбаром ¹⁹⁷ мечети, если обратиться лицом к Кыбле, по [134] левую руку. Таким образом хатиб, ¹⁹⁸ когда он с мимбара говорит о пророке, мир да будет с ним, и молится за него, оборачивается вправо и указывает на гробницу пророка.

Здание имеет форму пятиугольника и стены его возведены между пятью пилястрами, на которых покоится крыша. В конце здания сделано нечто вроде ограды и окружено решеткой, чтобы туда никто не ходил; открытая часть этой ограды затянута сеткой, чтобы и птицы не залетали туда. Между гробницей и мимбаром есть тоже нечто вроде ограды, вымощенное мраморными плитами и лежащее ниже уровня мечети. Это место называют “раузэ” и говорят, что это один из райских садов, ибо посланник божий, мир да будет с ним, сказал: “Между могилой моей и мимбаром моим — один из райских садов”. ¹⁹⁹ Шииты утверждают,

что там погребена Фатымэ ²⁰⁰ пречистая, мир да будет с ней. У мечети только одна дверь.

За городом по направлению к югу тянется пустыня, там — кладбище, на котором находится могила повелителя правоверных Хамзы ибн-Абд-ал-Мутталиба, ²⁰¹ да помилует его господь. Место это называется Кубур-аш-Шухада. ²⁰²

Мы пробьли в Медине два дня, а затем снова пустились в путь, так как времени было мало. Дорога шла на восток и через две остановки от **[135]** Медины мы пришли к горным теснинам вроде ущелий, называемым Джухфэ. Это Микат для Магриба, Сирии и Египта; Микатом же называется то место, где паломники одевают ихрам. ²⁰³ Говорят, что один год там собралось очень много паломников, внезапно хлынул горный поток, и все они погибли. Поэтому это место и называется Джухфэ. ²⁰⁴

От Мекки до Медины сто фарсахов, но дорога каменистая, и мы шли восемь дней. В воскресенье шестого Зу-д-Хидджэ ²⁰⁵ мы вступили в Мекку и остановились около ворот Баб-ас-Сафа. В тот год в Мекке был недород, и четыре мена хлеба продавали за один нишапурский динар. Муджавиры покинули Мекку и ниоткуда не прибыло паломников. В среду мы с помощью господ великого и преславного сходили на гору Арафат и два дня провели в Мекке. Много людей от голода и нищеты покинуло Хиджаз и разбежалось во все стороны. На этот раз я не дам описания паломничества и самой Мекки, а отложу это до моего следующего посещения ее, когда я шесть месяцев был там муджавиром; я подробно расскажу обо всем, что я там видел тогда.

Я снова направился в Египет и через семь-десять пять дней прибыл в Миср. В этот год туда собралось из Хиджаза тридцать пять тысяч человек, и султан всех одел и приказал содержать в течение целого года, ибо все они были **[136]** голодными и нагими. Когда же в Хиджазе снова пошли дожди и продовольствие появилось в обилии, султан опять дал каждому из этих людей подобающую ему одежду, одарил их и отправил обратно в Хиджаз.

В месяце Раджабе четырехста сорокового года ²⁰⁶ другой раз прочитали народу султанский приказ такого содержания: “В Хиджазе недород, паломникам идти туда не годится. Пусть они уволят себя от этого и творят то, что повелел господь”.

В этот год паломничество опять не состоялось, но султан не счел возможным воздержаться от своего обычного ежегодного дара, покрова на Ка'бу и подарков служителям, хранителям и эмирам Мекки и Медины. Подарки эмиру и сановникам Мекки составляют три тысячи динаров в месяц, кроме лошадей и почетных халатов; посылаются они два раза в год. Этот год свезти их поручили некоему человеку по имени кадий Абд-Алла, который был раньше кадием в Сирии.

Я отправился вместе с ним через Кулзум, и на этот раз судно прибыло в Джар пятого Зу-ль-Ка'дэ.

Времени оставалось мало, ибо момент совершения паломничества был совсем близок. Верблюды отдавались в наем за пять динаров, я совершил переход с величайшей поспешностью, восьмого Зу-л-Хиджэ прибыл в Мекку и с помощью господина, великого и преславного, выполнил хадж.

[137] Этот год из Магриба прибыл огромный караван и, когда он возвращался обратно, бедуины у ворот благородного города Медины потребовали с паломников уплаты денег за право свободного проезда. Между ними началась схватка, было убито более двух тысяч магрибинцев и многие не возвратились назад в Магриб.

В тот же год направилось в хадж много жителей Хорасана через Сирию и Египет; в Медину они прибыли на кораблях шестого Зу-л-Хиджэ и до Арафата им осталось еще сто четыре фарсаха. Они заявили: — Тому, кто доставит нас в остающиеся три дня в Мекку, так чтобы мы успели совершить хадж, каждый из нас заплатит по сорок динаров. — Пришли бедуины и устроили так, что доставили их в два с половиной дня на Арафат; деньги с них они получили вперед. Они привязали всех их на быстроходных верблюдах, выехали с ними из Медины и ехали так до самого Арафата. Двое из привязанных к верблюдам по дороге умерло, а четверо, хотя и остались в живых, но были полумертвыми. Они прибыли туда во время третьей молитвы, когда мы как раз были там. Путешествие это довело их до того, что они не могли стоять на ногах и говорить тоже не могли. Потом они рассказывали: — По дороге мы много раз обращались к бедуинам с просьбой и говорили: — золото, которое мы дали вам, пусть остается у вас, только отпустите нас, потому что у нас более нет сил. — Они не слушали нас и продолжали гнать дальше. Все же в конце концов эти четыре человека совершили хадж и вернулись обратно через Сирию. **[138]**

Совершив хадж, я снова возвратился в Миср, потому что там были мои книги, а возвращаться еще раз в Мекку я не имел в виду.

В этот год прибыл в Миср эмир Медины, получавший от султана ежегодное жалованье в качестве потомка Хусейна ибн-Али, да помилует его господь. Я вместе с ним ехал на корабле до Кулзума и переход оттуда до Мисра тоже совершил с ним вместе.

В девятьсот сорок первом году, когда я был в Мисре, пришло известие, что царь Алеппо восстал против султана, он был вассалом султана и его отец тоже был царем в Алеппо. У султана был евнух по имени Умдет-ад-Доулэ; этот евнух был начальником над муталибами и обладал огромными богатствами.

А муталибами называют людей, которые в горах Египта ищут кладов и сокровищ. Из Магриба, со всех концов Египта и из Сирий собираются люди и каждый из них трудится в горах и скалистых местностях и тратит на это деньги. Было много людей, которым удалось найти клады и сокровища, но были и такие, которые растрачивали все свое имущество и ничего не находили. Говорят, что в этой

местности зарыты сокровища фараона. Если кто-нибудь там что-нибудь находит, пятую часть он должен отдать султану, остальное же может оставить себе.

Итак, султан этого евнуха послал в ту провинцию, сделал его высшим сановником и дал ему все то, что требуется для царей, как, например, палатки, загородки и тому подобное.

Прибыв в Алеппо, он начал вести военные действия и был убит там. Богатство его было [139] столь велико, что в течение двух месяцев его имущество постепенно переносили из его казны в султанскую казну. В числе прочего у него было триста рабынь, большей частью изумительной красоты; некоторые из них были его наложницами. Султан повелел отпустить их всех на свободу; тем, которые желали выйти замуж, он велел дать мужа, тем же, которые не желали этого, повелел без малейшей утайки выдать все их имущество и отпустить их по домам. Ни одной из них он не приказывал ни притеснять, ни обижать.

Когда же евнух был убит в Алеппо, царь устранился, как бы султан не послал на него войска. Он послал тогда его величеству султану своего семилетнего сына и жену со множествами даров и приношений и попросил извинения за все случившееся.

Когда они прибыли, их около двух месяцев держали за городом, не пускали вовнутрь и не принимали их даров. Тогда за них вступились имамы и кадии города, пошли во дворец султана и стали просить, чтобы их приняли. Их наконец приняли и с почетными дарами и одеждами отослали назад.

Замечательно в Мисре еще следующее: если кто-нибудь захочет насадить сад, он может сделать это в любое время года, ибо всякое дерево, какое бы он ни пожелал, можно всегда добыть и посадить, будь то плодовое или декоративное. Есть люди, которые торгуют этим и, что бы ты ни пожелал, достают в любое время. Они делают так: сажают в кадки деревья и ставят их на крышу дома, так что многие крыши начинают [140] походить на сады. Большей частью у них плодовые деревья: кислые и сладкие апельсины, гранаты, айва, но есть и розы, базилик и разные декоративные травы. Если кто-нибудь желает, приходят носильщики, привязывают эти кадки вместе с деревьями к палкам и несут куда им укажут. Если хочешь, они ставят эти кадки на землю, а если угодно, — удаляют кадку и сажают дерево, которое при этом даже не замечает ни малейшей перемены. Этого обычая я не видал ни в одной другой стране и даже не слышал о нем, и надо сознаться, что это прекрасный обычай.

ОПИСАНИЕ ОБРАТНОГО ПУТИ В ПЕРСИЮ ЧЕРЕЗ МЕККУ

Теперь я расскажу о своем возвращении из Мисра через Мекку, да сохранит ее господь всевышний от несчастий, домой. Я совершил в Каире праздничный намаз, во вторник четырнадцатого Зу-л-Хиджэ четырёхста сорок первого года ²⁰⁷ сел в Мисре на корабль и пустился в путь через Саид-ал-Ала.

Эта страна расположена к югу от Мисра, оттуда река Нил приходит в Миср. Своим богатством Миср обязан главным образом этой области. Там на обоих берегах Нила много городов и поселков, но если описать их все, это слишком удлинит рассказ.

Наконец мы прибыли в город, называемый Аспут. Из этого города ведет свое происхождение опиум. Его добывают из одного сорта мака [141] с черными семенами; когда растение достигнет надлежащей величины и начинает образовываться головка, его надламывают и из него выступает молочный сок. Сок этот собирают и сохраняют, и он-то и есть опиум. Семена этого вида мака очень мелки и похожи на тмин.

В Асиуте этом из овечьей шерсти прядут тюрбаны, подобных которым нет в целом мире. Вся тонкая шерсть, привозимая в Персию под названием “Египетской”, идет из Саид-ал-Ала, ибо в самом Египте шерсти не прядут. Я видел в этом Асиуте футэ [208](#) из овчины, какого не видал ни в Лахаворе, ни в Мультане; можно было бы предположить по внешнему виду, что это шелк.

Оттуда мы проехали в город, называемый Кус; там я видел огромные постройки, сложенные из камней; они столь велики, что всякий, кто их видит, поражается. В городе этом старый кремль и стены, сложенные из камней. Большая часть зданий там сложена из огромных камней, из которых каждый весит от двадцати до тридцати тысяч мен. Самое удивительное — это то, что на десять-пятнадцать фарсахов вокруг нет ни гор, ни скал, как же и откуда могли быть привезены эти камни?

Оттуда мы проехали в город, называемый Ахмим; это — заселенный и цветущий город, там много жителей и прочные укрепления. Много там пальмовых плантаций и садов. Там нам пришлось провести двадцать дней; перед нами было [142] два пути: один — по безводной пустыне, другой — по реке, и мы не могли решиться, каким путем отправиться. В конце концов мы поехали водой и прибыли в город, называемый Ассуан.

К югу от этого города была гора, из ущелий которой вытекает река Нил. Говорят, что выше этого города суда не поднимаются, потому что вода вырывается из теснин и падает с огромных скал. В четырех фарсахх пути от этого города лежит страна Нубия. Все жители ее — христиане, и постоянно от царя этой страны к египетскому султану идут подарки и между ними заключаются договоры и соглашения, чтобы солдаты не врывались туда и не производили там разрушений.

Город этот снабжен чрезвычайно сильными укреплениями; чтобы на него не могли напасть из Нубии, там постоянно стоит гарнизон для охраны города и всей области. Против города посреди реки лежит остров, похожий на сад, на нем много финиковых пальм, маслин и других деревьев, есть там также и пашни, которые поливаются при помощи гидравлических колес. Вообще на этом острове деревьев много. Мы пробыли там двадцать один день, ибо перед нами лежала огромная

пустыня и двести фарсахов отделяли нас от берега моря. Это было как раз время возвращения паломников, приезжавших туда на верблюдах, и мы дожидались этого, чтобы нанять верблюдов, когда они пойдут в обратный путь, и поехать таким образом.

Находясь в Ассуане, я познакомился с одним человеком, которого звали Абу-Абд-Аллах Мухаммед ибн-Филидж. Это был добродетельный и праведный человек, кое-что понимавший в логике. **[143]** Он помог мне нанять верблюдов, подыскать себе попутчиков и приготовить все нужное для пути. Я нанял верблюда за полтора динара и выехал из этого города пятого Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года. ²⁰⁹ Путь лежал к юго-востоку. Проехав восемь фарсахов, я добрался до стоянки, называемой Дейкэ. Это была лощина посреди пустыни, по обеим сторонам наподобие двух стен возвышались горы. Ширина этой лощины была около ста арашей. Посреди нее был вырыт колодец, который давал много воды, но только не хорошей. Когда покидают эту стоянку, приходится пять дней ехать по пустыне, где воды нет совершенно. Поэтому каждый из нас наполнил водою мех, и мы пустились в путь.

Затем мы приехали на стоянку, называемую Хауд. Это каменистая гора; в ней два отверстия, из которых вытекает вода и стекает в канаву. Вода эта сладкая, но для того, чтобы достать верблюдам воды, нужно войти в это отверстие. Наши верблюды уже семь дней не пили воды и не ели, потому что ничего нельзя было достать. Отдыхали они в сутки один раз: с того мгновения, когда солнце становилось чрезмерно жарким, до третьей молитвы. ²¹⁰

Стоянки все известны, потому что не всюду можно останавливаться: может случиться, что в ином месте нечем будет развести огонь, на этих же остановках находят верблюжий помет, разжигают его и варят себе что-нибудь. **[144]**

Можно было подумать, что верблюды знают, что при всяком замедлении хода погибнут от жажды; они шли так, что их не нужно было и подгонять, они сами находили нужное направление в этой пустыне и, хотя дороги не было ни следа, ни признака, все время направлялись к востоку. Иногда приходилось пройти пятнадцать фарсахов, чтобы найти воды, но в малом количестве и соленой, а иногда ее не было совершенно.

Двадцатого ²¹¹ Раби-ал-Авваль четыреста сорок второго года мы прибыли в город Айдаб. От Ассуана до Айдаба мы ехали пятнадцать дней, и расстояние это составляет приблизительно двести фарсахов.

Город Айдаб лежит на берегу моря; там есть мечеть, жителей там около пятисот человек. Он подчинен египетскому султану. Там находится таможня, так как туда прибывают суда из Абиссинии, Занзибара и Йемена, оттуда товары везут на верблюдах по той пустыне, по которой ехали мы, до Ассуана, а из Ассуана на судах по реке Нилу доставляют в Миср.

По правую руку от этого города, если обратиться в сторону Кыблы, есть гора, а за горой этой — огромная равнина с обильными пастбищами. Там живет большое племя, называемое Беджа; это — люди, у которых нет ни веры, ни религии; они не следуют никакому пророку или водителю, так как живут слишком далеко от заселенных [145] мест. Равнина их в длину больше тысячи фарсахов, а в ширину более трехсот и на всей этой равнине есть только два маленьких городка: один называется Бахр-ан-На'ам, ²¹² а другой Айдаб. Равнина эта тянется от Мисра до Абиссинии, то есть с севера на юг, а в ширину простирается от Нубии до моря Кулзум, с запада на восток. Беджа эти живут на той равнине; они не злые люди, не воруют и не совершают набегов и заняты только своим скотом. Мусульмане и другие люди крадут у них детей, возят в города Ислама и продают.

Море Кулзум ²¹³ — это канал, который отделяется от океана у области Адена и идет к северу до самого городка Кулзум. Где только на берегу этого моря есть город, там это море называют по имени того города, как, например, в одном месте называют по имени Кулзум, в другом — по Айдабу, в третьем — по Бахр-ан-На'ам. На этом море более трехсот островов. С островов приходят суда и привозят масло и кешк. ²¹⁴

Говорят, что там много коров и овец; жители островов, как слышно, мусульмане. Часть островов подчиняется Египту, а часть Йемену.

В городке Айдабе нет ни колодезной, ни ключевой воды; пользуются там только дождевой водою, а когда случается, что долгое время нет дождей, воду привозят Беджа и продают. За те три месяца, что мы там пробыли, мы платили за мех воды дирхем и даже два, а были мы там так долго, потому что корабль наш не мог [146] пуститься в плавание: все время был северный ветер, а нам был нужен ветер южный. Когда тамошние жители увидели меня, они предложили мне: — Выполняй у нас обязанности хатиба, — и я не отказал им в этом и все время был хатибом, пока не подошло подходящее время года и суда не пустились к северу. Оттуда мы направились в Джудду.

Мне говорили, что нигде нет породистых верблюдов лучше, чем на той равнине; их вывозят оттуда и в Египет и в Хиджаз.

В городе Айдабе один человек, словам которого я доверяю, рассказывал мне: — Как-то раз из этого города пошло судно в Хиджаз, которое везло верблюдов к эмиру Мекки. Я ехал на этом судне. Один из моих верблюдов издох, и его выбросили в море. Тотчас же его проглотила рыба, и только нога верблюда осталась торчать у нее из пасти. Тогда подошла другая рыба и проглотила рыбу, пожравшую верблюда, да так, что от нее не осталось и следа.

— Эту рыбу, — говорил он, — называют караш. ²¹⁵

В этом самом городе я видал рыбью кожу того сорта, который в Хорасане называют сагри. В Хорасане я думал, что эта кожа какого-то вида ящерицы, но тут

я убедился, что это действительно рыба, ибо на ней еще были плавники, какие могут быть только у рыб.

Когда я был в Ассуане, у меня там был друг, имя которого я уже упоминал ранее; его звали Абу-Абдаллах Мухаммед ибн-Филидж. Когда я ехал оттуда в Айдаб, он был столь любезен, что [147] написал письмо своему поверенному в городе Айдабе: — Дай Насиру все, что бы он ни пожелал, возьми с него расписку и присоедини к своей отчетности. — Когда я пробыл в Айдабе три месяца и израсходовал все, что у меня было с собой, мне поневоле пришлось дать это письмо тому человеку. Он оказался человеком благородным и воскликнул: — Клянусь богом! У меня много его товаров. Что прикажешь дать тебе? Бери, что хочешь и давай расписку.

Я изумился благородству Мухаммеда ибн-Филиджа, что он, безо всяких услуг с моей стороны, оказал мне такое внимание. Если б я был человеком бессовестным и счел бы это возможным, я мог бы получить от того человека благодаря письму много всяких товаров.

Однако я взял у того человека только сто мен муки, количество, которое стоит там довольно дорого. На это количество я дал ему расписку, а он расписку эту отослал в Ассуан. Еще до моего отъезда из Айдаба пришел ответ Мухаммеда ибн-Филиджа: — Какова бы ни была стоимость того, что он попросит, давай ему все, что у тебя есть из моего имущества. Если же тебе придется дать что-нибудь из своего собственного добра, я оплачу тебе все расходы. Повелитель правоверных Али ибн-Абу-Талиб, да помилует его господь, сказал: — Правоверный не должен быть ни заносчивым, ни жадным.

Рассказ этот я привел для того, чтобы читатели знали, что благородные люди доверяют людям благородным же, что щедрость бывает повсюду и что щедрые люди бывали раньше и будут и впредь. [148]

Джуддэ — большой город на берегу моря, окруженный крепкой стеной. Лежит он на северном берегу моря. Жителей там около пяти тысяч человек и есть красивые базары. Кыбла соборной мечети обращена к востоку. За городом зданий нет, кроме мечети, известной под названием мечети посланника божьего, да сохранит его господь и да помилует. В городе двое ворот; одни — с восточной стороны, в сторону Мекки, другие — на запад, к морю. Если от Джуддэ пойти к югу по берегу моря, придешь в Йемен, в город Саадэ, до которого пятьдесят фарсахов. Если же пойти к северу, придешь в город Джар в Хиджазе. В городе Джуддэ нет ни деревьев, ни пашен, все продовольствие привозят из деревень.

Оттуда до Мекки двенадцать фарсахов. Эмир Джуддэ подчинен эмиру Мекки; звали его Тадж-ал Маали ибн-Абу-л-Футух, он же был и эмиром Медины.

Я ходил к эмиру Джуддэ: он оказал мне почет и сложил с меня причитающуюся пошлину, так что я проехал, ничего не заплатив. Он даже написал про меня в Мекку: “Это человек ученый и с него брать ничего не следует”.

В пятницу во время третьей молитвы я выехал из Джуддэ, а в воскресенье, в последний день месяца Джумада-л-Ухра, ²¹⁶ прибыл к воротам Мекки. Из окрестностей Хиджаза и Йемена туда собралось много народу, чтобы совершить умрэ ²¹⁷ [149] первого числа Раджаба. Это праздник большой и они приезжают на него, так же как и на Рамазан, и во время хаджа. Так как путь для них близок и легкий, они приезжают три раза в году.

7

ОПИСАНИЕ МЕККИ. АРАВИЯ И ЙЕМЕН. КА'БА. ЗЕМЗЕМ.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА МЕККИ, ДА ПРОСЛАВИТ ЕЕ ГОСПОДЬ ВСЕВЫШНИЙ

Город Мекка лежит среди высоких гор, и с какой бы стороны ты ни подошел к городу, из-за гор самого города не видно. Самая высокая из гор около Мекки — гора Абу-Кубейс. Она круглая как купол, и если от подножия ее пустить стрелу, она достигла бы вершины горы. Она лежит к востоку от города, так что, когда люди смотрят на нее из Месджид-ал-Харам в месяце Дее ²¹⁸ солнце встает над этой горой.

На вершине ее есть башенка, построенная из камней, говорят, что построил ее Авраам, мир да будет с ним.

Город выстроен на ровном пространстве между гор и площадь его не больше двойного полета стрелы в квадрате.

Месджид-ал-Харам лежит посреди этой долины, а вокруг нее расположен город, переулки и базары. [151] Где в горах были расселины, их закрыли каменными стенами с воротами посередине.

В городе нет деревьев, только у врат Месджид-ал-Харам, с западной стороны, называемых Баб Ибрахим, около колодца есть несколько высоких раскидистых деревьев.

К востоку от Месджид-ал-Харам тянется большой базар с севера на юг, на краю этого базара с южной стороны — гора Абу-Кубейс. Подножие горы Абу-Кубейс и называется Сафа. Оно устроено так: подножие горы превратили в нечто вроде больших ступеней, сложенных из камней. По этим ступеням люди ходят, молятся и делают то, что называется бег между Сафа и Мервэ, то есть бегут от Сафа на северный конец базара, к горе Мервэ.

Она не особенно высока и на ней выстроено много домов; лежит она посреди города. Когда совершают бег, нужно пробежать по этому базару с одного конца до другого.

Если кто-нибудь желает выполнить умрэ и едет из далеких мест, то в полфарсах от Мекки на всех дорогах поставлены путевые знаки и выстроены мечети: там для совершения обряда он должен одеть ихрам. Облачаться в ихрам — значит снять с тела все шитые одежды, повязать бедра куском ткани, накинуть другой кусок ткани или повязку на плечи, громким голосом воскликнуть: “Лаббейка, Аллахумма, Лаббейка!” ²¹⁹ и идти к Мекке.

Если же кто-нибудь, находясь в Мекке, желает совершить умрэ, он идет до этих путевых знаков, [152] там одевает ихрам и, восклицая: “Лаббейка!” вступает в Мекку с целью совершения умрэ.

Войдя в город, он идет к Месджид-ал-Харам, подходит к дому Ка'бы и начинает обходить его вправо так, чтобы левый бок его все время был обращен к Ка'бе. Он подходит к той колонне, на которой лежит Черный Камень, целует его, идет дальше, таким же образом совершает еще раз обход, снова подходит к камню и опять целует его. Это называется одним Тавафом. Таким же образом совершает семь Тавафов, три раза бегом и четыре раза медленным шагом.

Когда Таваф закончен, идут к месту Авраама, ²²⁰ мир да будет с ним, которое напротив Ка'бы, и становятся позади него, так что место это оказывается между Ка'бой и совершающим обряд. Там творят два раката намаза, называемого “намазом Тавафа”.

Затем входят в павильон колодца Земзем, пьют из него воду или смачивают себе ею лицо и выходят из Месджид-ал-Харам в дверь, называемую Баб-ас-Сафа. Это одна из дверей ограды, и, выходя из нее, оказываются прямо против горы Сафа.

Затем поднимаются на склон горы Сафа, обращаются лицом к Ка'бе и читают молитву, слова которой известны. Прочитав молитву, спускаются и идут через базар к горе Мервэ, то есть идут с юга на север. Когда идут по базару, обращаются в сторону дверей Месджид-ал-Харам. По этому самому базару посланник, [153] да сохранит его господь и да помилует, бежал сам и повелел и другим бежать по нему.

Длина его около пятидесяти шагов и по обеим сторонам четыре минарета. Между двумя из них люди проходят, когда бегут от горы Сафа и устремляются к двум другим по ту сторону базара; достигнув их, идут медленно до самой горы Мервэ. Когда дойдут до ступеней, поднимаются на них и читают известную молитву. Затем снова возвращаются и опять бегут через тот же базар. Таким образом четыре раза бегут от Сафа к Мервэ и три раза от Мервэ до Сафа, а в общей сложности пробегают по базару семь раз.

У самого подножия Мервэ есть базар, где двадцать лавок друг против друга: все они заняты цирюльниками, которые бреют головы паломникам.

Когда умрэ закончено и выходят из Харамы, идут на большой базар, расположенный к востоку от Харамы и называемый Сук-ал-Аттарин. ²²¹ Это прекрасная постройка, и все торговцы там продают разные зелья.

В Мекке две бани, полы в них устланы зеленым камнем, обычно применяемым для точки ножей.

Я подсчитал, что в Мекке коренных жителей тысячи две, не больше. Все остальные, около пятисот человек — приезжие и муджавиры. В тот год там был недород, шестнадцать мен пшеницы стоили один магрибинский динар, и много народу покинуло город. **[154]** В Мекке были дома для жителей каждого города. Хорасана, Мавераннахра, Ирака и других областей, но большая часть их разрушилась и лежала в развалинах.

Багдадские халифы выстроили там много богоугодных заведений и красивых зданий, но в то время, когда я был там, часть их развалилась, а часть была обращена в частную собственность.

Вода в колодцах в Мекке соленая и горькая, так что пить ее невозможно, но там выстроено много больших водоемов и месани, каждый из которых обошелся около десяти тысяч динаров. В то время их наполняли дождевой водой, стекавшей по горным лощинам. Однако в то время, когда я там был, все они были пусты. Один из эмиров Адена, которого звали сыном Шад-Диля, провел в Мекку воду под землей и истратил на Это много денег. На Арафате этой водой поливали пашни и посевы. Ее там запрудили, устроили огороды, так что в Мекку попадало воды немного и до города не доходило. Там устроили водоем, в котором эта вода собиралась; водоносы брали ее оттуда, носили в город и продавали.

На дороге, на расстоянии полфарсаха есть колодец, называемый Бир-аз-Захид. ²²² Возле него — прекрасная мечеть. Вода в этом колодце сладкая, и водоносы и оттуда носят ее и продают в Мекке. Климат в Мекке чрезвычайно жаркий. В конце месяца Бахмана, ²²³ по старому календарю, я видел там свежие огурцы, бадренги и баклажаны. В этот четвертый раз, что мне случилось быть в **[155]** Мекке, я был там муджавиром с первого числа Раджаба четыреста сорок второго года ²²⁴ до двадцатого Зу-л-хиджэ. ²²⁵ Пятнадцатого Фарвардина ²²⁶ старого календаря поспел виноград, его начали привозить из деревень в город и продавать на базарах. Первого Ардибехишта ²²⁷ появились в обилии дыни, все плоды там есть даже и зимою и никогда не прекращаются.

ОПИСАНИЕ АРАВИИ И ЙЕМЕНА

Если из Мекки отправиться к югу, то через одну стоянку прибудешь в область Йемена, которая тянется до самого берега моря.

Области Йемена и Хиджаза соприкасаются, в обеих говорят по-арабски. В цветистой речи Йемен называют Химьяр, а Хиджаз — землей арабов.

С трех сторон эти две области окружает море и они таким образом представляют собой полуостров. С восточной стороны он омывается морем Басры, с западной — морем Кулзум, о котором я уже говорил ранее, что это канал, а с южной стороны — Океаном.

Длина этого полуострова, где находятся Йемен, от Куфы до Адена — около пятисот фарсахов с севера к югу; ширина от востока к западу, от Омана до Джара — около четырехсот фарсахов. Земля арабов тянется от Куфы до Мекки, земля химьяров — от Мекки до Адена.

Земля арабов мало обитаема, население ее живет по пустыням и долинам, обладает верблюдами [156] и другим скотом и обитает в палатках. Земля химьяров делится на три части: одна из них называется Тихамэ и лежит на западе по берегу моря Кулзум. Там много городов и обитаемых мест, как, например, Са'да, Зебид, Сан'а и другие города. Все эти города лежат в долинах; царь ее подчинен Абиссинии, он один из потомков Шад-Диля.

Другая часть Химьяра — горная область, называемая Недждом. Там много пустынных и холодных мест, ущелий и могучих замков.

Третья часть лежит с восточной стороны; там тоже много городов, как, например, Неджран, Ассар, Бише и другие. В этой части много областей и каждая область управляется своим королем и вождем. Одно общего султана и правителя там нет. Жители там не признают никакого начальства, — разбойники, убийцы и нечестивцы. Область эта занимает пространство в двести фарсахов на полтораста. Жителей там много и самого разного происхождения.

Замок Гумдан лежит в Йемене около города, называемого Сан'а. От этого замка там осталось сейчас нечто вроде холма посреди города. Там говорят, что владелец этого замка был царем над всем миром. Говорят, что в этом холме сокрыто много сокровищ и кладов, но никто не решается завладеть ими: ни султан, ни народ. В этом городе Сан'а изготовляют агат. Это — камень, добываемый из гор.

Его прокаливают, окружив песком, в огне, затем в песке же выставляют на солнце и обрабатывают на станке. Я видел в Мисре меч, привезенный султану из Йемена: и рукоятка и [157] ножны его были сделаны из одного куска красного агата, похожего на рубин.

ОПИСАНИЕ МЕСДЖИД-АЛ-ХАРАМ И ДОМА КА'БЫ

Я уже сказал, что дом Ка'бы лежит посреди Месджид-ал-Харам, а эта последняя — посреди города. Длина ее идет с востока на запад, а ширина — с севера на юг. Однако окружающая ее стена не прямоугольна, углы мало выдаются и образуют

закругленную линию, ибо, когда в мечети творят намаз, со всех сторон нужно обращать лицо к Ка'бе.

Самая длинная сторона ограды мечети — от ворот Авраама, мир да будет с ним, до ворот Бену Хашим, она составляет четыреста двадцать четыре араша. Ширина ее от Баб-ан-Надвэ, на севере, до Баб-ас-Сафа, на юге, — триста четыре араша. По причине закругленности ограды двор местами кажется уже, а местами шире.

Вокруг мечети возведены три крытые галереи с мраморными колоннами, середина постройки четырехугольная. Со стороны двора в длину крыша поддерживается сорока пятью арками, в ширину арок двадцать три. Всего мраморных колонн сто восемьдесят четыре, и говорят, что все эти колонны привезены морем из Сирии по приказу багдадских халифов. Говорят также, что, когда привезли их в Мекку, продали корабельные канаты и разорванные веревки, которыми были привязаны колонны; от продажи этой было выручено шестьдесят тысяч магрибинских динаров. Из этих колонн одна, возле Баб-ан-Надвэ, красного мрамора и про нее говорят, что она [158] была куплена на вес золота; весить одна такая колонна должна около трех тысяч мен.

У Месджид-ал-Харам восемнадцать входов, украшенных арками, опирающимися на мраморные колонны; дверей ни у одного входа нет и войти можно всегда.

С восточной стороны четыре двери: у северного угла — Баб-ан-Неби ²²⁸ с тремя арками; по той же стене у южного угла другой вход, тоже называемый Баб-ан-Неби. Расстояние между Этими двумя входами более ста арашей; второй вход покоится на двух арках. Выйдя из этих дверей, попадаешь на базар Москательщиков, где находился дом посланника, мир да будет с ним. Через этот вход он ходил в мечеть совершать намаз. Когда минуешь этот вход, дальше по той же восточной стене будут Ворота Алия, мир да будет с ним. Это — тот вход, через который повелитель правоверных Али, мир да будет с ним, ходил в мечеть совершать намаз; у этого входа три арки.

Далее около угла мечети другой минарет, возвышающийся над Са'й, не тот, который у ворот Бену Хашим, он указывает до каких пор надо бежать. О нем я уже упоминал, говоря о четырех минаретах на базаре.

На южной стене, по длине мечети семь входов: первый из них на полукруглом углу ограды и называется Баб-ад-Даккакин, ²²⁹ с двумя арками. Если пройдешь немного дальше к западу, будет другой вход, тоже с двумя арками, называемый Баб-эл-Фесанин. Немного далее Баб-ас-Сафа, с [159] пятью арками, средняя арка у этого входа больше всех боковых. По бокам у нее еще две маленькие арки. Через эти двери выходил посланник божий, мир да будет с ним, когда шел на гору Сафа молиться. Порогом средней арки служит большой белый камень. Раньше там был черный камень, на который ступал своими благодатными ногами посланник божий, мир да будет с ним. След его благословенной стопы, мир да будет с ним, остался на этом камне, его вырезали и вставили в белый камень так, что концы пальцев ноги

обращены в сторону мечети. Из паломников одни припадают к нему лицом, другие ставят на него ногу, чтобы удостоиться благодати. Я счел более уместным припасть к нему лицом.

Если пройти немного дальше к западу от Баб-ас-Сафа, будут другие ворота, с двумя арками, Баб-ас-Сатва, еще немного далее — Баб-ат-Таммарин, ²³⁰ тоже с двумя арками. За ними идет Баб-ал-Ме'амиль с двумя арками, против которой находится дом Абу-Джахля, ²³¹ ныне превращенный в отхожие места.

На западной стене, в ширину мечети, три входа: первый — на южном углу, называемый Баб-аль-Умра, **[160]** с двумя арками. Посреди этой же стены — другой вход, называемый Воротами Авраама, мир да будет с ним, о трех арках. ²³²

На северной стене, в длину мечети, четыре входа: на западном углу — Баб-ал-Васит ²³³ с одной аркой, далее по направлению к востоку — Баб-ал-Аджалэ с одной аркой, еще далее посреди северной стены — Баб-ан-Надвэ с двумя арками, еще далее — Баб-ал-Мушаварэ ²³⁴ с одной аркой и, наконец, на северо-восточном углу мечети — Баб-Бени Шейбэ.

Дом Ка'бы находится посредине ограды мечети: он представляет собой удлиненный прямоугольник, длина которого — от севера к югу, а ширина — от востока к западу. Длина его — тридцать арашей, ширина — шестнадцать. Дверь расположена на восточной стороне. Когда войдешь в него, по правую руку будет Рукн Ираки, ²³⁵ по левую — угол Черного Камня; юго-западный угол называют Рукн Иемени, ²³⁶ северо-западный — Рукн Шами. ²³⁷

Черный Камень вделан в большой камень и расположен на углу стены на такой высоте, что если рослый человек станет возле него, он придется прямо против его груди. Длина Черного Камня — одна ладонь и четыре пальца, ширина — восемь пальцев, Форму он имеет округлую. От Черного Камня до входа в дом, четыре араша и пространство между Черным Камнем и входом в дом называют Мултазам. Дверь Ка'бы **[161]** поднята от земли на четыре араша, так что рослый человек, стоя на земле, достигает ее порога. К ней ведет деревянная лестница, которую приставляют в случае необходимости, чтобы люди могли подняться по ней и войти в Ка'бу. Она столь широка, что десять человек могут рядом подниматься и спускаться по ней. Пол Ка'бы поднят на указанную мною высоту.

ОПИСАНИЕ ДВЕРИ КА'БЫ

Это — деревянная дверь из дерева садж, с двумя половинками. Высота двери — шесть с половиной арашей, ширина каждой половинки — один гез и три четверти, что на обе половинки составляет три геза с половиной. Самая дверь и плинтусы покрыты надписями, кругами и различными рисунками из серебра. Самые надписи сделаны из золота и черного серебра. На ней целиком написан следующий стих из Корана: “Первый храм, выстроенный среди людей, — это храм в Бекке”. ²³⁸

К двум половинкам двери приделаны два больших серебряных кольца, присланных из Газны. Они находятся на такой высоте, что достать до них рукой не может никто. Два других серебряных кольца, поменьше первых, тоже приделаны к двум половинкам, но уже так, что достать до них может всякий. На этих двух нижних кольцах висит большой серебряный замок, на который закрывают дверь. Пока замок не снят, двери открыть нельзя. [162]

ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННОСТИ КА'БЫ

Ширина стен Ка'бы, то есть толщина их — шесть ладоней. Пол сплошь покрыт белыми мраморными плитами. Внутри Ка'бы три маленьких отделения наподобие площадок, одно из них — против двери, а два других — с северной стороны. В Ка'бе имеются деревянные колонны, поддерживающие потолок; все они четырехугольной формы и выточены из дерева садж, только одна имеет круглую форму.

С северной стороны есть продолговатая плита красного мрамора, вделанная в пол; говорят, что там посланник, молитвы и мир да будут над ним, совершал намаз. Всякий, кому это известно, всегда старается тоже помолиться там.

Все стены облицованы разноцветным мрамором. На западной стене шесть серебряных михрабов, прикрепленных к стене гвоздями. Все они высотой в человеческий рост, сделаны чрезвычайно изящно и покрыты инкрустациями и чернью. Михрабы эти прикреплены к стене на некоторой высоте от пола.

Стены на высоте четырех арашей от пола ничем не украшены, а начиная оттуда и до самого потолка покрыты мраморными плитами с инкрустацией и позолоченными рисунками.

В углах трех отделений, из которых одно помещается в Рукн Ираки, другое — в Рукн Иемени, а третье — в Рукн Шами, к стене прибито серебряными гвоздями по две деревянных доски. Доски эти происходят от ковчега Ноя, мир да будет с ним. Длина каждой из них — пять гезов, ширина — один гез. В отделениях позади Черного Камня лежит кусок красного шелка. [163]

Когдаходишь в Ка'бу, по правую руку находится четырехугольное сооружение площадью три геза в квадрате, в нем устроены ступеньки, ведущие на крышу Ка'бы; наверху серебряная дверь с одной створкой, называемая Баб-ар-Рахмэ.²³⁹ К ней приделан серебряный замок. Когда поднимаешься на крышу, будет другая дверь, подъемная, какие обыкновенно делаются на крышах; обе стороны ее покрыты серебром.

Потолок Ка'бы деревянный, но весь закрыт шелком, так что дерева не видно совершенно. На фасаде под крышей видна золотая надпись: там написано имя египетского султана, вырвавшего Мекку из рук Аббасидских халифов. Это был ал-Азиз ли-Дин-Алла.²⁴⁰ Кроме того, там имеется еще четыре больших серебряных

доски, прикрепленных серебряными гвоздями к той же самой стене. На каждой из них написано имя одного из египетских султанов, каждый из них присылал такую доску во время своего правления.

Между колоннами подвешено четыре серебряных лампы. Крыша Ка'бы покрыта Йеменским мрамором, похожим на хрусталь.

В четырех углах Ка'бы четыре окна и в каждое из них вставлено стекло. При посредстве этих окон Ка'ба освещается, но дождь туда проникнуть не может. Сток для дождевой воды устроен посреди северной стены; длина его — три геза и он весь покрыт золотыми надписями. [164]

Покров, которым закрывалась Ка'ба, — белого цвета. По нему идут две полосы вышивки, каждая шириною в один гез; пространство между ними около десяти гезов, пространство над и под ними такой же ширины. Благодаря этим двум полосам высота дома была разделена на три равных части, каждая около десяти гезов. По четырем концам покрыва вытканы разноцветные михрабы, расшитые золотыми нитками. С каждой стороны три михраба: один, большой, — по середине и два, маленьких, — по обеим сторонам, так что всего на всех четырех стенах двенадцать михрабов.

С северной стороны снаружи Ка'бы выстроена стена высотой в полтора геза. Оба края ее примыкают к углам Ка'бы. Она имеет форму полукруга, середина которого удалена от стены Ка'бы на пятнадцать гезов. Стены и земля в этой ограде покрыты разноцветным мрамором. Называется эта ограда Хиджр. Вода по стоку с крыши Ка'бы вся стекает в Хиджр. Под стоком поставлен зеленый камень в форме михраба, на который и течет вся вода из стока. Камень этот такой величины, что человек свободно может совершить на нем намаз.

Место Авраама, ²⁴¹ мир да будет с ним, находится на восток от Ка'бы. Это—камень, на котором видны следы двух ног Авраама, мир да будет с ним. Он вделан в другой камень, покрытый четырехугольным деревянным чехлом, самой прекрасной работы. Он покрыт серебряными пластинами и с двух сторон прикреплен цепями [165] к большой скале. К цепям приделаны два замка, чтобы никто не мог прикоснуться к нему рукой. От этого места до Ка'бы — три араша.

КОЛОДЕЦ ЗЕМЗЕМ

Он тоже расположен к востоку от дома Ка'бы и находится на том же углу, где и Черный Камень. От колодца Земзем до Ка'бы сорок шесть арашей. Отверстие его — три геза с половиной в квадрате. Вода в нем солоновата, но пить ее все же можно.

Колодец окружен оградой из белого мрамора высотой в два араша. С четырех сторон ограды установлены водоемы, куда наливается вода, чтобы люди могли

совершать омовение. Пол в ограде Земзема покрыт деревянной решеткой, чтобы проливаемая вода могла стекать. Вход в него расположен с восточной стороны.

Против ограды Земзема, на восточной же стороне, находится другое четырехугольное здание, с куполом, называемое Сикайет-ал-Хадж. ²⁴² Там стоят кружки, из которых пьют паломники.

К востоку от этого Сикайет-ал-Хадж лежит другое продолговатое здание, с тремя куполами, называемое Хизанет-аз-Зейт. ²⁴³ Там хранят свечи, масло и лампы.

Вокруг Ка'бы повсюду стоят колонны, соединенные попарно перекладинами. Перекладки эти разукрашены инкрустациями и резьбой и к ним приделаны кольца и крючки, чтобы ночью туда [166] можно было вставлять свечи и вешать светильники. Их называют “меша'иль”. Расстояние от стены дома Ка'бы до этих самых меша'иль около полутора гезов. Это — то самое место, где совершается таваф. Таким образом в ограде Месджид-ал-Харам, помимо великой Ка'бы, да возвысит ее господь всевышний, три здания: одно — ограда Земзема, другое — Сикайет-ал-Хадж и третье — Хизанет-аз-Зейт.

Вокруг мечети идет крытая галерея, где возле стены стоят сундуки, принадлежащие различным городам Магриба, Египта, Сирии, Рума, обоих Ираков, Хорасана, Мавераннахра и других областей.

В четырех фарсах к северу от Мекки лежит местность Бурка. Там живет эмир Мекки со своим войском. Там есть проточная вода и деревья, и область эта в два фарсаха длиной и столько же шириной. В тот год я с первого Раджаба был в Мекке муджавиром. Существует там обычай в течение всего Раджаба каждый день на восходе солнца открывать дверь Ка'бы.

ОПИСАНИЕ ОТКРЫТИЯ ДВЕРИ КА'БЫ, ДА ВОЗВЫСИТ ЕЕ ГОСПОДЬ ВСЕВЫШНИЙ

Ключ от Ка'бы хранит одно арабское племя, называемое Бену Шейба; на нем же лежит и поддержание в ней порядка и чистоты. За это они получают от Египетского султана ежемесячное вознаграждение и почетные одежды. У них есть глава, который и хранит этот ключ.

Когда он направляется к Ка'бе, его сопровождают пять-шесть человек. Они подходят туда [167] и тогда человек десять паломников идут, берут описанную мною лестницу, приносят ее и ставят возле двери. Глава поднимается по ней и становится у порога, тогда туда же поднимаются два других человека и раскрывают покров желтого шелка. Один из этих двух людей берет за один край, второй за другой и закрывают им старца, словно завесой, на то время, пока он открывает дверь. Старец раскрывает замок и снимает его с колец.

В это время много паломников собирается возле дверей и, когда дверь раскрывается, они складывают руки и читают молитву. Все обитатели Мекки, когда слышат голоса паломников, знают, что в это время открывается дверь Харамы. Тогда весь народ сразу начинает читать громким голосом молитву, и вся Мекка наполняется гулом голосов.

Затем старец входит, его два спутника продолжают держать покров, а он совершает два раката намаза. Затем он снова выходит, раскрывает обе половинки двери, становится на пороге и начинает громким голосом читать хутбу и призывать благословения на посланника божьего, мир и благословение да будет с ним и с родом его. Затем старец и его спутники становятся по бокам двери; начинают подходить паломники и входить в дом. Каждый из них совершает два раката намаза и снова выходит. Так продолжается до полудня.

Когда совершают в Ка'бе намаз, обращаются лицом к двери, но можно также обращаться в любую другую сторону. Как-то раз, когда Ка'ба была битком набита людьми, так что больше [168] войти уже никто не мог, — я начал считать людей: там было семьсот двадцать человек.

Жители Йемена, когда совершают хадж, похожи на индусов: они опоясаны куском материи, волосы у них длинные, бороды заплетены. У каждого за поясом такой же кинжал, какой носят индусы. Говорят, что индусы ведут свое происхождение из Йемена. Слово “кеттарэ”, которым называют их кинжалы, было арабизовано в форме “катталэ”.

В течение Ша'бана, Рамазана и Шавваля двери Ка'бы открывают по понедельникам, четвергам и пятницам, но когда наступает месяц Зу-ль-Ка'дэ, ее уже перестают открывать.

УМРЭ, СОВЕРШАЕМОЕ В ДЖИ'РАНЭ

В четырех фарсах к северу от Мекки лежит местность, называемая Джи'ранэ. Там избранник, да помилует его господь и да сохранит, остановился со своим войском, а шестнадцатого Зу-ль-Ка'дэ, надев там ихрам, пошел к Мекке, чтобы совершить умрэ. ²⁴⁴ Там два колодца: один, называемый Бир-ар-Расуль, ²⁴⁵ другой — Бир Али ибн-Абу-Талиб, ²⁴⁶ да помилует господь их обоих. В обоих колодцах вода очень сладкая, расположены они на расстоянии десяти гезов друг от друга. Предание это свято чтут в той местности и в упомянутый день совершают умрэ. [169]

Неподалеку от этих колодцев есть скала с углублениями величиной в чашу. Говорят, что пророк, да сохранит его господь и да помилует, своей рукой замешивал в этих углублениях тесто. Люди, которые ходят на поклон в эти места, замешивают в этих углублениях тесто водою из тех колодцев. Так как там много деревьев, там же собирают хворост, пекут хлеб и с этой благодатью возвращаются домой.

Там есть еще другая высокая скала, с которой, по преданию, Билаль Абиссинец призывал к намазу. ²⁴⁷ Люди поднимаются на нее и поют призыв к намазу.

Когда я был там, там было необыкновенное скопление народа. Одних верблюдов с носилками было более тысячи, не говоря уже обо всем остальном.

Дорога, по которой я на этот раз приехал из Мисра в Мекку, составляет триста фарсахов. От Мекки до Йемена — двенадцать фарсахов. Долина Арафат окружена небольшими горами, похожими на холмы. Протяжение этой долины — около двух фарсахов в квадрате. Раньше там была мечеть, выстроенная Авраамом, мир да будет с ним, но теперь там остался только развалившийся мимбар из кирпича. Во время утренней молитвы на него поднимается хатиб и читает хутбу. Затем призывают к намазу, и все вместе совершают два rakata, как это делается в путешествии. Затем **[170]** читают икамет ²⁴⁸ и снова вся община совершает два rakata намаза. После этого хатиб садится на верблюда, и все едут на восток. На расстоянии одного фарсаха оттуда — небольшая скалистая гора; называемая Джебель-ар-Рахмэ. ²⁴⁹ Там останавливаются и молятся до захода солнца.

Сын Шад-Диля, эмир Адена, который издалека привел в Мекку воду и затратил на это много денег, вел воду от этой горы в долину Арафат. Там устроены водоемы, во время хаджа наполняемые водой для того, чтобы у паломников была вода. Тот же самый сын Шад-Диля построил на вершине Джебель-ар-Рахмэ большое сооружение с четырьмя арками, на куполе которого в день и ночь Арафата зажигают много светильников и свечей, так что их видно издалека. Говорят, что эмир Мекки взял с него тысячу динаров за разрешение выстроить это здание.

Девятого Зу-л-Хиджэ четыреста сорок второго года ²⁵⁰ я в четвертый раз, с помощью господ, преславного, всевышнего, сподобился совершить хадж. Когда солнце садится, хатиб и паломники покидают Арафат. Проехав один фарсах, они достигают Маш'ар-ал-Харам, называемый Муздалифэ. Там выстроено деревянное здание наподобие максурэ, где народ совершает намаз; там же запасаются камнями, которые надлежит бросать в Мина. По обычаю эту ночь, то есть ночь накануне праздника, проводят там, на заре **[171]** совершают намаз, а когда встает солнце, едут в Мина, где паломники приносят жертвы. ²⁵¹

Там имеется большая мечеть, называемая Хайф. Нет обычая читать в Мина хутбу или совершать там праздничный намаз, и избранник, да помилует его господь и да сохранит, не приказывал это делать.

В десятый день Зу-л-Хиджэ идут в Мина и бросают там камни — обряд, объяснение которого дается в изложении обрядностей хаджа. ²⁵²

Двенадцатого числа все, кто намерен пуститься в обратный путь, отъезжают оттуда, а кто желает остаться в Мекке, идет туда. **[172]**

ОТЪЕЗД ИЗ МЕККИ. ЙЕМЕН. ЛАХСА. БАСРА

После этого я нанял у одного бедуина верблюда до Лахсы, куда, как мне говорили, от Мекки едут тринадцать дней. Я попрощался с домом господ всевышнего в пятницу девятнадцатого Зу-л-Хиджэ четыреста сорок второго года, что соответствует первому Хурдада по старому календарю. ²⁵³ Проехав семь фарсахов от Мекки, я доехал до луга, за которым виднелась гора. Когда мы поехали по направлению к горе, нам попалась долина, где были деревни и колодец, называемый Бир-ал-Хусейн ибн-Селамэ. Воздух был прохладен, и мы шли по направлению к востоку.

В понедельник двадцать второго Зу-л-Хиджэ ²⁵⁴ мы прибыли в Таиф; от Мекки туда около двенадцати фарсахов. Таиф — местность, расположенная на вершинах гор. В Хурдаде месяце там было так холодно, что приходилось садиться на солнце, а в это же время в Мекке были в [173] изобилии дыни Город Таиф — городок с прочной крепостью, маленьким базаром и небольшой мечетью. Там есть проточная вода и много деревьев гранатовых и фиговых. Неподалеку от этого городка находится гробница Абд-Аллаха ибн-Аббаса, ²⁵⁵ да помилует его господь. Аббасидские халифы выстроили там огромную мечеть, в углу которой, по правую руку от мимбара и михраба, и находится могила. Народ выстроил возле этой мечети дома и поселился там.

Когда мы выехали из Таифа, нам пришлось ехать через горы и ущелья; повсюду были маленькие крепостцы и деревеньки. Посреди скал мне показали маленькую разрушенную крепостцу; бедуины говорили, что там жила Лейла. Рассказ о Лейле и Меджнуне ²⁵⁶ чрезвычайно удивителен.

Оттуда мы проехали к замку, называемому Мутар, от Таифа туда двенадцать фарсахов. Оттуда мы проехали в местность, называемую Сурейя; там было много плантаций финиковых пальм. Поля там орошают колодезной водой при помощи гидравлических колес. В этой местности, как утверждают, нет ни правителя, ни султана, повсюду живут независимые вожди и начальники. Жители занимаются грабежом и убийством и постоянно ведут междоусобные войны и распри. От Таифа туда считают двадцать пять фарсахов. Выехав оттуда, мы приехали к крепости, называемой Джаз; там, на протяжении полуфарсаха, [174] было четыре замка; мы остановились около самого большого из них, называемого Хисн Бени Нумейр. Там изредка попадались финиковые пальмы. В Джазе был дом того самого человека, у которого мы наняли верблюда. Мы провели там пятнадцать дней, потому что не было хафира, ²⁵⁷ который мог бы провести нас дальше.

У бедуинов в этой стране каждое племя имеет свою область, где пасутся его стада; чужой человек по этой области без хафира проходить не может, так как его сейчас же схватят и ограбят донага. Поэтому, если хочешь проехать по чьей-нибудь области, нужно взять хафира от ее населения. Хафир служит проводником; его называют также и калавуз.

Случайно вождь тех бедуинов, земли которых лежали на нашем пути и которых звали Бену Су'ад, прибыл в Джаз. Мы избрали его своим хафиром. Звали его Абу-Ганим Абс ибн-аль Ба'ир. Мы отправились с ним. Какое-то племя напало на нас, полагая, что нашло дичь; всякого чужестранца, которого видят, они называют дичью. Так как с нами был их вождь, они ничего не сказали, а если б не этот человек, нас бы наверно убили. В конце концов нам и там пришлось пробыть некоторое время, так как не было хафира, который мог бы повести нас дальше.

Оттуда мы наняли двух хафиров, каждого за десять динаров, чтобы они провели нас в область другого племени. Среди этого племени [175] семидесятилетние старики мне рассказывали, что во всю свою жизнь не ели ничего, кроме верблюжьего молока, так как в этой степи не растет ничего, кроме солоноватой травы, пригодной в пищу для верблюдов. Они даже полагали, что весь мир устроен так же. Так я переезжал от племени к племени, повсюду встречая опасности и угрозы. Однако господь благодатный, всевышний пожелал, чтобы я выбрался из всех этих опасностей целым и невредимым.

Оттуда мы приехали в местность, называемую Серба, где посреди расселин и скал были горы, круглые как купола. Я ни в одной стране не видал ничего подобного. Высота их была такова, что стрела до вершины не долетела бы. Они были тверды и гладки как яйцо, ни трещин, ни неровностей на них не замечалось. Нам пришлось проехать мимо них.

Когда мои спутники видели ящерицу, они убивали ее и ели и повсюду, где были бедуины, пили верблюжье молоко. Я не решался есть ящериц, пить верблюжье молоко тоже не мог; по дороге повсюду попадались деревья с плодами величиною в бобовину; я собрал немного этих плодов и довольствовался ими.

После бесконечных трудностей, насмотревшись на много разных вещей и претерпев много лишений, я двадцать третьего Сафара ²⁵⁸ прибыл в Фаладж. От Мекки туда сто восемьдесят фарсахов.

Фаладж этот лежит среди пустыни; это — обширная страна, совершенно разоренная вследствие [176] внутренних раздоров. Когда я посетил ее, обитаемо было пространство в полфарсаха длиной и мило шириной. На этой полосе было четырнадцать укреплений. Жители их—разбойники, развратники и безбожники. Четырнадцать замков этих принадлежат двум сторонам, которые постоянно воюют и враждуют друг с другом. Они утверждали, что происходят от Асхаб-эр-Рахим, о которых господь великий и преславный упоминает в Коране. ²⁵⁹ Там было четыре подземных канала, служивших для орошения пальмовых плантаций. Поля у них расположены выше и орошаются большей частью колодезной водой. На полях работают верблюды, а не быки, а быков я там не видел вовсе. Полей у них мало и каждый человек назначает себе в день десять сиров ²⁶⁰ зерна, из которых и печет себе хлеб.

От одной вечерней молитвы до другой они, словно в месяце Рамазане, едят мало, а днем питаются финиками. Я видел там прекраснейшие финики, лучше, чем в Басре или других городах. Люди эти чрезвычайно бедны и несчастны, но, несмотря на всю свою бедность, постоянно воюют и враждуют друг с другом и проливают кровь. Я видел там финики, называемые мейдун: каждый из них весит десять драхм, а косточка в середине весила не более полутора дангов. ²⁶¹ Мне говорили, что они не портятся даже, если [177] пролежат двадцать лет. Торговые сношения там ведутся на нишапурское золото.

В Фаладже я пробыл четыре месяца в положении, хуже которого трудно себе представить что-нибудь. Из мирских благ у меня были только две корзинки с книгами, а жители этой страны были люди голодные, нагие и невежественные: отправляясь на молитву, каждый обязательно брал с собой щит и меч, книг же они не покупали. Я жил в мечети, и так как у меня было немного киновари и синьки, я на стене этой мечети написал двустиишие, сверху нарисовал ветку и листком разделил оба полустишия. Они увидели это, чрезвычайно удивились, и население всех замков сбежалось смотреть на эту надпись. Они сказали мне: — Если ты распишешь нам михраб в мечети, мы дадим тебе сто мен фиников. — А сто мен фиников для них представляло большое богатство, ибо в то время, когда я был там, туда пришел отряд арабов и требовал с них пятьсот мен фиников. Они не согласились, началась война и из населения замков было убито десять человек. Неприятель срубил тысячу пальм, но они все же не согласились дать и десяти мен фиников. Они заключили со мной такое условие, и я расписал им михраб. Эти сто мен фиников явились для меня спасением: у меня не было пищи и я уже отчаялся в жизни и думал, что никогда больше не выберусь из этой пустыни, так как оттуда до населенных мест приходилось пройти, в какую бы сторону ни пойти, двести фарсахов страшной и губительной пустыни.

За эти четыре месяца я ни разу не видал пяти мен пшеницы в одном месте. Наконец пришел [178] караван из Лемамы, бравший кожу и отвозивший ее в Лахсу, ибо из Йемена привозят кожу в Фаладж и продают ее купцам.

Один араб предложил свезти меня в Басру, но мне нечем было заплатить за наем верблюда. Оттуда до Басры двести фарсахов и за наем верблюда платят один динар, ибо хороший верблюд продается за два-три динара. Но так как у меня наличных денег не было, приходилось ехать в долг, и араб сказал: — Мы свезем тебя, а в Басре ты заплатишь тридцать динаров. — Поневоле пришлось согласиться, хотя в Басре я не бывал никогда.

Араб погрузил мои книги на верблюда, туда же посадил и моего брата, а сам я пошел пешком. Мы шли по направлению к восходу Медведицы, и почва все время была очень ровная, без гор и холмов. Земля была очень влажной и повсюду стояла дождевая вода. Шли день и ночь, хотя дороги не было и следа, шли как бы чутьем, и самое удивительное то, что внезапно все же пришли к колодцу, где была вода.

Короче сказать в четверо суток дошли до Лемамы. В Лемаме был большой старый замок, за замком — город и базар, где находились самые различные ремесленники. Мечеть там очень красива. Эмирами там с давних времен были Алиды и никто не отнимал у них этой области, так как поблизости не было мощного султана или царя, а Алиды эти обладают известной силой и в случае надобности могут выставить триста-четыреста всадников. Они принадлежат к секте Зейдитов и во время икамэ произносят слова: — Мухаммед и Али лучшие из людей. — Спешите [179] к лучшему из дел. — Говорили, что население этого города подчиняется шерифам.

[262](#)

В этой области много проточной воды в подземных каналах и в обилии пальмовые плантации. Говорили, что в год, когда урожай на финики, тысяча мен их стоит один динар. От Лемады до Лахсы — сорок фарсахов; зимой туда ехать можно, ибо тогда местами бывает дождевая вода для питья, летом же это невозможно.

Лахса — город, расположенный в долине; с какой бы стороны ты ни пожелал проехать туда, всегда придется ехать через огромную пустыню. Из мусульманских городов, где есть султан, от Лахсы ближе всего Басра.

Оттуда до Басры сто пятьдесят фарсахов. В Басре никогда не бывало султана, который решился бы пойти походом на Лахсу.

ОПИСАНИЕ ЛАХСЫ

Название это обозначает одновременно и город, и область, и пригороды, и крепость. Вокруг города одна за другой возведены четыре крепких стены из прочной глины; расстояние между двумя стенами около фарсаха. В городе есть мощные источники, из которых каждый может привести в действие пять жерновов. Вся эта вода применяется в дело в самой же области и за стены не выходит. Посреди укреплений выстроен красивый город, обладающий всем тем, что требуется для [180] больших городов. В городе больше двадцати тысяч мужчин, способных носить оружие.

Говорят, что султаном там был некий шериф, отвращавший людей от мусульманства. Он говорил: — Я разрешаю вас от обязанности молитвы и поста, — и претендовал на то, что он сам — единственный заступник этих людей. Звали его Абу-Саид.

Если спросишь жителей этого города, какой они секты, они отвечают: — Мы Бу-Саидиты. — Они не совершают намаза, не постятся, не признают Мухаммеда избранника, да сохранит его господь и да помилует, и пророческий сан его. Абу-Саид сказал им, что снова возвратится к ним, то есть после смерти. Могила его — посреди города Лахсы и вокруг нее выстроен красивый мешхед. Он завещал своим сыновьям, чтобы шесть человек из его потомков постоянно правили этой областью, защищали бы город, были справедливы и милостивы и не враждовали бы друг с другом, пока он не вернется.

Теперь у них большой замок, который является их столицей. Там у них есть трон, где могут одновременно сидеть шесть царей. Приказания и распоряжения они дают лишь с общего согласия. Везирей у них тоже шесть. Эти шесть царей сидят на одном троне, а шесть везирей — на другом, и по поводу всякого дела они совещаются друг с другом.

В то время у них было тридцать купленных рабов, негров и абиссинцев. Они занимались полевыми работами и ухаживали за садами. Десятины они с подданных не взимают, а если кто-нибудь обнищает или задолжает, ему выдают [181] пособие, пока дела его не поправятся. Если кто-нибудь имеет получить с другого по долговому обязательству, он не может требовать от него ничего, кроме основного капитала. Если в этот город попадает иностранец, знающий какое-нибудь ремесло, которое может прокормить его, ему дают денег, чтобы он приобрел себе все необходимые для его ремесла инструменты и орудия. Полученные деньги, в том же размере в каком он получил их, он может возратить, когда ему заблагорассудится. Если у кого-нибудь из собственников недвижимости или мельниц пострадает его недвижимость, так что и обитать там уже будет невозможно, они посылают своих рабов, чтобы те пошли и вновь привели в порядок строения или мельницу. За это с собственника недвижимости не берут ничего. Есть в Лахсе мельницы, принадлежащие султану, там мелят для народа муку из зерна и ничего за это не берут. Мельница поддерживается в порядке, и мельники получают вознаграждение из денег султана. Султанов этих называют “садат”, ²⁶³ а везирей — “шаирэ”. ²⁶⁴ Соборной мечети в Лахсе нет, ни хутбы, ни намаза там не совершают. Есть только одна мечеть, выстроенная неким человеком по имени Али-ибн-Ахмед. Это был ревностный мусульманин, хаджи ²⁶⁵ и человек чрезвычайно богатый. Всякому паломнику, который приезжал в этот город, он давал пособие.

Вся торговля и все деловые сношения там ведутся на свинец; держат его в мешках, по [182] шесть тысяч драхм везут в каждом. Когда сделка заключена, отсчитывают мешки и берут сколько надо. Монету эту никто не имеет права вывозить оттуда. Там ткнут прекрасные фута и вывозят их в Басру и другие города.

Если кто-нибудь совершает намаз, его не удерживают, но сами все же намаза не совершают. Когда султан дает аудиенцию, всякий, кто говорит с ним, дает ответы вежливые и ведет себя скромно. Вина они не пьют никогда.

Около могилы Абу-Саида день и ночь посменно держат наготове стреноженных коней, украшенных цепями и кистями, чтобы Абу-Саид мог сесть на коня когда воскреснет.

Абу-Саид, как утверждают, сказал своим сыновьям:—Когда я воскресну, может случиться, что вы меня не узнаете. Вот же вам знак: ударьте меня по шее мечом. Если это я, то останусь жив. — Установил он это для того, чтобы никто не мог выдать себя за Абу-Саида.

Одни из этих султанов во времена Багдадских халифов пошел с войском на Мекку, взял этот город, убил паломников, совершавших таваф вокруг Ка'бы, а черный камень выломал из угла и отвез в Лахсу. Они говорили, что этот камень — магнит для людей и притягивает к себе людей со всех концов мира. Они не знали, что влечет их туда величие и совершенство пророка Мухаммеда, избранника, да сохранит его господь и да помилует, ибо черный камень много лет находился там и ранее и все же никто туда не ездил. В конце концов черный камень у них выкупили назад и отвезли его на прежнее место. [183]

В городе Лахсе продают мясо всех животных: кошек, ослов, коров, собак, овец и других. Когда продают какое-нибудь животное, около мяса кладут его голову и кожу, чтобы покупатель знал, что покупает. Собак там откармливают словно овец и они делаются столь жирными, что не могут ходить; тогда их режут и едят. В семи фарсах на восток от Лахсы лежит море. Если поехать по морю, приедешь в Бахрейн, остров в пятнадцать фарсахов длиною. Там есть большой город и много пальмовых плантаций.

В этом море добывают жемчуг, но из всего того, что добывают пловцы, половину надлежит отдавать султанам Лахсы. Если из Лахсы поедешь на юг, приедешь в Оман. Оман лежит на арабской земле, но с трех сторон его окружает пустыня, через которую никто не сможет проехать. Площадь Оманской области — семьдесят фарсахов в квадрате, климат там очень жаркий и там произрастает индийский орех, называемый наргиль.

Если от Омана поехать по морю прямо на восток, приедешь к берегам Мекана и Киша; если поедешь к югу, приедешь в Аден; если поедешь в противоположную сторону, попадешь в область Фар.

В Лахсе так много фиников, что ими там откармливают верблюдов. Бывает, что более тысячи мен отдают за один динар. Если поехать из Лахсы к северу, в семи фарсахх будет область, называемая Катиф, где тоже есть большой город и много пальмовых плантаций.

Один арабский эмир пошел на Лахсу, целый год осаждал ее, завладел одной из ее четырех [184] стен, много наградил, но ничего более не добился. Увидев меня, он спросил про положение звезда— Я желаю взять Лахсу, так как же? Смогу я это сделать или нет? Ведь у жителей ее нет никакой веры. — Я дал такой ответ, какой мне показался наиболее целесообразным.

Для меня что бедуины, что жители Лахсы— одинаково казались неверующими, ибо среди них есть люди, которые в течение целого года ни единого раза не польют воды на руки. Все это я утверждаю по личному опыту и совершенно не стремлюсь распространять ложные слухи, ибо я пробыл среди них девять месяцев подряд, не в разное время. Верблюжьего молока я не мог пить, но где бы я ни попросил напиться воды, мне всегда предлагали этого молока. Когда я не брал и просил воды, мне говорили: — Если ты увидишь у кого-нибудь воду, попроси, а только у кого

она есть? — Они во всю свою жизнь никогда не видали ни бани, ни проточной воды.

Однако теперь перейдем снова к самому рассказу. Когда мы выехали из Лемамы в сторону Басры, по дороге на иных стоянках была вода, на других ее не было.

Двадцатого Ша'бана четыреста сорок третьего года мы прибыли в город Басру. Город этот окружен со всех сторон высокой стеной, только со стороны, прилегающей к реке, стены не было. Река эта — Шатт-ал-Араб: Тигр и Евфрат сливаются вместе на границе области Басры и с того места, где к ним присоединяется канал Джуберэ, реку эту называют Шатт-ал-Араб. От Шатт-ал-Араб отведены два больших канала, между устьями которых расстояние около фарсаха. Оба они на **[185]** протяжении четырех фарсахов текут в сторону Кыблы, затем оба канала сливаются вместе и еще одни фарсах к югу текут в одном русле.

От этих рек отведено бесчисленное множество мелких каналов; они идут во все стороны, а на берегах их насажены пальмовые плантации и разведены сады. Из этих двух каналов верхний, северо-восточный, называется Нахр Ма'киль, нижний, юго-восточный, — Нахр Убуллэ. Эти два канала образуют большой остров, имеющий форму удлиненного прямоугольника, и Басра лежит на короткой стороне этого прямоугольника. К юго-западу от Басры — пустыня, где нет ни заселенных мест, ни воды, ни деревьев.

Когда я там был, большая часть города была в развалинах и обитаемые части были разбросаны очень далеко друг от друга, так что от квартала до квартала приходилось идти полфарсаха по развалинам. Однако ворота и стены еще были очень прочны, население многочисленно и султан получал хороший доход. Эмиром Басры был в то время ибн-Абу-Калинджар, Дейлемит, одновременно правивший Фарсом. ²⁶⁶ Везирем у него был перс по имени Абу-Мансур сын Шахмердана.

Каждый день в Басре устраивают базар в трех местах: поутру торгуют в месте, называемым Сук-ал-Хуза'а, ²⁶⁷ днем — на Сук Осман, под вечер — на Сук-ал-Каддахин. ²⁶⁸ Торгуют там следующим **[186]** образом: если у кого-нибудь есть что-нибудь, он сдает этот товар меняле и получает от него расписку. Затем он покупает все, что ему надо, а вместо уплаты дает чек на того же самого менялу. За все время, что купец находится в городе, он сплошь пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете.

Когда мы прибыли туда, мы были нагими и истощенными и походили на безумных. Волос мы не распускали в течение трех месяцев. Я хотел пойти в баню, чтобы согреться, там так было холодно, а одежды у меня не было. И у меня и у моего брата была только старая повязка на бедрах, да кусок рваного паласа на спине, чтобы защититься от холода. Я сказал: — Кто же нас теперь пустит в баню? — У меня был небольшой мешок, в котором я держал книги; я продал его, из вырученной за него суммы несколько медных дирхемов завернул в бумажку, чтобы

дать надзирателю в бане, с тем, что он, быть может, дозволит нам пробыть там несколько лишних мгновений и отмыть всю нашу грязь. Когда я положил перед ним эти монетки, он взглянул на нас и подумал, что мы сумасшедшие. — Ступайте, — крикнул он: — люди как раз сейчас будут выходить из бани; — и стал перед дверями, чтобы мы не могли войти. Мы ушли и поспешно пошли по улице. Около дверей бани играли дети, они подумали, что мы сумасшедшие, побежали за нами, начали бросать камнями и кричать. Мы завернули за угол и изумились прихотям судьбы.

Погонщик верблюдов требовал с нас тридцать магрибинских динаров и выхода у нас не было **[187]** никакого. В это время в Басру приехал везир правителя Ахваза Абу-л-Фатх Али ибн-Ахмед; Это человек ученый и благородный, отличавшийся познаниями в поэзии и литературе и большой щедростью. Он приехал туда с сыновьями и свитой и поселился там, однако делами не занимался. Мне случилось познакомиться с одним персом, тоже ученым человеком. Он водился с этим везиром и часто проводил с ним время. Однако этот перс был скуп и не имел средств помочь нам. Он рассказал о нашем положении везиру. Тот, как только услышал об этом, тотчас же прислал за мной человека с лошадью: садись, мол, в том, что на тебе есть, и приезжай ко мне. Я стыдился своей нищеты и наготы и не считал возможным поехать; поэтому я написал записочку, извинился и сказал, что приду поклониться ему потом. Для этого у меня было две причины: во-первых, моя нищета, и, во-вторых, такой расчет: я полагал, что он, прочитав мою записку, убедится, что я обладаю познаниями в науках и литературе. Тогда я мог без стыда предстать перед ним.

Он тотчас же прислал мне тридцать динаров, чтобы я купил себе на эти деньги платье. Я купил две прекрасные пары платья и на третий день пошел к везиру. Я увидел человека благородного, ученого, образованного, прекрасной наружности, скромного, религиозного и красноречивого. У него было четыре сына: старший был красноречивым, образованным и умным юношей, звали его реис Абу-Абдаллах Ахмед ибн-Али ибн-Ахмед. Он писал стихи, сочинял, был юношей разумным и воздержанным. Он поселил **[188]** нас у себя и мы пробыли у него с начала Ша'бана до середины Рамазана. ²⁶⁹ Везир приказал уплатить наш долг погонщику за наем верблюда и выручил нас из этой беды. Пусть господь, благословенный и всевышний, избавит всех рабов своих от огорчений, связанных с долгами!

Когда я собрался в путь, везир с подарками и почетом отправил нас водою, так что благодаря этому благородному человеку мы доехали до Фарса с почетом и удобством. Милостив да будет господь, велик и славен да будет он ко всем благородным людям.

В Басре тридцать мешхедов имени повелителя правоверных Али ибн-Абу-Талиба, да помилует его господь. Одни из них называется мешхед Бену Мазан. В Раби-ал-Авваль тридцать пятого года ²⁷⁰ от бегства пророка, да сохранит его господь и да помилует его, повелитель правоверных Али, да помилует его господь, прибыл в

Басру. В это время Аиша, ²⁷¹ да помилует ее господь, собиралась начать с ним войну. Он женился на дочери Мас'уда Нехшели, Лейле, которая жила в этом самом мешхеде. Повелитель правоверных, мир да будет с ним, прожил в этом самом доме семьдесят два дня, а затем поехал обратно, направляясь в Куфу. Другой мешхед находится рядом с соборной мечетью и называется Баб-ат-Тыб. ²⁷² В мечети в Басре я видел бревно длиною в тридцать арашей и толщиной в пять ладоней и четыре пальца, один конец был толще. Это было какое-то дерево из индийских пород, [189] и говорили, что его привез из Индии повелитель правоверных Али, мир да будет с ним. Остальные одиннадцать мешхедов все находятся в различных местах и я посетил их все.

После того как наше мирское положение улучшилось, мы оба оделись в хорошие одежды и однажды направились к той самой бане, куда нас не пустили. Когда мы вошли туда, надсмотрщик и все, кто там был, все встали и стояли все время, пока мы были там. Пришел банщик со своим помощником и начали услуживать нам. Когда мы вышли, все кто был в раздевальной, тоже встали и не сели, пока мы не оделись и не вышли. В это время один из банщиков сказал своему товарищу: — Это те самые молодые люди, которых мы в такой-то день не пустили в баню. — Они полагали, что мы не понимаем их языка. Тогда я обратился к нему по-арабски: — Ты говоришь правду. Мы — те самые люди, у которых на спине были куски рваного паласа. — Человек этот устыдился и начал извиняться перед нами. Эти два случая произошли в течение двадцати дней, а сообщил я об этом, дабы люди знали, что не следует стенать, если судьба принесет бедствие, и не следует терять надежду на щедрость и милость творца, да будет прославлено величие его и да распространятся на всех щедроты его, ибо он, всевышний, всемилостив.

ОПИСАНИЕ ПРИЛИВА И ОТЛИВА В БАСРЕ И ЕЕ КАНАЛАХ

Оманское море обыкновенно два раза в сутки поднимается, достигает десяти гезов высоты и, [190] достигнув полной высоты, снова падает и убывает на десять-двенадцать гезов. Это упомянутое мною повышение на десять гезов заметно только по поставленной у воды колонне или стене, если же берег низкий и возвышенностей нет, вода заходит очень далеко.

Тигр и Евфрат текут очень медленно, так что в некоторых местах даже трудно понять, в какую сторону они текут. Когда начинается прилив, он отгоняет их воду назад фарсахов на сорок и начинает казаться, что течение в реках повернуло в обратную сторону и они текут вверх. В других местах, не на берегу моря, высота прилива зависит от степени возвышенности почвы: в низких местах вода поднимается сильно, в высоких — менее заметно.

Это явление называется приливом и отливом и находится в связи с положением луны, ибо, когда луна поднимается в зенит и орбиту Сатурна, в десятой и четвертой фазе, прилив бывает чрезвычайно силен, когда же луна стоит на одном из двух горизонтов, то есть на востоке или западе, бывает сильный отлив. Кроме того, когда луна находится в соединении или в положении противостояния солнцу,

вода поднимается, то есть прилив в это время бывает сильнее, а когда луна удалена от солнца на три фазы, вода убывает, то есть прилив не бывает особенно силен и не достигает такой высоты, как во время соединения и противостояния ее; в это же время и отлив бывает более сильным. Поэтому и говорят, что прилив и отлив находятся в связи с положением луны, истину же знает лишь господь всевышний.

[191]

Город Убуллэ лежит на берегу канала и канал назван по его имени. Мне он показался городом цветущим: там есть и замки, и базары, и мечети, и рибаты, сосчитать и описать которые прямо-таки невозможно.

Самый город лежит на северном берегу, но на южном берегу тоже есть кварталы, мечети, рибаты и базары, здания там чрезвычайно велики и во всем мире не найти такого прекрасного места.

Эта часть города называется Шикк Осман. Большая, образующаяся от слияния Тигра и Евфрата река называется Шатт-эл-Араб и течет к востоку от Убуллэ. Город находится на юге. Канал Убуллэ и канал Ма'киль, как я уже говорил ранее, сливаются в Басре. К Басре принадлежит двадцать областей и в каждой из них много деревень и обработанной земли.

ОПИСАНИЕ ОБЛАСТЕЙ БАСРЫ

Хишшан, Шерребэ, Белас, Акар Мисан, ал-Мукин, Наср-ал-Харб, Шатт-ал-Араб, Са'д, Сам, Джа'фарийэ, ал-Мешан, ас-Сумд, ал-Джунэ, ал-Джезират-ал-Узма, Меррут, аш-Шерир, Джезирет-Эл-Урш, ла-Хумейда, Джуберэ, ал-МунФаридат.

Говорят, когда-то в устье канала Убуллэ суда не могли проходить, потому что там был большой водоворот. Тогда одна богатая женщина из жителей Басры приказала изготовить четыреста судов, наполнить их Финиковыми косточками, плотно закрыть сверху и потопить их в том месте, чтобы суда могли проходить там. **[192]**

В конце концов в середине Шавваля четыреста сорок третьего года ²⁷³ мы покинули Басру и сели на судно. Мы ехали четыре фарсаха от города Убуллэ и все время по берегам канала были сады, цветники, павильоны и беседки. Во все стороны шли каналы и по величине каждый из них напоминал реку. Приехав в Шикк Осман, мы сошли на берег против города Убуллэ и остановились там.

Семнадцатого числа мы сели на большое судно, называвшееся Буси. На берегах стояло много народа и, увидев это судно, все восклицали: — Да укажет тебе путь господь всевышний, о Буси!

Мы приехали в Аббадан и там многие сошли с корабля. Аббадан лежит на берегу моря и похож на остров, потому что Шатт в этом месте делится на два русла. Таким образом ни с какой стороны в Аббадан нельзя проехать иначе, как водой. К

югу от Аббадана находится океан; во время прилива вода подходит к стенам города и во время отлива отходит немного меньше, чем на два фарсаха.

Некоторые люди покупали в Аббадане циновки, другие запасались там провизией. На другой день поутру судно вывели в море, и мы отправились к северу. На протяжении десяти фарсахов все еще можно было пить из моря воду и она была сладкой, потому что это была вода Шатта, языком вдающегося в море.

Когда взошло солнце, посреди моря показалось что-то вроде воробья; чем ближе мы подъезжали, тем больше оно становилось, но когда мы поравнялись с этим предметом, так что он был на [193] расстоянии одного фарсаха по левую руку от нас, поднялся противный ветер. Бросили якорь и спустили паруса. Я спросил, что это такое и мне ответили, что это хашаб.

ОПИСАНИЕ ХАШАБА

Это четыре больших бревна дерева садж, соединенных наподобие стенобитной машины. Расположены они четырехугольником; основание у него широкое, а верх узкий. Высота его над водой — сорок гезов; сверху наложено черепицы и камней. Все это прикрыто досками наподобие крыши, а сверху поставлены четыре арки, где должен находиться сторож. Про этот хашаб одни рассказывали, что его построил богатый купец, другие говорили, что он выстроен по приказу какого-то царя. Служит он для двух целей: во-первых, в этом месте есть движущиеся пески и море там неглубоко, так что если туда зайдет большое судно, оно может сесть на мель. По ночам там зажигают светильник в стеклянном колпаке, чтобы ветер не мог задуть его, а люди видели издали свет и остерегались, ибо в таком месте никто не сможет спастись. Во-вторых, он служит для определения стран света, а также для того, чтобы предостерегать от пиратов, чтобы корабельщики, узнав о их близости, могли повернуть в сторону. Когда мы миновали этот хашаб и он скрылся из виду, показался другой, похожий на первый, но только без купола на крыше сторожки; его, вероятно, не смогли достроить.

Оттуда мы приехали в город Мехрубан. Это большой город на берегу моря с восточной стороны. [194] Там есть большой базар и красивая мечеть, но вода у них только дождевая, колодцев и каналов с пресной водой нет. У них устроены водоемы и бассейны и недостатка в воде не бывает никогда. Там выстроены три больших караван-сарая, каждый из них прочен и высок как крепость. В соборной крепости я увидел на мимбаре имя Якуба ибн-Лейса ²⁷⁴ и спросил кого-то о причине этой надписи. Тот ответил: — Якуб ибн-Лейс доходил и до этого города, но такой мощи не было ни у одного из остальных эмиров Хорасана. — В то время, когда я посетил этот город, он находился в руках сына того Абу-Калинджара, который был правителем Фарса.

Провизию, то есть съестные припасы, привозят в этот город из других городов и областей, так как там, кроме рыбы, ничего нет. В этом городе есть таможня и

гавань. Если от этого города поехать вдоль берегов к югу, приедешь в Тевиз и Казерун.

Мне пришлось пробить некоторое время в Мехрубане, потому что, по словам жителей, дороги были не безопасны, так как сыновья Абу-Калинджары вели друг с другом войну и враждовали. Каждый из них встал во главе своих приверженцев, и вся страна пришла в смятение. **[195]**

Мне сказали, что в Аргане был некий именитый и ученый человек, по имени шейх Садид Мухаммед ибн-Абд-ал-Мелик. Мне пребывание в этом городе чрезвычайно наскучило и, услышав об этом человеке, я написал ему письмо, рассказал о своем положении и попросил его доставить меня в более безопасное место. Я отослал письмо и на третий день ко мне явились тридцать вооруженных пехотинцев и сообщили мне: — Нас прислал за тобой шейх, чтобы мы доставили тебя в Арган. — Под их защитой я отправился в этот город.

Арган — большой город с двадцатью тысячами жителей. По восточной его окраине проходит река, вытекающая из гор и идущая к северу. От этой реки отвели четыре больших канала и провели их через город, что стоило больших денег. Каналы эти проходят и дальше за черту города и там, на берегах их, разведено много цветников и садов, насажено много пальм, кислых и сладких апельсинов и масличных деревьев. Город устроен так, что под каждым домом устроено соответствующей величины другое помещение под землей. По этим подвалам проходит вода и благодаря этому жители могут отдыхать в летнее время в подвалах.

Среди жителей города были люди, принадлежащие к самым различным сектам. У Мутазилитов там был имам, по имени Абу Саид-ал-Басри; это был красноречивый человек, притязавший на большие познания и геометрии и математике. Я вступил с ним в диспут: мы задавали друг другу вопросы и давали ответы по вопросам логики, математики и других наук. **[196]**

Первого Рамазана ²⁷⁵ мы выехали оттуда и направились через горы в Исфahan. По дороге мы приехали к горе, где был узкий проход, называемый Ам. Говорят, что эту гору рассек мечом Бехрам Гур ²⁷⁶ и называют ее поэтому “Шемширбурид”. ²⁷⁷ Там я видел большую реку, стремительно вырывающуюся из большой дыры по правую руку от нас и падающую вниз с большой высоты. Называли ее Авам. Эта река постоянно течет летом, а когда наступает зима, останавливается и замерзает.

Затем мы приехали в город Лурдеган, в сорока фарсах от Аргана. Лурдеган этот лежит на границе области Фарс.

Оттуда мы приехали в город Хан-Ленджан. На воротах его я увидел имя султана Тогрульбека. ²⁷⁸ Оттуда до Исфahани семь фарсах. Жители Хан-Ленджана живут чрезвычайно спокойной и мирной жизнью; каждый из них занят своим делом и своим домашним хозяйством. **[197]**

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. ИСФАХАН. ТАБАС И ТУН. СНОВА В БАЛХЕ

Мы покинули этот город и восьмого Сафара четыреста сорок четвертого года ²⁷⁹ приехали в Исфahan. От Басры до Исфahана — сто восемьдесят фарсахов. Этот город лежит в долине, воздух и вода там замечательно хороши. Стоит только вырыть колодец на десять гезов в глубину, и тотчас же там появится прекрасная холодная вода.

Город окружен высокой прочной стеной с воротами и бойницами. Наверху стена по всему протяжению снабжена зубцами. В городе есть ручьи проточной воды и красивые высокие здания. Посреди города стоит красивая большая соборная мечеть. Говорят, что длина стены — три с половиной фарсаха. Весь город находится в цветущем состоянии, развалин я там не видел нигде. Базаров там много: я видел базар мянел, где торгуют двести мянел. Каждый базар окружен стеной и воротами, точно так же окружены [198] стенами с крепкими воротами и кварталы, и улицы.

Там были прекрасные караван-сарайи и была улица, называемая Улицей Вышивальщиков, где было пятьдесят хороших караван-сараяев; в каждом из них жило много торговцев и жильцов.

Тот караван, с которым ехали мы, вез тысячу триста харваров ²⁸⁰ разного товара, но когда мы приехали в этот город, наше прибытие осталось совершенно незаметным, ибо тесноты там нет, всюду достаточно помещений и прокормления.

Когда султан Тогруль-бек Абу-Талиб Мухаммед ибн Микаил ибн Сельджук, да помилует его господь, занял этот город, туда был назначен правителем молодой человек, родом из Нишапура, хороший письмоводитель, обладавший красивым почерком, человек спокойный и красивый. Звали его ходжа Амид. Он умел ценить достоинства людей, был красноречив и щедр. Султан повелел, чтобы в течение трех лет с жителей города ничего не брали. Правитель следовал этому указанию, и все переселенцы снова вернулись на родину. Человек этот принадлежал к числу секретарей султанского совета.

Незадолго до нашего приезда там был страшный недород, но когда мы приехали туда, там как раз снимали с полей ячмень. Полтора мена пшеничного хлеба отдавали за один полновесный дирхем, три мена ячменного хлеба тоже стоили [199] один дирхем. Там утверждали, что у них никто не видывал восьми мен хлеба дороже дирхема.

Во всех странах, где говорят по-персидски, я не видал города красивее, более населенного и более цветущего, чем Исфahan. Говорят, что пшеница, ячмень и другое зерно там может лежать в течение двадцати лет, не портясь. Многие утверждали, что раньше, когда вокруг города еще не было стены, воздух был еще

лучше, чем теперь. Когда же выстроили стену, он стал хуже, так что многие вещи начали портиться. Однако в деревнях он остался таким же, каким и был. Так как караван медлил с отъездом, мы провели в Исфахане двадцать дней и выехали оттуда двадцать восьмого Сафара. [281](#)

Мы приехали в деревню, называемую Хейсем-абад, а оттуда через долину и гору Маскиан доехали до поселка Наин, в тридцати фарсах от Исфахана. Проехав сорок три фарсаха от Наина, мы прибыли в деревню Гермэ в округе Биабан, где около десяти или двенадцати деревень. Эта местность жаркая и там растут финиковые пальмы. В прежние времена эта область находилась во власти Куфджей, но когда мы приехали туда, эмир Килеки отнял ее у них и посадил своего наместника в деревне с небольшой крепостью, называемой Пиядэ. Он теперь владеет этой областью и следит за безопасностью на дорогах, и если Куфджи выезжают на разбой, эмир посылает против них своих военачальников. Те ловят Куфджей, отнимают у них все имущество [\[200\]](#) и убивают их. Благодаря охране этого великого человека теперь дорога совершенно безопасна и народ там живет покойно. Пусть господь благословенный, всевышний станет хранителем, защитником и помощником всех справедливых властителей и смилуется над душами тех из них, которые уже умерли.

По дороге через Биабан на расстоянии каждых двух фарсахов выстроены небольшие купола и водоемы, куда собирается дождевая вода. Устроены они в тех местах, где нет солончаков. Выстроены эти купола для того, чтобы люди не сбивались с пути и в жару и в холод могли отдохнуть там немного.

По дороге мы видели большое пространство, покрытое зыбучими песками; кто собьется с пути, тот не сможет выбраться из этих песков и погибнет там. Мы проехали дальше и попали в местность, покрытую солончаками, где почва местами вздувалась. Если бы кто-нибудь отошел в сторону от дороги, он несомненно провалился бы.

Оттуда мы приехали к рибату Зубейды, называемому также рибат Марами. Там пять колодцев с водой, и если бы не было этого рибата и этой воды, никто не смог бы проехать через эту пустыню. Оттуда мы проехали в область Табаса и остановились в деревне Рустабад. В Табас мы прибыли десятого Раби-ад-Авваль. [282](#) От Исфахана туда, как нам говорили, сто десять фарсахов.

Табас — многолюдный город, хотя он и похож на деревню. Воды там немного, полей обрабатывают [\[201\]](#) мало, но есть пальмовые плантации и сады. Если оттуда направиться к северу, в сорока фарсахов будет Нишапур; к югу, на расстоянии сорока фарсахов лежит Хабис, отделенный от Табаса пустыней. К востоку от города есть крутая гора.

В то время эмиром этого города был Килеки ибн-Мухаммед; он взял этот город мечом. Жизнь там была чрезвычайно спокойная и безопасная, жители даже на ночь не закрывали дверей в домах, а верблюдов пускали ходить по улицам, хотя город и

не окружен стеной. Ни одна женщина там не решается заговорить с чужим мужчиной, а если бы она решилась, их обоих убили бы. Точно так же, благодаря охране и правосудию эмира, нет там ни воров, ни убийц. Из всех арабских и персидских стран такое правосудие и такую безопасность я видал только в четырех местах: во-первых, в области Дешт, в дни правления Лешкер-Хана; во-вторых, в Дейлемистане, при эмире эмиров Джестане ибн-Ибрахим; в-третьих, в дни ал-Мустансыра-би-Лла, повелителя правоверных, ²⁸³ и, в-четвертых, в Табасе, в дни эмира Абу-л-Хасана Килеки ибн-Мухаммеда. Сколько я ни скитался, нигде я не видал места более безопасного, чем эти четыре, и не слыхал про такое.

Он продержал нас в Табасе семнадцать дней, заботился о нас, как о своих гостях, а в день нашего отъезда пожаловал нас подарком и извинился перед нами. Господь преславный, всевышний [202] да будет доволен им. Он дал нам в сопровождение своего стремянного, и тот ехал с нами до самого Зузана, то есть около семидесяти двух фарсахов.

Проехав двенадцать фарсахов от Табаса, мы прибыли в Раккэ, поселок, где есть проточная вода, поля, сады и деревья. Он окружен стеной и имеет соборную мечеть. Деревень и полей вокруг очень много.

Девятого Раби-ал Ахир ²⁸⁴ мы выехали из Раккэ, а двенадцатого числа того же месяца прибыли в город Тун, от которого до Раккэ двадцать фарсахов. Тун когда-то был большим городом, но в то время, когда я посетил его, большая часть его превратилась в развалины. Он лежит в долине и там есть проточная вода и подземные каналы. С восточной стороны города много садов. Есть там также и прочная крепость. Мне говорили, что там четыреста мастерских, где ткут ковры.

В городе во дворах домой много фисташковых деревьев, а жители Балха и Тохаристана полагают, что фисташки растут и встречаются только на горах. Когда мы выехали из города, этот стремянный эмира рассказал мне следующее: — Однажды мы выехали из Туна в Гунабад. Откуда-то появились разбойники и напали на нас. Несколько человек со страху бросилось тогда в колодец, соединенный с подземным каналом. У одного из этих людей был очень нежный отец. Он приехал и нанял какого-то человека, чтобы тот спустился в колодец и вытащил его сына. [203] Приготовили все веревки и канаты, какие только у них были, собралось много народа и веревку пришлось спустить на семьсот гезов, чтобы человек этот мог спуститься на дно. Он привязал веревку к телу юноши и его вытащили, но он был уже мертвым. Когда этот человек вышел оттуда, он сообщил, что по каналу протекает огромное количество воды. Канал этот длиною в четыре фарсаха и вырыт, как говорят, по повелению Кай-Хусрау. ²⁸⁵

Двадцать третьего Раби-ал-Ахир мы приехали в город Каин, от Туна туда считают восемнадцать фарсахов, но караван идет не меньше четырех дней, так как фарсахи очень тяжелые. Каин— большой укрепленный город, вокруг кремля его вырыт ров. Соборная мечеть находится посреди кремля, в ней, в том месте, где максурэ, есть

чрезвычайно большая арка, каких я не видывал в Хорасане, арка эта к самой мечети не подходит. Все здания в городе снабжены куполами.

Если от Каина направиться к северо-востоку, в восемнадцати фарсах будет Зузаи, к югу, в тридцати фарсах, — Герат. В Каине я видел одного человека по имени Абу-Мансур Мухаммед ибн-Дуст. Он, как говорили, обладал познаниями во всех науках — и в медицине, и в астрологии, и в логике. Он задал мне такой вопрос:— Что ты скажешь, есть какая-нибудь материя за пределами небесного свода п звезд? — Материей,— ответил я:—мы называем только то, что находится под этим небесным сводом, все остальное же нет...— А как ты скажешь, — спросил он: — **[204]** есть за пределами этих сводов что-нибудь нематериальное? — Неизбежно, — ответил я: — ибо мир ограничен, пределом его считают свод сводов. Пределом же называют то, что отделяет одно от другого. Если это установлено, приходится сделать вывод, что то, что находится за пределом небесного свода, не похоже на то, что в его пределах... — Так, — продолжал он: — если разум заставляет принять существование этого нематериального, то есть ли у него в свою очередь предел? Если есть, то до каких пор оно простирается? Если же нет, то каким образом безграничное может быть преходящим?

О таких вещах мы толковали некоторое время. — Все это чрезвычайно смущало меня, — молвил он. Я заметил: — Кого это не смущало?..

Короче сказать, по причине смуты, вызванной в Зузане Убейдом Нишапури, и восстания правителя Зузана мне пришлось пробыть в Каине целый месяц. Там я отпустил стремянного эмира Килеки. Из Каина я выехал, направляясь в Се-рахс и второго числа месяца Джумада-л-Ухра ²⁸⁶ я прибыл туда. От Басры до Серахса я насчитал триста девяносто фарсахов. Из Серахса я поехал через рибат Джа'фари, рибат Амрави и рибат Ни'мети... Все эти три рибата лежат на дороге неподалеку друг от друга. Двенадцатого Джумада-л-Ухра я прибыл в город Мерверруд, через два дня выехал оттуда и через Аб-и Герм девятнадцатого числа прибыл в Бариаб, что составляет тридцать шесть фарсахов. **[205]**

Эмиром Хорасана был Чагры-бек Абу-Сулейман Дауд-ибн-Микаил ибн Сельджук. Он находился в Шибургане и собирался ехать в Мерв, свою столицу.

Мы по причине небезопасности дорог поехали на Сенгилян, а оттуда через Се-дерэ проехали и Балх. Когда мы приехали в рибат Се-дерэ, я услышал, что брат мой Ходжа Абу-л-Фатх Абд-ал-Джалиль находится в свите везира эмира, некоего Абу-Насра. Я отсутствовал около семи лет. Когда мы прибыли в Дестгирд, мы встретили обоз с кладью, направлявшийся в Шибурган. Сопровождавший меня брат спросил, чьи это вещи. — Это вещи везира, — ответили ему. — Знаете ли вы Абу-л-Фатха Абд-ал-Джалиля? — спросил он.— С нами есть один из его людей.— Тотчас же к нам подошел какой-то человек и спросил: — Откуда вы идете? — Возвращаемся с хадджа.— У господина моего Абу-л-Фатха Абд-ал-Джалиля было два брата, — воскликнул он, — они столько-то лет тому назад уехали в хадж, и он страстно тоскует по ним. Но кого он ни расспрашивал о них, никто не мог ничего

ему сообщить. — Мы привезли письмо от Насира, — сказал мой брат: — когда твой господин приедет, мы вручим ему это письмо.

Прошло некоторое время, караван остановился посреди дороги, и мы тоже остановились. Слуга этот сказал: — Вот едет мой господин. Если он не найдет вас, он опечалится; если же вы мне дадите это письмо, я передам его, и он будет очень доволен. — Ты хочешь письмо Насира, — спросил мой брат, — или самого Насира? Вот он, Насир, перед тобой. [206]

Слуга от радости не знал, что делать, и мы отправились в сторону Балха через Миан и Руста. Брат же мой Абу-л-Фатх ехал через Дестгирд и вместе с везиром направлялся к эмиру Хорасана. Как только он услышал о нашем прибытии, он остановился у моста Джемугиан, чтобы дожидаться нас. Это было в субботу двадцать шестого Джумада-л-Ухра четырехста сорок четвертого года. ²⁸⁷ После того как мы утратили все надежды, столько раз попадали в смертельную опасность и уже не рассчитывали остаться в живых, мы снова свиделись, смогли насладиться свиданием друг с другом и восхвалили господа, велик и славен да будет он.

В этот день мы въехали в Балх, и я написал эти три двестишестидесяти, соответствовавшие нашему положению.

Если долго в этом мире делятся беды и страдания,
Все ж и счастью и горю здесь всегда конец приходит.
Ночь и день для нас ничтожных свод вращается небесный,
День уйдет, ему на смену тотчас же другой приходит.
Мы из странствия вернулись... Из него вернуться можно,
В путь другой уйдем, оттуда к нам никто уж не приходит...

Все расстояние от Балха до Мисра, оттуда до Мекки, через Басру в Фарс и снова обратно в Балх, не считая поездок на поклон святым местам в сторону и других отклонений, составляет две тысячи двести двадцать фарсахов. Обо всем, [207] что я видел, я правдиво поведал, а если я сообщил что-нибудь неверно о том, что слышал, пусть читатели не считают меня глупцом, не порицают и не бранят. И если поможет мне господь, велик и славен да будет он, я, если совершу путешествие на Восток, опишу и то, что увижу там, если захочет господь всевышний, единый, мощный.

Слава господу, владыке миров. Помолимся о Мухаммеде и семье его и всех сподвижниках его.

(пер. Е. Э. Бертельса)

Текст воспроизведен по изданию: Насир-и Хусрау. Сафар-наме. Книга путешествия. М. Academia, 1933.

© текст - Бертельс Е. Э. 1933

© сетевая версия - Thietmar. 2004

© OCR - Петров С. 2004

© дизайн - Войтехович А. 2001
© Academia 1933.